

"Повелевающая"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Келли Армстронг

Повелевающая

Пролог

За двенадцать лет до главных событий...

Мама забыла предупредить новую няню насчет подвала.

Хло стояла на верхней ступеньке лестницы. Она еле-еле доставала пухлыми ручками до перил. Руки у нее так дрожали, что она едва могла держаться за перила. Коленки тоже дрожали, и даже тапочки Скуби Ду подрагивали. Дышала она тяжело и прерывисто, словно после долгого бега.

— Хло? — донесся из подвала приглушенный голос Эмили. — Твоя мама сказала, что кока-кола в кладовой. Но я что-то не могу ее тут найти. Ты не могла бы спуститься и помочь мне?

Мама должна была предупредить Эмили насчет подвала. Хло в этом не сомневалась. Она закрыла глаза и постаралась сосредоточиться. Когда мама с папой уезжали на вечеринку, Хло играла в гостиной. Мама позвала ее, и Хло выбежала в прихожую, мама тут же сгребла ее в охапку и еще рассмеялась, когда кукла Хло чуть не ткнула ее в глаз.

— Я смотрю, ты играешь с Принцессой — ой, прости, с Пиратшей Жасмин. Она уже спасла Аладдина от злого джина?

Хло покачала головой и прошептала:

— Ты сказала Эмили про подвал?

— Ну, конечно. Мисс Хло никак нельзя в подвал. Эта дверь для нее закрыта. — Когда из-за угла показался папа, мама сказала: — Стив, нам надо серьезно подумать о переезде.

— Одно твое слово, и я тут же вывешу объявление. — Папа взъерошил Хло волосы и сказал: — Будь хорошей девочкой и слушайся Эмили.

И они уехали.

— Хло, я знаю, что ты меня слышишь, — крикнула Эмили.

Хло с трудом отлепила пальцы от перил и заткнула уши.

— Хло!

— Я не могу спускаться в подвал, — крикнула она в ответ. — Мне нельзя.

— Сейчас я за тебя отвечаю, и я говорю, что можно. Ты уже большая девочка.

Хло заставила себя спуститься на одну ступеньку. Горло сдавило, в глазах все поплыло.

— Хло Сандерс, у тебя есть пять секунд, а потом я силой втащу тебя сюда и запру дверь.

Хло помчалась вниз. Ноги у нее запнулись, и она рухнула на лестничную площадку.

Ушибленная нога ныла, глаза щипало от слез. Она вглядывалась в темный подвал со всеми его скрипами, запахами и тенями. И миссис Хобб.

Раньше там были и другие, пока миссис Хобб их всех не распугала. Например, миссис Миллер, которая играла с Хло в прятки и называла ее Мэри. А еще мистер Дрейк, который всегда задавал странные вопросы типа «А на Луне уже живут люди?» Чаще всего Хло не знала, что и ответить, но мистер Дрейк все равно улыбался и говорил, что она — хорошая девочка.

Раньше ей нравилось приходить в подвал и разговаривать с людьми. Главное — не заглядывать за печку, где на веревке висел человек. У него было пунцовое и одутловатое лицо. Он никогда ничего не говорил, но у Хло от одного его вида возникали спазмы в животе.

— Хло? — послышался приглушенный голос Эмили. — Ты идешь или нет?

Мама обычно говорила:

— Думай о хорошей стороне дела, а не о плохой. — И вот последние три ступеньки Хло прошла, думая о миссис Миллер и мистере Дрейке и совсем не думая о миссис Хобб... ну, почти не думая.

Она вгляделась в почти кромешную тьму. Горели только ночники, которые мама развесила после того, как Хло сказала, что не хочет ходить вниз. Мама тогда подумала, что это из-за темноты. Так оно, в общем-то, и было, потому что в темноте миссис Хобб могла подкрасться незаметно.

Хло все же разглядела холодную дверь кладовой и, не сводя с нее глаз, быстро двинулась вперед. Когда рядом что-то шевельнулось, она забыла, что смотреть нельзя. Но это оказался повешенный. Он раскачивался, и его рука показывалась из-за печки.

Хло добежала до двери кладовой и распахнула ее. Внутри была непроглядная темень.

— Хло? — позвала из темноты Эмили.

Хло сжала кулаки. Вот теперь Эмили вела себя по-настоящему подло. Пряталась от нее...

Где-то наверху раздались шаги. Мама? Неужели уже вернулись?

— Давай же, Хло, ты ведь не боишься темноты? — Эмили рассмеялась. — Какая же ты еще маленькая.

Хло нахмурилась. Эмили просто ничего не понимает и ведет себя как глупая, жестокая девчонка. Хло достанет ей колу, но потом побежит наверх и все расскажет маме, и Эмили больше никогда не доверят сидеть с детьми.

Хло заглянула в маленькую комнатку, пытаясь вспомнить, где мама держит колу. Вроде бы где-то на полке. Хло метнулась вперед и поднялась на цыпочки. Пальцы сжались на маленькой железной баночке.

— Хло? Хло! — Это был голос Эмили, но теперь он доносился издалека, и в нем слышались визгливые нотки. Над головой бухали шаги. — Хло, где ты?

Хло уронила баночку. Та ударилась о бетонный пол и, шипя и пенясь, подкатилась к ногам, забрызгав тапочки.

— Хло, Хло, где ты? — голосом, похожим на голос Эмили, передразнил кто-то сзади.

Хло медленно обернулась.

В дверях стояла старуха в розовом домашнем халате. В темноте поблескивали ее глаза и зубы. Миссис Хобб. Хло очень хотелось зажмуриться, но она не решилась, потому что это еще больше разозлило бы миссис Хобб.

Кожа миссис Хобб начала морщиться и скукоживаться. Потом она почернела и стала лопаться, как прутики в огне. Начали отваливаться огромные шматы кожи, шелухой ссыпаясь на пол. Волосы зашипели и сгорели. И вот уже от нее ничего не осталось, кроме черепа с почерневшими кусками плоти. Челюсти раскрылись — в них по-прежнему поблескивали зубы.

— Добро пожаловать назад, Хло.

Глава 1

Я рывком села в кровати. Одна рука сжимала подвеску, другая — запуталась в простынях. Я пыталась ухватиться за обрывки сна, которые уже начали рассеиваться. Что-то насчет подвала... девочки... меня? Не помню, чтобы у нас когда-либо был подвал — мы всегда жили в квартирах в многоэтажных домах.

Маленькая девочка в подвале, что-то страшное... в подвалах всегда есть что-то пугающее. Я вздрогнула от одной только мысли о них, темных, сырых и пустых. Но этот пустым как раз не был. Там было... не помню что. Человек за печкой?..

Я чуть не подпрыгнула, услышав стук в дверь.

— Хло! — крикнула Анетт. — Почему твой будильник опять не сработал? Я домработница, а не нянька. Если ты опять опоздаешь, я позвоню твоему отцу.

Ну, от этих-то угроз ночные кошмары меня мучить не будут. Даже если Анетт удастся дозвониться до отца в Берлине, он просто сделает вид, что слушает, а сам в это время уткнется в газету, вычитывая там что-нибудь интересное, например прогноз погоды. В конце он просто пробормочет: «Хорошо, когда вернусь, я займусь этим» и забудет о разговоре, как только повесит трубку.

Я включила радио и выползла из постели.

Через полчаса я уже была в ванной и собиралась в школу.

Я разделила волосы на пробор и заколола их в два хвоста. Потом взглянула в зеркало и поморщилась. С такой прической я выгляжу лет на двенадцать... Мне только что исполнилось пятнадцать, а официанты до сих пор предлагают мне детское меню. Росту во мне метр с кепкой, а округлости только-только стали обозначаться, и разглядеть их можно, только если я надену обтягивающие джинсы и футболку.

Тетущка Лорен уверяет, что я вымахваю, как только ко мне придут регулярные дни. Но сейчас я почти уверена, что она имеет в виду «если», а не «когда». У большинства моих подруг это произошло лет в двенадцать, а у кого-то даже в одиннадцать. Я стараюсь не думать об этом, но, конечно же, не могу совершенно выкинуть из головы. Я боюсь, что со мной что-то не так,

чувствую себя белой вороной и молюсь, чтобы подружки не догадались, что у меня таких дней еще не было. Тетя Лорен говорит, что со мной все в порядке, а она доктор, так что, наверное, знает, что говорит. Но это все равно меня беспокоит. Даже очень.

— Хло! — Дверь вздрогнула под ударом мясистого кулака Анетт.

— Я на унитазе, — крикнула я в ответ. — Могу я хоть ненадолго уединиться?

Я попробовала поднять волосы с боков и оставить только одну заколку сзади. Получилось неплохо. Но когда я повернула голову, чтобы получше рассмотреть себя сбоку, заколка соскочила с моих по-детски тонких волос.

Не надо было мне стричься. Но мне уже надоело ходить с длинными, прямыми, как у маленькой девочки, волосами. Я тогда решила постричь их в легком, воздушном стиле. На модели это смотрелось отлично. А на мне? Совсем не так.

Я посмотрела на нетронутый тюбик краски для волос. Кари клялась, что красные пряди будут прекрасно сочетаться с моими пшенично-светлыми волосами. А я не могла отделаться от мысли, что буду выглядеть как цветная карамельная палочка. Тем не менее это может придать мне более взрослый вид...

— Я берусь за телефон, Хло, — крикнула Анетт.

Я схватила тюбик, сунула его в рюкзак и открыла дверь.

Я, как всегда, спускалась по лестнице. Я никогда не меняю своих привычек. В тот день, когда я пошла в первый класс, мама взяла меня за руку, держа в другой руке мой ранец. Мы стояли на верхней ступеньке.

— Приготовься, Хло, — сказала она. — Раз, два, три...

И мы помчались вниз, до самого первого этажа, перескакивая через ступеньки, пыхтя и хихикая. Лестница качалась у нас под ногами. И все мои страхи по поводу первого школьного дня как рукой сняло.

Мы с мамой бегали по ступенькам весь первый класс, и еще половинку второго, а потом... потом мне стало не с кем бегать.

На последней площадке я помедлила, потрогала подвеску у себя под футболкой. Потом стряхнула воспоминания, закинула на плечо рюкзак и зашагала к выходу.

После смерти мамы мы часто переезжали, путешествуя по всему Буффало. Папа менял одни роскошные апартаменты на другие. То есть он покупал их на последней стадии строительства и продавал, когда стройка заканчивалась. И поскольку почти все время был в командировках, то не считал нужным пустить где-то корни. Во всяком случае, для него это было неважно.

Спускаться по лестнице сегодня не стоило. У меня и так все внутри дрожало от волнения, ведь сегодня — экзамен по испанскому. Я чуть не завалила последнюю контрольную — уехала на выходные к Бет, вместо того чтобы готовиться, — и едва-едва написала ее. Я никогда не была особенно сильна в испанском, но если я не дотяну хотя бы до троечки, отец может это заметить, и тогда у него возникнут сомнения, стоило ли отдавать меня в школу искусств.

Милос ждал меня в своей машине у тротуара. Он уже два года возил меня. С ним мы прошли через два переезда и три школы. Когда я села, он опустил козырек с моей стороны. Правда, утреннее солнце все равно било мне в глаза, но я промолчала.

Желудок немного успокоился, когда я потерла по знакомому подлокотнику и вдохнула химический аромат автомобильного ароматизатора, который болтался на зеркальце.

— Я вчера фильм смотрел, — сказал Милос, уверенно ведя машину. — Тебе бы такой понравился.

— Триллер?

— Нет. — Он нахмурился. Губы его шевелились, словно он пробовал слова на вкус. — Приключенческий экшн. Ну, знаешь, куча оружия, все взрывается. Всех устрелили.

Я терпеть не могу поправлять Милоса, но он сам просил.

— Ты хотел сказать, застрелили?

— Нет. Если в человека выстрелить, он что сделает? Упадет. Значит, их устрелили.

Я посмеялась, и мы еще немного поговорили о фильмах. Моя любимая тема.

Когда Милосу пришлось ответить на вызов диспетчера, я глянула в боковое окно. Какой-то длинноволосый мальчуган выскочил из-за толпы бизнесменов. В руках у него была старомодная коробочка для завтраков с изображением супергероя на крышке. Я была так занята, пытаюсь угадать, что это за супергерой, что не обратила внимания, куда мальчуган направляется, пока он не спрыгнул с тротуара прямо перед капотом нашей машины.

— Милос! — вскрикнула я. — Остороо...

Договорить мне не хватило воздуха, поскольку в грудь врезался ремень безопасности. Водитель позади нас возмущенно сигналил.

— Что? — спросил Милос. — Хло? Что такое?

Я глянула за капот машины и... ничего не увидела. Только пустой асфальт да поток машин, объезжавших нас слева. Водители, проезжая мимо, крутили пальцем у виска.

— Т-т-т... — Я сжала кулаки, как будто это могло помочь мне выдавить из себя слово. «Если застряла, выбери другой маршрут», — всегда говорил мне мой логопед. — Кажется, я видела ч-ч-ч...

«Говори медленно. Сначала обдумай свои слова».

— Прости. Мне показалось, что кто-то выскочил прямо перед нами.

Милос тронулся с места.

— Со мной такое тоже иногда случается, особенно если вертеть головой. Кажется, что вижу кого-то, а потом — бац! — и никогошеньки.

Я кивнула. Снова заныло в животе.

Сначала сон, который я никак не могла вспомнить, потом мальчишка, которого я просто не могла увидеть. Мне страшно. Пока я не решу хотя бы одну из этих загадок, не может быть и речи о том, чтобы сосредоточиться на экзамене по испанскому. Поэтому я позвонила тете Лорен. Я попала на ее голосовую почту и сказала, что перезвоню в обед. Потом я направилась к шкафчику своей подруги Кари, и на полпути мне перезвонила тетя.

— Я когда-нибудь жила в доме с подвалом? — спросила я.

— И тебе доброе утро.

— Прости. Мне приснился сон, и он не дает мне покоя. — Я рассказала ей те обрывки, которые еще помнила.

— А, так это, должно быть, старый дом в Аллентауне. Ты тогда была совсем крохой. Неудивительно, что ты не помнишь его.

— Спасибо. Это...

— Не давало тебе покоя, не сомневаюсь. Наверное, знатный был кошмар.

— Что-то про монстра, живущего в подвале. Очень примитивно. Прости, это глупости.

— Монстр? Что...

Наш разговор оборвала система громкой связи, включившаяся в кабинете тети Лорен. Тоненький голосок объявил: «Доктор Феллоу, пожалуйста, свяжитесь со станцией ЗБ».

— Твоя очередь, наверное, — сказала я.

— Это может подождать. Хло, с тобой все в порядке? Ты какая-то подавленная.

— Да нет, просто... воображение разыгралось. Утром я перепугала Милоса — мне показалось, что какой-то мальчишка выбежал на дорогу прямо перед нашей машиной.

— Что?

— Только там не было никакого мальчишки. Вернее, был, но только у меня в голове. — Я увидела Кари возле ее шкафчика и помахала ей рукой. — Ладно. Скоро звонок, так что...

— Я заеду за тобой после школы. Поужинаем в «Кроуне». Там и поговорим.

Она отключилась, прежде чем я успела возразить. Я покачала головой и отправилась догонять Кари.

Школа. Ну что тут можно рассказать? Люди полагают, что школы искусств чем-то отличаются от обычных. Все дышит творческой энергией, классы полны счастливых детей, и даже готы счастливы настолько, насколько их истерзанные души могут это себе позволить. Люди думают, что здесь меньше прессинга со стороны ровесников. Ведь сюда чаще всего попадают подростки, которых преследовали и запугивали в других школах.

Да, правда, в школе Гурней неплохо. Но помести подростков вместе, какими бы похожими они ни были, и они все равно разделятся. Появятся кланы. Только вместо спортсменов, ботаников и чмошников здесь у нас художники, музыканты и актеры.

Будучи студенткой театрального отделения, я автоматически попадала в клан актеров, где талант ценился куда меньше, чем внешние данные, манеры и голосовые данные. Сногшибательной красотой я не отличалась, а по последним двум пунктам у меня был жирный ноль. Так что по популярности я занимала твердую серединку. То есть была из тех девушек, на которых никто не обращает особого внимания.

Но я всегда мечтала попасть в школу искусств, и здесь действительно было здорово. А что еще лучше, отец пообещал, что я останусь здесь до самого выпуска, сколько бы мы ни переезжали. А значит, впервые в жизни я не буду вечно «новенькой». В школу я пришла первокурсницей, как и все остальные. Как обычный нормальный подросток. Наконец-то.

Но сегодня я вовсе не чувствовала себя нормальной. Все утро я думала о том мальчишке на улице. Можно было найти кучу логических объяснений. Я все время смотрела на его коробку с бутербродами, поэтому могла ошибиться в направлении его движения. Он мог запрыгнуть в поджидавший у обочины автомобиль. Или же в последний момент свернуть и затеряться в толпе.

Это вполне логично. Так почему же меня продолжает терзать это видение?

* * *

— Ну, давай же, — сказала Миранда, глядя, как я копаюсь в своем шкафчике во время большой перемены. — Он как раз здесь. Спроси его, идет ли он на танцы. Неужели это так трудно?

— Оставь ее в покое, — проворчала Бет. Она протянула руку, достала с верхней полки ярко-желтую коробку с моим обедом и потрясла у меня перед глазами. — Не понимаю, как ее можно не заметить, Хло. Она же чуть ли не светится.

— Ей стремянка нужна, чтобы так высоко заглядывать, — усмехнулась Кари.

Я толкнула ее, и она отскочила, смеясь.

Бет хмыкнула.

— Пошли уже, народ, а то нам столика не достанется.

Мы дошли до шкафчика Брента, и тут Миранда ткнула меня локтем.

— Спроси его, Хло.

Она сказала это театральным шепотом. Brent глянул на нас... и тут же отвернулся. Лицо у меня запылало, и я только крепче прижала к груди коробку с едой.

Длинные темные волосы Кари коснулись моего плеча.

— Он придурок, — шепнула она. — Не обращай на него внимания.

— Нет, он не придурок. Просто я ему не нравлюсь. И тут уж ничего не поделаешь.

— Я сама его спрошу, — вызвалась Миранда.

— Нет! — Я схватила ее за руку. — П-пожалуйста.

Ее круглое личико презрительно скривилось.

— Господи, какой же ты еще ребенок. Хло, тебе же пятнадцать. Ты уже должна брать инициативу в свои руки.

— Например, названивать парню до тех пор, пока его мамаша открытым текстом не попросит оставить его в покое? — спросила Кари.

Миранда только плечами пожала.

— Это же его мать. Сам Роб такого никогда не говорил.

— Да? Ты просто убедила себя в этом.

Обычно я тут же вмешивалась и заставляла их успокоиться, но я все еще переживала из-за того, что Миранда оконфузила меня перед Brentom.

Кари, Бет и я часто говорили о парнях, но не были помешаны на них. Миранда же — о, у нее было столько парней, что она сама сбилась со счета. И когда она вошла в нашу компанию, для всех нас как-то вдруг стало очень важно обзавестись парнем. Я и так переживала, что недостаточно зрелая, так Миранда еще подняла меня на смех, когда я призналась, что ни разу не была на настоящем свидании. И вот тогда я придумала для себя влюбленность. В Brenta.

Я думала, назову парня, который мне нравится, и этого будет достаточно. Не тут-то было. Миранда выдала меня с потрохами — сказала ему, что он мне нравится. Я была в ужасе. Где-то в душе я надеялась, что он скажет: «Здорово. Хло мне тоже нравится». Да куда там! Раньше мы с ним иногда болтали на уроках испанского. А теперь он отсел на два ряда, как будто от меня вдруг начало сильно разить потом.

Только мы подошли к столовой, как меня кто-то окликнул. Я обернулась и увидела, что ко мне бежит Нат Бозиан. Его рыжая шевелюра, как маяк в переполненном коридоре. Он наткнулся на старшекурсника, улыбнулся, извинился и помчался дальше.

— Привет, — сказала я, когда Нат приблизился.

— Здорово. Ты не забыла, что Петра перенесла заседание киноклуба на сегодня? Будем обсуждать авангард. Я знаю, ты любишь авторское кино.

Я сморщилась.

— Что ж, тогда передам ей твои сожаления. И скажу Петре, что тебе не хочется ставить ту короткометражку.

— А мы это сегодня решаем?

Нат попятился.

— Может быть. А может, и нет. Так я передам Петре...

— Мне надо бежать, — сказала я подругам и помчалась догонять его.

Заседание киноклуба, как всегда, началось за кулисами, где мы обсуждали деловые вопросы и заодно обедали. В аудиторию с едой входить нельзя.

Мы обсудили короткометражку, и я действительно попала в список кандидатов в режиссеры — единственная из первокурсников. Потом, пока все смотрели сцены из авангардного кино, я выбрала кассету и потихоньку слушала ее в наушниках. Мне удалось выскользнуть оттуда еще до конца заседания, и я отправилась к своему шкафчику.

Полдороги голова у меня была занята разными мыслями. И тут желудок снова напомнил о себе. Оказывается, я была так озабочена тем, чтобы попасть в список кандидатов в режиссеры, что забыла пообедать.

А пакет с обедом оставила за кулисами. Я посмотрела на часы. Десять минут до звонка. Еще успею.

* * *

Заседание клуба уже закончилось. Кто уходил из аудитории последним, всегда выключал свет. А я понятия не имела, как его включить, тем более что для этого надо было сначала разглядеть выключатели. Выключатели, светящиеся в темноте! Вот на чем я заработаю деньги для своего первого фильма. Конечно, надо, чтобы кто-то их еще произвел. Как большинство режиссеров, я больше человек идей.

Я пробиралась по проходам и дважды больно ударилась коленкой. Наконец глаза привыкли к блеклому свету аварийного освещения, и я нашла лестницу, ведущую за сцену. А вот дальше стало труднее.

Пространство за сценой было разгорожено на мелкие закутки для хранения реквизита и для импровизированных гримерных. Там был свет, но кто-то всегда его выключал. Ощупав ближайшую стену и не найдя там выключателя, я сдалась.

Бледный свет аварийных лампочек позволял мне разглядеть силуэты. Сойдет.

И все же было очень темно. А я боюсь темноты. У меня тяжелые воспоминания детства, связанные с темнотой. Какие-то воображаемые знакомцы, которые обитали в темных местах и пугали меня. Знаю, это звучит нелепо. Другие дети придумывают себе товарищей по играм, а я — монстров.

Запах грима подсказывал, что я оказалась где-то недалеко от гримерок, но смешанный с запахом нафталина и старых костюмов, он почему-то не успокоил меня.

Еще три шага, и вокруг меня обвилась материя, и я закричала. Это я наступила на кулисы. Просто отлично! Интересно, я кричала очень громко? Надеюсь, стены тут звуконепроницаемые.

Я поводила рукой по шершавой материи, нашла край и раздвинула кулисы. Впереди я смогла различить стол, за которым мы обедали. На нем лежало что-то желтое. Моя коробка с бутербродами?

Проход словно бы растянулся передо мной, уходя в бесконечную темноту. Кулисы сходились под углом, что создавало ощущение сужающегося тоннеля. Интересный эффект, может пригодиться для триллера. Надо запомнить.

Представив этот проход декорацией к фильму, я немного успокоилась. В голове сложилась целая сцена. Моя неровная походка только добавит напряженности, сделает эпизод более естественным, приблизит зрителя к главной героине — глупой девчонке, которая идет на странный звук.

Что-то глухо стукнуло. Я вздрогнула, мои подошвы заскрипели. От этого звука я чуть не подпрыгнула. По коже побежали мурашки. Я потеряла руки и попыталась рассмеяться. Вот и звуковые эффекты подтянулись.

И снова шум. На этот раз шуршание. Так в нашем зловещем коридоре еще и крысы водятся? Пора отключить свое скачущее галопом воображение и сосредоточиться. Надо управлять сценой.

Наша главная героиня видит что-то в конце коридора. Какая-то темная фигура...

Я вас умоляю. Ну что за дешевый триллер. Нужно что-то оригинальное... мистическое...

Что это она там видит? Школьную коробку с обедом, новую, ярко-желтую, совсем неуместную в этом старом проклятом доме.

Продолжай раскручивать сцену. Не позволяй себе отвлечься...

В полной тишине прозвучал приглушенный всхлип и тут же растворился во влажном хлопанье.

Плач. Все верно. Из моего фильма. Главная героиня видит коробочку с бутербродами, а потом слышит плач. Что-то шевельнулось в конце коридора. Темная фигура...

Я бросилась вперед, к заветной коробке, схватила ее и помчалась прочь.

Глава 3

Я только что сунула свой недоеденный обед в шкафчик. Я обернулась и увидела, как Нат бочком протискивается мимо группы девчонок. Прозвенел звонок, и холл словно взорвался. Ребята ринулись вперед, толкаясь, словно лосось, пробивающийся вверх по течению реки на нерест и сметающий все на своем пути. Нату пришлось побороться, чтобы пробраться ко мне.

— Ты так быстро сбежала из киноклуба, я даже не успел тебя перехватить. Я хотел спросить: ты идешь на дискотеку?

— Завтра? Да.

Он улыбнулся, от чего на его щеках появились умильные ямочки.

— Отлично. Тогда увидимся.

Толпа учеников поглотила его. Я так и стояла, глядя ему вслед. Неужели Нат разыскал меня только для того, чтобы спросить, иду ли я на дискотеку? Конечно, это совсем не то же самое, что пригласить меня на дискотеку, но все же... мне определенно стоит пересмотреть свой гардероб.

Какой-то старшеклассник врезался в меня, сбив мой рюкзачок и пробормотав себе под нос что-то вроде: «Стоит тут посреди холла». Я наклонилась, чтобы поднять рюкзак, и тут

почувствовала, как между ног у меня намокло.

Я резко распрямилась и застыла, боясь сделать шаг.

Боже мой! Неужели я описалась? Я вздохнула поглубже. Может, я и впрямь заболела? Желудок у меня весь день бузит.

Посмотрим, можно ли это как-то исправить. И если все очень плохо, поеду домой на такси.

В туалете я увидела, что мои трусики перепачканы ярко-алым.

Пару минут я сидела на крышке унитаза и лыбилась, как идиотка. Будем надеяться, что слухи о видеокамерах в туалетах окажутся всего лишь слухами.

Я скрутила прокладку из туалетной бумаги, натянула джинсы и вышла из туалетной кабинки. Вот оно — то, что дразнило меня с самой осени: автомат с гигиеническими прокладками.

Из заднего кармана джинсов я вытащила пятидолларовую купюру и монетки в десять и два пенса. Так, назад в кабинку! Роюсь у себя в рюкзаке, но нахожу... еще всего лишь пять пенсов.

Я внимательно разглядываю автомат. Подхожу поближе. Обследую исцарапанный замок. Бет уверяет, что его можно вскрыть длинным ногтем. Ногти у меня не такие длинные, но зато с этим прекрасно справляется мой ключ от дома.

Знаменательная выдалась у меня неделька. Меня включили в список кандидатов на постановку фильма. Нат пригласил на дискотеку. И пришли первые месячные.

Приведя себя в порядок, я снова нырнула в свой рюкзак за расческой, но вместо этого вытащила тюбик с краской для волос. Мое отражение в зеркале озорно улыбалось.

Почему бы не добавить к списку достижений первый прогулянный урок и первый опыт окрашивания? Покрасить волосы над раковиной в школьном туалете — не так-то просто, но все равно полегче, чем дома, где Анетт следит за каждым шагом.

На то, чтобы окрасить с десятков прядей в ярко-красный цвет, понадобилось минут двадцать. Пришлось снять рубашку, чтобы не запачкать ее краской. Так что я стояла, склонившись над раковиной, в одном бюстгальтере и джинсах. К счастью, никто не зашел.

Я вытерла насухо окрашенные пряди бумажным полотенцем, взглянула в зеркало и... улыбнулась. Кари была права. Действительно, смотрится здорово. Анетт до смерти перепугается. Папа, пожалуй, заметит. Может, даже рассердится. Зато я абсолютно уверена, что больше никто не вручит мне в кафе детское меню.

Скрипнула дверь. Я сунула использованные полотенца в мусорную корзину, схватила рубашку и юркнула в кабинку. Я едва успела закрыть задвижку на двери, как в соседней кабинке послышался плач. В щели между кабинками я разглядела пару кроссовок.

Надо ли спрашивать, что с ней такое? Или это только смутит ее?

Послышался шум спускаемой воды, и тень на полу шевельнулась. Потом щелкнул замок на двери. Но когда пустили воду в раковине, рыдания только усилились.

Воду выключили. Пискнул рулончик с бумажными полотенцами. Бумагу смяли и бросили в урну. Дверь открылась и снова закрылась. Но рыдания не прекратились.

По спине у меня пробежал холодок. Я уверяла себя, что девушка просто передумала выходить и решила побыть здесь, пока полностью не успокоится. Да только вот плач раздавался практически рядом со мной. В соседней кабинке.

Я сжала кулаки. Это всего лишь мое воображение.

Я медленно нагнулась. В щель не видно никакой обуви. И плач прекратился.

Я натянула рубашку и поспешно ретировалась из туалета. Когда дверь за мной захлопнулась, наступила тишина. В холле ни души.

— Ты!

Я резко развернулась и с облегчением выдохнула. Ко мне направлялся школьный сторож.

— Т-т-туалет, — пробормотала я. — Я в туалет ходила.

Он продолжал приближаться. Я его что-то не узнавала. Это был мужчина одних лет с моим папой. У него были подстриженные усики, и одет он был в фирменную униформу служащих школы.

— Я-я... я иду в класс.

Я пошла.

— Ты! Вернись. Я хочу поговорить с тобой.

Кроме этого окрика, я слышала только свои шаги.

Свои! Почему я не слышала его шагов?

Я заторопилась.

Мимо меня пронеслось что-то расплывчатое. Метрах в пяти впереди что-то замерцало, и пятно приобрело форму фигуры в рубашке и штанах сторожа. Я развернулась и побежала.

Мужчина издал рык, который эхом прокатился по пустому холлу. В этот момент из-за угла вывернул какой-то студент, и мы чуть не столкнулись. Я пробормотала свои извинения и оглянулась. Сторожа нигде не было.

Я выдохнула и закрыла глаза. А когда открыла их, синяя форменная рубашка была в нескольких сантиметрах от меня. Я подняла голову и... закричала.

Он был похож на манекен, стоявший слишком близко к открытому огню. Лицо горело и оплывало. Один глаз вспучился, а второй стекал по щеке. Сама щека ввалилась, губы отвисли, кожа светилась и сходила лоскутами.

Искореженные губы шевельнулись.

— Может, хоть теперь ты обратишь на меня внимание?

Я помчалась по коридору. Когда я пробежала мимо одного из классов, дверь отворилась.

— Хло? — раздался мужской голос.

Я продолжала бежать.

— Поговори со мной! — жуткий хриплый рык слышался совсем рядом. — Да ты хоть знаешь, как долго я пробыл в заточении?

Я вылетела на лестничную клетку и помчалась наверх.

Наверх? Все идиотки в кино всегда бегут наверх.

Я развернулась и разом промахнула целый пролет лестницы.

Сторож теперь ковылял на один пролет ниже, цепляясь руками за перила. Пальцы его плавались, и сквозь оплывающую плоть торчали кости...

Я плечом распахнула дверь и побежала по главному холлу.

— Да послушай же ты, эгоистка. Мне всего-то и нужно, что пять минут...

Я заскочила в ближайший пустой класс и захлопнула дверь. Пока я пятилась к центру комнаты, сторож прошел сквозь дверь. Жуткое оплавившееся лицо исчезло, он снова казался нормальным.

— Так лучше? Может, хоть теперь ты прекратишь орать и поговоришь...

Я метнулась к окну и попыталась открыть его. Только сейчас я поняла, как оно высоко — метров десять до земли, не меньше, и внизу асфальт.

— Хло!

Дверь распахнулась. Это были завуч, мисс Во, мой учитель математики мистер Травис и учитель музыки — не помню его имени. Увидев меня у окна, мисс Во раскинула руки, преградив путь мужчинам.

— Хло? — тихо сказала она. — Милая, ты должна отойти от окна.

— Да я просто...

— Хло...

Я смутилась и оглянулась на окно.

В этот момент мистер Травис метнулся мимо мисс Во и схватил меня. Мы вместе повалились на пол, и я чуть не задохнулась от силы удара. Поднимаясь, он случайно пихнул меня коленом в живот, и я, захрипев, согнулась пополам.

Когда я открыла глаза, прямо надо мной нависал Сторож. Я закричала и попыталась подняться, но мистер Травис с учителем музыки крепко удерживали меня, пока мисс Во что-то торопливо говорила в мобильный телефон.

Сторож наклонился ко мне, пройдя сквозь мистера Трависа.

— Ну, теперь-то ты поговоришь со мной, девочка? Теперь тебе никуда не деться.

Я забилась, пытаюсь лягнуть жуткий морок и вырваться из рук державших меня учителей, но

те только крепче прижали меня к полу. Сквозь пелену, накрывшую меня, я расслышала, как мисс Во сказала, что помощь уже в пути. Сторож наклонился к моему лицу и снова превратился в ужасную обгоревшую маску. Он был так близко, что я смотрела в его единственный, вспухший пузырем глаз, почти вылезший из глазницы.

Чтобы не закричать, я прикусила язык. Во рту появился вкус крови. Чем больше я билась, тем крепче держали меня учителя, выкручивая руки. Боль пронзала меня насквозь.

— Неужели вы не видите его? — закричала я. — Вот же он. Пожалуйста! Пожалуйста, пожалуйста! Уберите его от меня. Уберите его!

Но они не слушали. Я продолжала вырываться, спорить, но они крепко держали меня, а обгорелый мужчина продолжал надо мной измываться.

Наконец в класс вошли двое мужчин в форме. Один помог учителям удержать меня, а второй шагнул мне за спину. Пальцы сомкнулись на моем предплечье, а потом я почувствовала укол иглы. По венам растекся жидкий лед.

Комната начала кружиться. Фигура сторожа потускнела.

— Нет! — закричал он. — Мне нужно поговорить с ней. Как вы не понимаете? Она же может слышать меня. Я только хочу...

Его голос становился все глуше и глуше. Санитары тем временем уложили меня на носилки. Потом они поднялись, раскачиваясь. Раскачиваясь... как слоны. Я однажды каталась на слоне. В зоопарке, с мамой. Память тут же перенесла меня туда, и мама обнимала меня за шею и смеялась...

Рык ярости сторожа прорвался сквозь завесу моей памяти.

— Не уносите ее! Она нужна мне!

А меня продолжало раскачивать... Это слон раскачивался. А мама смеялась...

Глава 4

Я сидела на краешке больничной койки и пыталась убедить себя, что все еще сплю. Это было лучшим объяснением тому, что я слышала. Можно было, конечно, списать это и на бред, но я предпочитала сон.

Тетя Лорен сидела рядом и держала меня за руку. Я посмотрела на медсестер, снующих по коридору. Тетя проследила за моим взглядом, поднялась и закрыла дверь. Я следила за тетей сквозь пелену слез и пыталась представить, что это моя мама. Внутри у меня все съежилось, и я снова становилась шестилетней девочкой, которая скрючилась на кровати и оплакивает свою мать.

Я вытерла ладони о покрывало. Жесткое и колючее, оно царапало мою сухую кожу. В комнате было так жарко, что каждый вдох заставлял сжиматься мое иссохшее горло. Тетя Лорен дала мне воды, и я с жадностью вцепилась в холодный стакан. У воды был металлический привкус, но я все равно выпила ее одним залпом.

— Семейный пансион, — произнесла я. Стены, казалось, высосали эти слова у меня изо рта,

поглотили их и оставили один лишь мертвый воздух.

— Господи, Хло. — Тетя Лорен вынула из кармана носовой платок и вытерла нос. — Знаешь, сколько раз мне приходилось говорить пациенту, что он умирает? Но это почему-то еще труднее. — Она повернулась ко мне. — Я знаю, как ты мечтаешь поступить в Калифорнийский университет. И это для тебя единственный способ попасть туда, дорогая.

— Это папа решил?

Она помолчала, и я поняла, как велик у нее был соблазн во всем обвинить его. Когда мама умерла, тетя Лорен хотела взять меня на воспитание и тем самым избавить от жизни в пустых квартирах с домработницами. Она так и не простила моего папу за то, что он отказался. Так же, как не простила его за ту ночь, когда погибла мама. И неважно, что их занесло от столкновения с другой машиной, которая наехала на пешехода и скрылась. Папа был за рулем, а значит, вся вина лежала на нем.

— Нет, — наконец ответила она. — Это школа. Если ты не пройдешь двухнедельное обследование в групповом пансионе, это попадет в твое личное дело.

— Что попадет в мое личное дело?

Она крепче сжала платок в кулаке.

— Эти сво... — Она поймала себя на полуслове и поправилась. — Это их политика нулевой терпимости. — В ее устах эти слова прозвучали хуже ругательства.

— Нулевой терпимости? Ты хочешь сказать, насилия? Но я... я не...

— Я знаю. Но для них все просто. Ты подралась с учителем. Значит, тебе требуется медицинская помощь.

В специальном пансионе. Для психически больных детей.

* * *

В ту ночь я несколько раз просыпалась. Во второй раз я заметила папу — он стоял в дверях и смотрел на меня. В третий — он сидел на стуле возле моей кровати. Заметив, что я открыла глаза, он протянул руку и неловко потрепал меня по плечу.

— Все будет хорошо, — пробормотал он. — Все будет хорошо.

И я снова заснула.

Наутро папа все еще был рядом со мной. Взгляд у него был усталым, а морщинки вокруг рта — глубже, чем раньше. Он не спал всю ночь — летел из Берлина.

Не думаю, что он когда-либо хотел иметь детей. Но папа никогда не говорил мне этого, даже когда злился. Что бы тетя Лорен ни думала о нем, он старается, как может. Просто он не знает, что со мной делать. Я — словно щенок, которого ему оставил очень дорогой его сердцу человеку. И вот он изо всех сил старается оправдать доверие, хоть и не очень-то любит собак.

— Ты изменила прическу, — сказал он, когда я села в кровати.

Я обхватила себя за плечи. Когда ты с воплями носишься по школьным коридорам, покрасив волосы в школьном туалете, первое, что говорят люди, — естественно, переваарив часть с воплями, — это «что ты сделала?» Красить волосы в школьном туалете — это ненормально. Во всяком случае, для таких девушек, как я. Да еще в ярко-красный цвет? Прогуляв урок? Да у меня на лбу написано: нервный срыв.

— Тебе она нравится? — через какое-то время спросил папа.

Я кивнула.

Он помолчал, потом выдавил из себя смешок.

— Что ж, это не совсем то, что я хотел бы, но смотрится неплохо. Самое главное, что тебе нравится. — Он почесал щеки, припорошенные седой щетиной. — Полагаю, тетя Лорен уже сказала тебе о семейном пансионе? Она уже подыскала один, как ей кажется, подходящий. Маленький, частный. Не могу сказать, что я в восторге от этой идеи, но это же всего на пару недель...

Никто не говорил, что со мной такое. Со мной побеседовали самые разные доктора, провели какие-то тесты, сделали анализы. Я была уверена, они прекрасно знали, что со мной происходит, просто не говорили мне. А это значит, все очень плохо.

Я ведь не впервые видела людей, которых на самом деле нет. Именно об этом и хотела поговорить со мной после школы тетя Лорен. Когда я рассказала ей про сон, она сразу вспомнила, как в детстве я рассказывала о каких-то людях в нашем старом подвале. Мои родители считали, что это игра воображения, что я придумала целый сонм персонажей и превратила их в своих друзей. Потом эти друзья стали пугать меня, да так сильно, что нам пришлось переехать.

Но даже после этого я продолжала «видеть» каких-то людей, и тогда мама подарила мне рубиновое кольцо и сказала, что оно защитит меня. Папа считал, что тут все дело в психологии. Я поверила, что кольцо поможет, и оно помогло. Но сейчас это произошло снова, и на этот раз уже никто не списывал произошедшее на мое буйное воображение.

Они отправляли меня в приют для умалишенных детей. Они думали, что я сумасшедшая. Но это не так. Мне пятнадцать лет, и у меня только что начались месячные, а это что-то да значит. Не может быть простым совпадением, что именно в этот день мне снова начала мерещиться всякая всячина. Все эти копившиеся во мне гормоны разыграли и взорвали мой мозг, заставили его дать сбой, вырвав картинки из забытых фильмов и внушив мне, что они реальны.

Если бы я сошла с ума, то я не просто бы видела и слышала людей, которых нет. Я бы и вела себя, как сумасшедшая. А этого ведь не было.

Правда?

Чем больше я думала об этом, тем больше начинала сомневаться. Я чувствовала себя нормальной. Я не могла припомнить, чтобы делала что-нибудь странное. Не считая, правда, того, что покрасила волосы в школьном туалете. И прогуляла урок. И взломала автомат с прокладками. И подралась с учителем.

Последнее не считается. Я просто перепугалась, увидев того обожженного парня, и пыталась

вырваться, чтобы скрыться от него. Я вовсе не собиралась никому причинять вреда. А до того момента со мной все было в порядке. Мои друзья считали, что со мной все в порядке. И мистер Петри так считал, когда внес меня в список кандидатов на режиссера. И Нат Бозиан, очевидно, тоже. Вряд ли он стал бы выражать бурную радость по поводу того, что какая-то сумасшедшая тоже собирается на дискотеку.

А ведь он был счастлив.

Когда я пыталась припомнить все эти события, они казались мне смутными и расплывчатыми, словно мне все это приснилось.

А что, если ничего этого не было? И я просто хотела получить место режиссера. Хотела, чтобы Нат проявил ко мне интерес. Может, я все это выдумала? Мне все привиделось, как привиделся мальчишка, кинувшийся под колеса, плачущая девочка и обожженный сторож.

Если бы я сошла с ума, я бы поняла это? Ведь в том-то и состоит безумие, что человек считает себя совершенно нормальным. А все остальные так не думают.

Может, я все же спятила?

В воскресенье отец и тетя Лорен отвезли меня в пансионат Лайл. Перед тем как покинуть больницу, мне дали какое-то лекарство, и я почти все время спала. Наше прибытие в пансионат напоминало нарезку из стоп-кадров и крупных планов.

Огромный белый особняк в викторианском стиле, стоящий на обширном участке земли. Желтая изгородь. Качели на террасе, опоясывающей весь особняк.

Две женщины. Одна из них, седая, с широкими бедрами, подходит поприветствовать меня. Вторая, помоложе, суровым взглядом следит за мной, сложив руки на груди, готовая к любым неприятностям.

Мы поднимаемся по длинной узкой лестнице. Пожилая дама — медсестра, назвавшаяся миссис Талбот, — непрерывно щебечет, устроив нам подобие мини-экскурсии. Мой затуманенный мозг не в состоянии следить за ее рассказом.

Желто-белая спальня украшена маргаритками и пахнет гелем для волос.

У дальней стены — кровать, накрытая покрывалом. Стена над кроватью оклеена фотографиями, вырезанными из молодежного журнала. Туалетный столик уставлен тюбиками и бутылочками с косметикой. И только небольшой письменный стол совершенно чист.

Моя половина комнаты — стерильное отражение этой картины: та же кровать, тот же туалетный столик, тот же крохотный письменный стол — и все это лишено какой-либо индивидуальности.

Папе и тете Лорен пора уезжать. Миссис Талбот пояснила, что пару дней я не смогу с ними видаться, так как мне надо «акклиматизироваться» и привыкнуть к «новой обстановке». Словно животному, попавшему в новый дом.

Обнимаю тетю Лорен. Делаю вид, что не замечаю слез в уголках ее глаз.

Неловкое объятие с папой. Он бормочет что-то про то, что останется в городе и приедет

навестить меня, как только разрешат. Потом он сует мне свернутую в рулончик пачку двадцаток и целует в макушку.

Миссис Талбот говорит, что они сами разложат мои вещи, поскольку я, наверное, очень устала. Я заползаю в кровать. Шторы задергивают. Комната погружается в темноту, и я снова проваливаюсь в сон.

Меня будит голос папы. В комнате теперь совсем темно, снаружи — тоже. Ночь.

В дверном проеме — силуэт отца. Позади него маячит молодая медсестра — мисс Ван Доп. На ее лице недовольство. Папа подходит к моей кровати и сует мне в руки что-то мягкое.

— Мы забыли Оззи. Я подумал, что ты не сможешь без него. — Медвежонок коала уже два года как сидел на полке в моей комнате, изгнанный из кровати. Ведь я уже давно вышла из того возраста, когда спят в обнимку с игрушкой. Но я взяла его и зарылась носом в старый искусственный мех — от него пахло домом.

Я проснулась от сиплого дыхания девушки, спящей в соседней кровати. Я приподнялась на локте, но увидела лишь фигуру под одеялом.

Я перевернулась на спину, и по щекам у меня покатались жгучие слезы. Это была не тоска по дому, нет. Это были слезы стыда. Неловкости. Унижения.

Я напугала тетю Лорен и папу. Им пришлось срочно решать, что со мной делать, что со мной случилось и как этому помочь.

А школа...

Щеки у меня запылали горячее. Сколько ребят слышали, как я орала? Заглядывали в тот класс и видели, как я дерусь с учителем и несу какую-то чушь про расплавившегося сторожа? Видели, как меня уносили, пристегнутую к носилкам?

Все, кому не удалось лично понаблюдать за этой драмой, услышат о ней во всех подробностях. И все будут знать, что Хло Сандерс соскочила с катушек. Спятила, и ее упрятали в больницу к другим полоумным.

Даже если мне позволят вернуться в школу, не думаю, что мне хватит на это духу.

Глава 5

Я проснулась от бряканья металлических вешалок. Белокурая девушка перебирала мои вещи, миссис Талбот развесила их вчера в шкафу.

— Привет, — сказала я.

Девушка обернулась и улыбнулась.

— Красивые вещицы. Хорошие бренды.

— Я — Хло.

— А я — Лиза. Как Лиззи МакГир. — Она махнула рукой в сторону выцветшей журнальной вырезки на стене. — Только я не люблю, когда меня называют Лиззи, потому что это... — она понизила голос до шепота, словно боясь оскорбить фотографию Лиззи, — как-то по-детски.

Она продолжала болтать, только я не слушала ее. Я никак не могла отделаться от мысли, что с ней что-то не так. Ведь если она тут, в пансионе Лайл, значит, с ней точно что-то не так. Какое-нибудь «умственное расстройство».

Но она совсем не похожа на сумасшедшую. Ее длинные волосы забраны в аккуратный хвост. На ней — модные джинсы и хорошая футболка. Не знаю я точно, где нахожусь, я бы подумала, что проснулась в обыкновенной школе-пансионе.

Она продолжала без умолку болтать. Может, именно в этом все дело?

Но она казалась совершенно безобидной. Да ведь так и должно быть. Они бы не стали помещать сюда кого-то опасного. Или по-настоящему сумасшедшего.

О, нет, Хло, они не помещают сюда настоящих сумасшедших. Только тех, кто слышит голоса, видит обгорелых сторожей и дерется с учителями.

У меня заныл желудок.

— Ты давай вставай, — сказала Лиза. — Завтрак через пять минут, и они очень злятся, если опаздываешь. — Я открыла ящик шкафа, но Лиза махнула рукой. — На завтрак можно идти и в пижаме. Парни обедают и ужинают с нами, а вот завтрак у них попозже, так что мы можем позволить себе немного вольности.

— Парни?

— Симон, Дерек и Питер.

— Так тут совместное обучение?

— А-ха. — Лиза глянула в зеркало и, сжав губы, отшелушила сухой лоскуток кожи. — Нижний этаж у нас общий, а верхний разделен.

Она открыла дверь и показала мне короткий коридор.

— Они занимают вторую половину. Здесь даже нет двери между половинами. Можно подумать, что мы стали бы ходить к ним тайком по ночам. — Она хихикнула. — Хотя Тори пошла бы. Я бы тоже могла, если бы было ради кого. А Тори запала на Симона. — Лиза придирчиво осмотрела мое отражение в зеркале. — Тебе может понравиться Питер. Он симпатичный, но слишком мал для меня. Ему тринадцать. Вернее, почти четырнадцать.

— Мне пятнадцать.

Лиза прикусила губу.

— Ох ты. Впрочем, неважно. Все равно Питер тут долго не пробудет. Я слышала, он скоро поедет домой. — Она помолчала. — Так, значит, пятнадцать? В каком ты классе?

— В девятом.

— Как Тори. А я в десятом, как Симон, Дерек и Рэ. Хотя я думаю, что Симону и Рэ еще по

пятнадцать. Не помню, я говорила, что мне нравятся твои волосы? Я тоже хотела так покраситься, только с голубыми прядями, но мама сказала...

Лиза продолжала отпускать комментарии по любому поводу, когда мы спустились вниз и встретили целый сонм персонажей. Во-первых, доктор Джил, психолог, но она приходила сюда только в рабочие часы, как и учитель, мисс Ванг.

Двух из трех нянечек я уже встречала. Миссис Талбот — ту, что постарше, которую Лиза охарактеризовала как «очень милую», и молодую мисс Ван Доп, «не такую хорошую», как шепнула мне Лиза. Третья, миссис Абдо, работала только по субботам и воскресеньям, давая двум другим выходной. Они жили здесь же и присматривали за нами. Они были скорее воспитателями, но Лиза упорно называла их нянечками.

В конце лестницы в нос мне ударил сильный запах лимонного очистителя. Здесь пахло, как в доме у бабушки. Даже папа никогда не чувствовал себя уютно в безукоризненно чистом доме своей матери, под ее строгим взглядом, в котором читалось: «если ты прольешь содовую на белый кожаный диван, можешь не рассчитывать на подарок ко дню рождения». Однако всего один взгляд на эту гостиную, и я выдохнула с облегчением. Здесь было так же чисто, как у бабушки, — ковер без единого пятнышка, мебель надраена и блестит — но все выглядело уютно и по-домашнему поношено, так и тянуло свернуться калачиком на диване.

Стены были выкрашены в самый популярный в Лайле цвет — в бледно-желтый. Темно-синий диван и два кресла-качалки были завалены подушками. В углу тикали старинные часы. На столиках по краям дивана стояли вазочки с маргаритками и нарциссами. Ярко и жизнерадостно. Я бы даже сказала, чересчур ярко и жизнерадостно, как в той гостинице возле Сиракуз, где мы с тетей Лорен останавливались прошлой осенью — там так отчаянно старались создать домашний уют, что это больше напоминало декорации, чем реальный дом.

Здесь, я думаю, все то же самое: бизнес, старающийся убедить тебя в том, что это не бизнес, и заставить тебя почувствовать себя как дома. Заставить забыть, что ты в доме для душевнобольных детей.

Лиза остановила меня возле двери в столовую, и мы заглянули туда.

С одной стороны стола сидела высокая девушка с короткими темными волосами.

— Это Тори. Вообще-то Виктория, но ей больше нравится Тори. Она моя лучшая подруга. У нее бывают приступы дурного настроения, я слышала, что она попала сюда именно из-за этого. Но она хорошая. — Лиза дернула подбородком, указывая на другую девушку за столом — красотку с бронзовой кожей и длинными волнистыми волосами. — Это Рэчел. Рэ. У нее пунктик насчет огня.

Я взглядела в эту девушку. Пунктик насчет огня? Значит ли это, что она устраивает поджоги? А я-то думала, что тут все должно быть абсолютно безопасно.

А как насчет парней? Вдруг кто-то из них агрессивен?

Я потеряла ноющий живот.

— Я смотрю, кое-кто проголодался, — пропел чей-то голос.

В дверь, которая, видимо, соединяла столовую с кухней, вошла миссис Талбот с кувшином

молока в руках. Она улыбнулась мне.

— Проходи, Хло. Давай я тебя всем представлю.

Перед завтраком мисс Ван Доп раздала нам всем таблетки и проследила, чтобы мы их выпили. Выглядело это немного жутковато. Никто не произнес ни слова — все просто протягивали ладонь, закидывали таблетки в рот и запивали водой. А потом как ни в чем не бывало возвращались к разговору.

Видя, как я недоверчиво смотрю на таблетки в своей руке, мисс Ван Доп сказала, что попозже доктор мне все подробно объяснит, а пока я просто должна их выпить. Что я и сделала.

Поев, мы все направились наверх, переодеваться. Первой шла Рэ, за ней — Лиза, потом — Тори, и замыкала шествие я.

— Рэчел? — окликнула Тори.

Плечи Рэ напряглись, но она не обернулась.

— Да, Виктория?

Тори поднялась еще на две ступеньки, сократив расстояние между ними.

— Ты постирала вещи? Сейчас твоя очередь. А я хочу надеть ту новую рубашку, которую купила мне мама.

Рэ медленно обернулась.

— Миссис Талбот сказала, что я смогу постирать сегодня. Вчера нам велели сидеть и не высовываться, пока... — Она перевела взгляд на меня и чуть улыбнулась, как бы извиняясь. — ...Хло обустривалась.

— Так, значит, ты не постирала?

— Именно это я и сказала.

— Но я хочу...

— Свою рубашку. Я поняла. Ну, так надень ее. Она же совершенно новая.

— Да, но ее могли мерить в магазине другие люди. И это ужасно.

Рэ вскинула руки и пошла дальше. Тори ругнулась. Как будто это я была в чем-то виновата. Она повернулась ко мне, и между нами что-то мелькнуло. Я отступила назад и схватилась за перила.

Она криво усмехнулась.

— Господи, да не собираюсь я тебя бить.

Над ее плечом появилась рука. Тонкие бледные пальца извивались, словно черви.

— Хло? — окликнула меня Лиза.

— Я-я-я-я... — Я с трудом оторвала взгляд от бледной руки. — Я споткнулась.

— Послушай, девочка... — прошептал мне в ухо мужской голос.

Лиза спустилась на пару ступенек и положила руку мне на плечо.

— С тобой все в порядке? Ты побледнела.

— М-м-мне просто п-п-показалось, что я что-то слышу.

— Почему она так странно разговаривает? — спросила Тори у Лизы.

— Это называется заикание. — Лиза сжала мою руку. — Это ничего. Мой брат тоже заикается.

— Твоему брату всего пять лет, Лиза. Многие дети в его возрасте заикаются. Но не подростки. — Тори взглянула на меня. — Ты заторможенная?

— Что?

— Ну, ты едешь на длииинном автобусе... — она широко развела руки, а потом снова свела их вместе, — или на коротком?

Лиза вспыхнула.

— Тори, это не...

— Да ладно! Она говорит, как маленькая, да и выглядит так же...

— У меня проблемы с речью, — сказала я, тщательно произнося каждое слово, словно это Тори была заторможенной. — И я стараюсь справиться с этим.

— У тебя отлично получается, — вставила Лиза. — Ты сейчас сказала целое предложение, не заикаясь.

— Девочки? — Миссис Талбот выглянула из гостиной первого этажа. — Вы же знаете, что нельзя баловаться на лестнице. Урок начнется через десять минут. Хло, мы еще не получили данные от твоих преподавателей, поэтому у тебя сегодня урока не будет. Как оденешься, мы обсудим твоё расписание.

В пансионе Лайл обожали расписания, как любят дисциплину в лагере новобранцев.

Подъем у нас был в 7.30. Мы завтракали, умывались, одевались и к 9.30 были в классе. Там мы занимались индивидуально, под присмотром мисс Ванг выполняя задания наших учителей из школы. В 10.30 перерыв на небольшой перекус — весьма питательный, само собой. И снова в класс. Перерыв на обед в полдень. И опять в класс с 13.30 до 16.30 с двадцатиминутной переменой в 14.30. Еще во время занятий у нас проходила индивидуальная часовая терапия с доктором Джил. Мой первый сеанс пройдет сегодня сразу после обеда. С 16.30 до 18.00 у нас было свободное время... ну, или что-то вроде того. Вдобавок к занятиям и терапии у нас еще были бытовые обязанности. Довольно много, если судить по списку. И их надлежало выполнять в свободное время до и после ужина. Плюс мы еще должны были втиснуть во все это тридцать минут ежедневной физкультуры. А потом, после вечернего чая, в 21.00 мы отбывали в постель. Свет гасили в 22.00.

Питательные полдники? Сеансы терапии? Список поручений? Обязательные физические упражнения? Спать в девять часов?

Лагерь для новобранцев мог показаться куда привлекательнее.

Мне здесь не место, это точно.

После того как мы поговорили, мисс Талбот кто-то позвонил, и она заспешила, пообещав вскоре вернуться со списком моих поручений. Красота.

Я сидела в гостиной и пыталась обдумать сложившееся положение. Но неослабная жизнерадостность интерьера действовала на меня, словно яркий свет в глаза, не давая сосредоточиться. Несколько дней желтого цвета с маргаритками, и я превращусь в счастливого зомби, как Лиза.

Я почувствовала укол совести. Лиза дала мне почувствовать, что мне здесь рады, и не задумываясь вступилась за меня перед своей лучшей подругой. Если жизнерадостность — это душевное заболевание, то не самое неприятное — уж куда лучше, чем видеть обгоревших людей.

Я потеряла шею и закрыла глаза.

Пансион Лайл оказался вовсе не так плох, правда. Лучше, чем обитые мягким комнаты и бесконечные коридоры с настоящими зомби — едва волокущими ноги пациентами, настолько обколотыми всякими лекарствами, что им даже не до собственного внешнего вида. Может, меня тревожила иллюзия дома? Может, мне в какой-то степени было бы спокойнее с уродливыми кушетками, белыми стенами и решетками на окнах, чтобы не было никаких фальшивых ожиданий? И то, что я не вижу решеток, еще не значит, что здесь все так свободно и открыто, как кажется. Так просто не может быть.

Я подошла к окну. Закрыто, несмотря на солнечный день. В раме была дыра, раньше там, наверное, располагалась щеколда. Я выглянула наружу. Много деревьев, тихая улица, старинные особняки на больших участках. Никакой электрической изгороди, никаких плакатов, возвещавших: ПАНСИОНАТ ЛАЙЛ ДЛЯ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ ДЕТЕЙ. Все очень обычно. Но что-то подсказывало мне, что возьми я сейчас стул и разбей им окно, немедленно сработает сигнализация.

Так где же расположена сигнализация?

Я вышла в холл, взглянула на входную дверь и увидела — вот она, мигает. Никаких попыток спрятать. Думаю, это своего рода напоминание. Будьте как дома, но не пытайтесь выйти наружу.

А как насчет черного хода?

Я прошла в столовую и выглянула в окно. Во внутреннем дворике было тоже много деревьев, как на лужайке у парадного входа. Еще там был навес, плетеные кресла, грядки. На одном из стульев лежал футбольный мяч, а над небольшой асфальтированной площадкой висело баскетбольное кольцо, значит, нам все же позволялось выходить на улицу — видимо, для тех самых тридцати минут «занятий физкультурой». Интересно, видеонаблюдение ведется? Я не заметила никаких камер, зато окон здесь было предостаточно, чтобы нянечки могли присматривать во дворе за каждым. И двухметровый забор тоже был хорошей защитой.

— Ищешь, как сбежать?

Я развернулась и увидела мисс Ван Доп. В ее глазах мелькали озорные огоньки, но лицо при этом оставалось серьезным.

— Н-н-нет. П-п-просто осматриваюсь. Да, и еще: когда я одевалась, я заметила, что на мне нет моего рубинового кольца. Наверное, оно осталось в больнице. Мне бы хотелось удостовериться, что мне его вернут. Оно особенное.

— Я передам твоему папе, но, пока ты здесь, мне придется подержать кольцо у себя. Мы не разрешаем нашим девочкам носить ювелирные украшения. А теперь насчет плана побега...

Другими словами, хорошая была попытка, но отвлечь мисс Ван Доп не удалось. Она выдвинула стул и жестом пригласила присесть. Я села.

— Уверена, ты заметила систему безопасности у парадной двери, — сказала она.

— Я не...

— Не пыталась сбежать. Я знаю. — Улыбка тронула ее губы. — Большинство наших постояльцев — не из тех детей, кто убегает из дому. Разве что в знак протеста. Они достаточно умны, чтобы понять, что на улице их ждет что-то пострашнее, чем то, что бывает внутри. А здесь совсем не так плохо. Не Диснейленд, конечно, но и не тюрьма. У нас было всего несколько попыток побега, да и то ребята просто хотели повидать своих друзей. Ничего серьезного, но родители ждут от нас лучшей организации безопасности. И хотя мы гордимся тем, что создаем обстановку, близкую к домашней, я считаю, что очень важно с самого начала обозначить все ограничения, которые у нас неизбежно возникают.

Она замолчала, ожидая от меня какого-нибудь ответа. Я кивнула.

— Окна подключены к сигнализации, как и входные двери. Вам допускается выходить только на задний двор, там нет ворот. Из-за сигнализации вы должны уведомлять нас каждый раз, когда собираетесь пойти погулять, чтобы мы могли отключить сирену и — конечно! — держать вас под наблюдением. Если у тебя будут какие-то вопросы относительно того, что можно делать и чего нельзя, обращай ко мне. Я не стану приукрашивать действительность, Хло. Я считаю, что честность — лучший шаг для установления доверия, а доверие просто жизненно необходимо в таких местах, как это.

И снова ее взгляд буквально пронзил меня насквозь, прошупывая, убеждаясь, что я уловила скрытый смысл — честность ожидается с обеих сторон, и я должна выполнять свою половину уговора.

Я кивнула.

Глава 6

Миссис Талбот отрядила меня чистить к обеду морковь. Я не отважилась сказать ей, что ни разу в жизни морковь не чистила. Порезавшись пару раз, я уловила суть технологии.

Пока я чистила овощи, мысли мои унеслись... туда, куда бы мне лучше не ходить. И тогда я использовала свою лучшую защиту: превратила это все в кино.

Учитывая, сколько печальных событий выпало на мою долю в последнее время, эти несколько дней дали обширнейшую пищу для моих воображаемых фильмов. Но в каком жанре их сделать? Обычные ужастики? Или психологический триллер? Может, соединить разные элементы и удивить зрителя...

— Уже послали чистить овощи? — прошептал чей-то голос. — Что же ты такого сделала, что заслужила наказание?

На этот раз я, обернувшись, увидела не оторванную руку, а целое тело. Парень, может, на год старше меня и сантиметров на десять выше, стройный, с высокими скулами и темно-русыми волосами в виде торчащего во все стороны ирокеза. В его миндалевидных глазах плясал озорной огонек.

— Ты, наверное, Хло?

Он протянул руку. Я отскочила. Морковка выскочила у меня из рук и стукнула его по ладони. Настоящей. Присоединенной к настоящему туловищу.

— Я... я...

Он поднес палец к губам и указал на дверь в столовую. Там, за дверью, мисс Талбот беседовала с Лизой.

— Мне вообще-то не положено быть здесь, — прошептал он. — Кстати, меня зовут Симон.

Я вдруг поняла, что он стоит между мной и выходом. Улыбка у него была дружелюбной, и он был определенно симпатичный, но это не в счет, если парень зажал вас в угол.

Он бочком прошел к кладовке, поднял палец, давая мне понять, чтобы я подождала, и скрылся внутри. Я слышала, как он там шарит по полкам. Когда я заглянула в кладовку, он как раз снимал с полки коробку с крекерами.

Набег на кухню? Я не могла сдержать улыбку. Похоже, не имеет значения, пансион это или летний лагерь, — парни и их желудки не меняются. Симон вытащил из коробки непочатую упаковку крекеров.

— Вон та, соседняя пачка уже открыта, — шепотом подсказала я.

— Спасибо, но я хочу целую. Верно, братишка?

Я проследила за его взглядом и охнула. Позади меня в дверях стоял парень ростом под два метра, с широченными плечами, едва проходящими в эти самые двери. Хотя ростом он был здоров, за взрослого его бы никто не принял. Его лицо можно было использовать в рекламе крема против юношеских угрей, как образец «до того». Темные волосы низко свисали на лоб, почти скрывая вялые, потухшие глаза.

— Я-я-я... — Я сглотнула. — Я тебя не заметила.

Не обращая на меня внимания, он протянул руку и взял у Симона крекеры. Когда он развернулся, Симон ухватил его за рубашку.

— Мы обучаем его хорошим манерам, — сказал он мне. — Дерек, это Хло. Хло, это мой брат Дерек.

— Брат? — переспросила я.

— Ага. — Голос у Дерекка оказался низким, как рык. — Близнец.

— Он — мой приемный брат, — пояснил Симон. — Так я как раз собирался сказать Хло...

— Мы тут закончили? — спросил Дерек.

Симон махнул рукой, отпуская его, потом вздохнул.

— Извини. В общем, я только хотел сказать, добро пожаловать...

— Симон? — Голос Тори эхом прокатился по кухне. — Ага, я так и подумала, что это твой голос. — Она взялась за ручку двери в кладовку. — Вы с Дерекком все время устраиваете набеги...

Тут Тори заметила меня, и ее глаза превратились в узкие щелки.

— Тори? — окликнул ее Симон.

Выражение ее лица тут же сменилось с гневного на приторно-кокетливое.

— Да?

Симон пальцем показал на столовую.

— Тссс!

Пока она бормотала свои извинения, я поспешила ретироваться оттуда.

* * *

Я закончила с чисткой моркови, и мисс Талбот сказала, что я свободна до обеда, и проводила меня в медиакомнату. Если я надеялась на огромный плазменный экран с системой стереозвука и самый современный компьютер, то мне не повезло. Там стоял телевизор с двадцатидюймовым экраном, дешевый DVD-плеер, старенький Xbox и еще более старый компьютер. Беглого осмотра коллекции фильмов хватило, чтобы понять, что вряд ли я буду проводить здесь много времени... если, конечно, меня вдруг не одолеет ностальгия по близнецам Ольсен. Единственным фильмом из категории «Не рекомендуется детям» был «Парк юрского периода». На нем даже была приклеена бумажка «Перед просмотром получите разрешение». Точно так же мне приходилось показывать школьное удостоверение, чтобы доказать, что мне больше тринадцати.

Я включила компьютер. Он загружался минут пять. Windows 98. Еще минут пять у меня ушло на то, чтобы вспомнить, как пользоваться Windows. В школе мы пользовались Макинтошами, и под этим предлогом я убедила папу купить мне ноутбук Эппл — с пакетом крутых программ для монтажа видео.

Я поискала браузер. Надеялась найти Файерфокс, но не нашлось ничего лучше простенького Интернет Эксплорера. Я вбила URL и затаила дыхание, ожидая увидеть сообщение «Невозможно подключиться к вебузлу». Однако вместо этого страница медленно, но загрузилась. Похоже, мы не так уж сильно отрезаны от внешнего мира, как я боялась.

Я побродила по своим любимым сайтам, пока наконец не набралась смелости открыть свою

почту. Пару минут я просматривала статистику полученных за выходные сообщений. Потом вбила адрес своего аккаунта на MSN.

Браузер на минуту задумался, после чего выдал сообщение «Страница не может быть отображена». Я попробовала ящик на Хотмейле. То же самое.

— Хло, вот ты где.

Я обернулась. В комнату входила миссис Талбот.

— Я просто... — Я махнула рукой на экран. — Хотела проверить свою почту, но мне все время выдается вот это.

Она подошла ближе, глянула на экран и вздохнула.

— Все дело в этой программе «Няня Нет», или что они там используют. Боюсь, она просто блокирует некоторые сайты. Но ты можешь отправлять и получать почту через наш аккаунт. Тебе придется пользоваться нашей почтовой программой и просить, чтобы мисс Ван Доп вводила для тебя пароль. Я понимаю, это очень неудобно, но у нас в прошлом году были проблемы с одним юношей. Он заходил на сайты, на которые не должен был заходить, а совету попечителей стало об этом известно... — Она покачала головой. — К сожалению, вынуждена признать, что наказываем всех из-за одной паршивой овцы. Ну а теперь пора обедать.

За обедом я познакомилась с последним обитателем дома — Питером. Он сказал мне «привет», спросил, как дела, и полностью погрузился в свою портативную PlayStation. В Лайле все было очень обычно. Даже слишком. Каждый раз, когда кто-то двигался, я напрягалась, ожидая, что вот-вот он или она заговорит на тарабарском языке или начнет кричать, что у него жуки ползают по тарелке. Но ничего такого не было.

Еда была вполне приличная. Домашняя запеканка с мясом и овощами. Очень полезная, полагаю, как и молоко, и булочки из цельных злаков, которые подавались к ней. А на десерт нам обещали желе. Вот радость-то.

Вой сирен и скрип тормозов из игрушки Питера обеспечивали единственный саундтрек ко всему обеду. Рэ к обеду не явилась. Тори и Лиза болтали между собой, слишком тихо, чтобы я могла присоединиться к их беседе. Дерек был занят поглощением своей порции и не разговаривал вообще.

Так что роль радушного хозяина оставалось играть Симону. Он спросил, из какого я района. Когда я призналась, что ни в одном месте подолгу не задерживалась, он сказал, что они тоже часто переезжают — он и Дерек. Мы начали сравнивать самые трудные переезды, и тут встряла Тори со своей историей об ужасах переезда — из спальни на втором этаже в комнату в цокольном этаже. Симон дал ей повыступать пару минут, потом спросил меня, в каком классе я учусь и в какой школе.

Я знаю, что он всего лишь проявлял вежливость — втягивал новенькую в разговор, — но если б Тори была мультяшным персонажем, у нее бы уже повалил дым из ушей. Мне встречались такие девушки. Собственницы во всем — будь то расческа, лучшая подруга или парень, на которого она положила глаз.

— Школа искусств, — выдохнула она. — Как прелестно. Скажи, Хло, и что же ты там изучаешь? Фотосъемку привидений? Или рассказы о призраках?

Я чуть не подавилась кусочком мяса.

— Ой! — Тори повернулась к Симону. — Разве Хло тебе не рассказала? Она видит мертвецов.

Питер оторвался от своей игрушки.

— Правда? Здорово.

Я подняла голову. Вилка Дерек застыла на полпути ко рту, а его зеленые глаза прожигали меня сквозь завесу длинных волос. Губы у него скривились, словно он хотел сказать: «Что за дура? Вообразила, что видит призраков?»

— Все не так. Я-я-я-я...

— Ну, вот опять, — вздохнула Тори. — Лиза, хлопни ее по спине, может, она перезагрузится.

Симон зыркнул на нее.

— Не будь такой стервой, Тори.

Тори застыла с открытым ртом — воплощение ужаса и унижения. Дерек вернулся к своей трапезе.

— Я вовсе не то имела в виду, — выдавила из себя Тори. — Питер прав, это даже здорово. Если она видит призраков, может, она поможет Лизе разобраться с ее полтергейстом.

— Тори! — взвизгнула Лиза, бросив вилку.

— Ну вот, — проворчал Дерек.

С глазами, полными слез, Лиза отодвинула стул. Тори снова начала бормотать извинения. Симон подхватил стакан Лизы, пока она не смахнула его со стола. Питер склонился над своей игрой. Дерек же воспользовался всеобщим замешательством и положил себе последний кусок запеканки.

Дверь из кухни распахнулась, и на пороге появилась миссис Талбот, но ее слова потонули в какофонии.

В другой двери появилась Рэ с корзиной грязного белья в руках.

— Последний звонок, — объявила она. — Есть еще что-нибудь?

Никто ее не то что не услышал — даже не заметил. Я огляделась по сторонам и поняла, что в царившем хаосе никто не обратит внимания, если я уйду. Так я и сделала.

* * *

Они знают. Все знают.

Я — идиотка. Сумасшедшая, которой мерещатся призраки. Здесь мне самое место.

Обед жег мне желудок. Я поспешно поднимаюсь по лестнице, думая о своей кровати с тонким матрасом, от которого пахло химическим ванильным ароматизатором. Постель вдруг показалась мне такой манящей. Задвинуть шторы, свернуться под одеялом, включить iPod и

постараться забыть...

— Я могу тебе чем-нибудь помочь, Хло?

Не дойдя двух ступенек, я остановилась и обернулась. У подножия лестницы стояла мисс Ван Доп.

— Я-я-я хочу полежать пару минут. У меня голова разболелась и...

— Тогда иди и прими лекарство.

— Я... я просто немного устала. У меня сейчас нет уроков, так что я подумала...

— Спускайся, Хло.

Она подождала, пока я спущусь вниз, и сказала:

— У нас в Лайле спальни предназначены для сна.

— Я...

— Я знаю, что ты устала и немного ошарашена впечатлениями, но тебе нужны занятия и общение, а не уединение. Рэ пошла заниматься стиркой. Если ты уже пообедала, можешь пойти и помочь ей.

Открывая дверь в подвал, я внутренне подобралась, ожидая увидеть старую скрипучую лестницу, ведущую в темное сырое подземелье — место, которое я ненавижу. Вместо этого передо мной оказалась сверкающая лестница в прекрасно освещенном помещении, выкрашенном в бледно-зеленый цвет цветочным бордюром. Впервые за этот день я даже порадовалась здешней чрезмерной жизнерадостности интерьеров.

В прачечной был кафельный пол, старое кресло, стиральная машина, сушилка и несколько шкафов и полок. Никаких признаков «старого пыльного подвала».

Стиральная машина работала, но Рэ рядом не было.

В дальнем конце комнаты я заметила еще одну закрытую дверь. Подойдя к ней поближе, я почувствовала резкий запах.

Сигареты?

Ну, если Рэ там курит, то я не собираюсь вмешиваться. Я развернулась, чтобы подняться вверх, и тут заметила, как Рэ протискивается между двумя стеллажами.

Губы у нее шевелились, бормоча ругательства. Она трясла рукой, гася спичку. Я поискала взглядом сигарету, но ее не было. Только дымящаяся спичка.

И тут я снова услышала голос Лизы: «У нее „пунктик“ насчет огня».

Должно быть, все это отразилось у меня на лице, потому что Рэ одним прыжком преградила мне путь вверх и замахала руками.

— Нет, нет, ты не то подумала. Я не собиралась делать ничего такого. Я не... — Она чуть успокоилась, поняв, что я ее слушаю. — Я не устраиваю поджоги. Будь это так, меня бы сюда

не пустили. Спроси кого хочешь. Мне просто нравится огонь.

— О.

Она заметила, что я смотрю на коробок спичек, и тут же убрала его в карман.

— Я заметила, ты не обедала, — сказала я. — Может, принести тебе что-нибудь?

Лицо у нее просветлело.

— Спасибо. Я съем перед уроком яблоко. Я пользуюсь любым предложением, чтобы не сидеть за одним столом с королевой Викторией. Ты же видела, какая она. Она следит за каждым моим куском. Стоит мне взять порцию побольше, или добавку, или десерт, и она тут же начинает.

Наверное, она заметила, как я смутилась, потому что провела рукой по своему телу и пояснила:

— Да, мне не помешало бы сбросить пару килограммов, но я не нанимала Викторию в качестве своего личного диетолога. — Она прошла к куче неразобранного грязного белья. — Мой совет: держись от нее подальше. Она — как те монстры, которых я видела в старом фантастическом фильме. Вампиры из космоса. Только они высасывают из тебя не кровь, а жизненные силы.

— «Жизненная сила». Тоуб Хупер. Духовные вампиры.

Рэ улыбнулась, обнажив немного кривые зубы.

— Духовные вампиры. Надо будет запомнить.

Раньше мне казалось, что здесь мне не место, потому что не чувствовала себя сумасшедшей. Держу пари, никто из них не чувствовал себя сумасшедшим. Может, душевная болезнь сродни заиканию? Можно всю жизнь убеждать людей, что легкое заикание еще не означает, что с тобой что-то не так. Просто у тебя есть проблема, над преодолением которой ты работаешь.

Например, видишь призраков.

Или тебя влечет огонь.

Это еще не значит, что ты шизик.

Чем раньше я это осознаю, тем лучше буду себя чувствовать в Лайле. Тем быстрее я вообще стану чувствовать себя лучше... и выйду отсюда.

Я глянула на кучу белья на полу.

— Тебе помочь?

Рэ показала мне, как это делается. Стиркой я тоже раньше никогда не занималась. Даже в лагере кто-то делал это за нас.

Несколько минут мы молча работали, потом Рэ спросила:

— Тебе кажется, это нормально?

— Что именно?

— Помещать девушку сюда только за то, что ей нравится огонь?

— Ну, если только это...

— Нет, есть еще кое-что, но так, по мелочи. Тоже связано с огнем. Ничего опасного. Я ни себе, ни кому другому не причиняю вреда.

Она снова занялась сортировкой белья.

— Тебе нравятся японские комиксы? — спросила она через минутку. — Аниме?

— Аниме прикольное. Я, правда, не особо этим увлекаюсь, но японское кино мне нравится, и игровое, и мультики.

— А я увлекаюсь. Я смотрю фильмы, читаю книги, сижу на форумах. Но у меня есть знакомая, которая просто помешана на аниме. Она тратит все карманные деньги на книги и диски. Она наизусть зачитывает диалоги из них. — Рэ встретила со мной взглядом. — Так вот, ты думаешь, ей сюда не надо?

— Нет. Большинство подростков увлекаются чем-нибудь в этом роде. Вот я, например, обожаю кино. Я могу сказать, кто поставил тот или иной фантастический фильм, вышедший на экраны еще до моего рождения.

— Но ведь никто при этом не говорит, что ты сумасшедшая? Ты просто сходишь с ума по кино. Очарована экраном. Так же, как... — Она достала из кармана коробок со спичками и потрясла им. — ...как я огнем.

Дверь наверху открылась.

— Девочки? — позвала нас миссис Талбот. — Вы еще тут?

Мы не успели отозваться, а на лестнице уже послышались ее шаги. Когда тень нянечки появилась из-за угла, я выхватила коробок из рук Рэ и спрятала его под рубашкой, которую как раз складывала.

— Рэ, у тебя начинается урок, — сказала миссис Талбот. — Хло...

— Я закончу тут и поднимусь наверх.

Миссис Талбот ушла. Я вернула Рэ ее коробок. Она одними губами сказала «спасибо» и пошла следом за нянечкой. А я осталась в подвале одна.

Глава 7

Я бросила пару розовых трусиков с меткой «Лиза» в ее кучку и остановилась. Интересно, а мужское белье тоже нам дают стирать? Хотелось бы верить, что нет. Я порылась в куче, но нашла только метки Рэ, Лизы и Тори и выдохнула с облегчением.

— Девочка...

Мужской голос раздался прямо у меня над головой. Я напряглась, но заставила себя продолжить работу. Здесь больше никого нет. А если и есть, то он не настоящий. Именно так и

надо относиться к призракам. И нечего вскакивать, как ошпаренная кошка. Хладнокровнее! Слышишь голос, видишь призраков и игнорируешь их.

— ...иди сюда...

Голос переместился в другую сторону комнаты. Я взяла в руки красные кружевные трусики с меткой «Тори» и подумала о своем детском хлопчатобумажном белье.

— ...сюда...

Я попыталась сосредоточиться на том, что надо бы раздобыть белье получше, а то неудобно перед теми девушками, кто будет стирать мое. Но руки у меня начали дрожать от сознательного усилия игнорировать голос. Всего один взгляд. Только один...

Я посмотрела в тот угол. Никого. Я выдохнула и вернулась к работе.

— ...дверь... заперта...

Я глянула на закрытую дверь. Ту самую, что я заметила раньше. Это доказывало, что голос — всего лишь плод моего воспаленного воображения.

«Зачем тебе вообще какие-то доказательства? Что еще это может быть?»

Отлично. Теперь мне надо абстрагироваться уже от двух голосов.

— Открой дверь... кое-что... покажу тебе...

Ха! Ну, теперь вообще классическая киношная сцена: «Просто пойдешь, загляни за закрытую дверь, девочка». Я рассмеялась, но голос мой дрогнул и сорвался.

Возьми себя в руки. Соберись, иначе тебя отсюда никогда не выпустят.

Мой взгляд скользнул к двери. Похоже на обычную кладовку. Если я действительно верю, что голос существует лишь у меня в голове, то что меня останавливает? Почему не пойти и не открыть дверь?

Я прошла к двери, буквально заставляя себя делать каждый следующий шаг. Я знала, что если остановлюсь, то струшу.

— Хорошо... иди...

Я взялась за дверную ручку. Ее металл приятно охлаждал ладонь.

— ...открывай...

Я медленно повернула ручку. Она сделала четверть оборота и остановилась. Я подергала ее.

— Заперто. — Мой голос в пустой прачечной прозвучал странно.

Я снова подергала ручку, потом резко ее повернула. Но дверь не поддавалась.

— Ключ... найди... отпри...

Я сжала пальцами виски.

— Дверь заперта, и я иду наверх, — ответила я.

Я развернулась и тут же уткнулась в тело из крови и плоти и второй раз за день по-девчоночьи взвизгнула. Подняв глаза, я увидела то же самое лицо, что заставило меня кричать в прошлый раз.

Я отпрянула и непременно упала бы, не будь позади меня запертой двери. Дерек не предпринял попытки поймать меня — он просто стоял, засунув руки в карманы, и ждал, пока я оправлюсь.

— С кем это ты разговаривала? — спросил он.

— С собой.

— Ха.

— Теперь, если позволишь...

Он не шевельнулся, и тогда я попыталась обойти его. Но он загородил мне дорогу.

— Ты видела призрака, да? — спросил он.

К моему величайшему облегчению, мне удалось рассмеяться.

— Мне очень жаль разочаровывать тебя, но призраков не существует.

— Ха.

Он ощупал взглядом всю комнату, словно полицейский, высматривающий убежавшего заключенного. Его пронизывающий взгляд обратился ко мне, и я почувствовала, как меня буквально прощупывают насквозь.

— Что ты видишь, Хло?

— Я-я-я-я... я н-н-ничего не вижу...

— Успокойся! — теряя терпение, приказал он. — Как они выглядят? Они говорят с тобой?

— Ты и в самом деле хочешь знать?

— Да.

Я прикусила губу, потом привстала на цыпочки. Он наклонился ко мне поближе.

— Они одеты в белые одеяния с большими прорезами для глаз. И говорят «У-у!» — Я сердито зыркнула на него. — А теперь убирайся с дороги.

Я ждала, что он усмехнется. Сложит руки на груди и скажет: «Ну-ну, попробуй заставь меня, малявка».

Его губы дрогнули, и я с удивлением поняла, что он улыбается. Даже смеется надо мной.

Он шагнул в сторону, и я метнулась к лестнице.

Доктор Джил оказалась маленькой женщиной с длинным, крысиным носом и такими же крысиными глазами навывкате, которые изучающее смотрели на меня, как будто я была подопытным кроликом, каждое движение которого надо зафиксировать в записях. Я и раньше сталкивалась с психотерапевтами. С двумя, точнее. После смерти мамы. Первого я терпеть не могла. Это был пожилой мужчина с несвежим дыханием. У него была манера закрывать глаза, слушая меня. Когда я пожаловалась на него, мне дали другого терапевта — доктора Анну, женщину с копной ярко-рыжих волос. Она часто шутила и вообще напоминала мне маму. Именно она помогла мне снова вернуться к нормальной жизни. Через десять минут общения с доктором Джил я поняла, что она — нечто среднее между ними. Она казалась довольно милой и внимательно слушала меня, но шуток от нее, похоже, не дождешься.

Мы поговорили с ней о том, как мне спалось; понравилась ли мне еда; что я думаю об остальных обитателях дома; и главное — о том, что я вообще думаю о своем пребывании здесь. Насчет последнего я солгала, я же не дура. Если я хочу выбраться отсюда, то не стоит стенать, что мне здесь не место, или жаловаться, что это чья-то чудовищная ошибка.

Поэтому я сказала, что, наверное, папа и тетя Лорен поступили правильно, отправив меня в Лайл, и что я намерена поправиться, чего бы мне это ни стоило.

Крысиное лицо доктора Джил немного расслабилось.

— Это весьма толковый подход к делу. Рада слышать.

Я кивнула, постаравшись придать лицу самое искреннее выражение.

— Теперь скажи мне, Хло, ты когда-нибудь слышала о шизофрении?

Сердце у меня остановилось.

— Ш-ш-шизофрении?

— Да. Ты что-нибудь знаешь об этом?

Рот у меня открылся и закрылся, мозг отказывался вкладывать в него слова.

— Хло?

— Вы считаете, что я — шизик?

Губы доктора Джил сжались.

— Мы не употребляем таких слов, Хло. Мы вообще стараемся обходиться без ярлыков. Но диагноз — важная часть процесса. Пациент должен знать о своем состоянии, понимать и принимать его, прежде чем мы сможем приступить к лечению.

— Н-но я только попала сюда. Откуда вы уже сделали вывод?

— Помнишь больницу? Ты беседовала там с докторами. Проходила тесты.

— И они обнаружили шизофрению?

Она покачала головой.

— Пока ученые работают над тем, как точнее определять шизофрению, мы не можем сказать

ничего конкретного. Однако те тесты помогли исключить другие возможности — различные опухоли мозга и наркотики. Если взять эти результаты и сопоставить их с твоими симптомами, то единственным вероятным диагнозом остается шизофрения.

Я опустила глаза.

— Значит, вы считаете, что у меня шизофрения.

— А ты знаешь, что это такое? — Она заговорила медленно, словно у нее появились сомнения в моем интеллекте.

— Я смотрела «Игры разума».

И снова она поджала губы.

— Это голливудская версия, Хло.

— Но ведь она основана на реальной истории?

— Основана. — Голос ее смягчился. — Из твоего личного дела я знаю, что ты увлекаешься кино, и это замечательно. Но фильмы — не лучший источник черпать знания о душевных заболеваниях. Существует много форм и степеней шизофрении, и у тебя она не такая, как в фильме.

Разве? Я же тоже вижу людей, которых нет, как тот парень в кино.

Доктор Джил продолжила:

— То, что происходит с тобой, мы называем недифференцированной шизофренией. Это значит, что проявляется ряд характерных симптомов — в твоём случае это голоса и видения. Слуховые и визуальные галлюцинации.

— А как насчет паранойи?

— Мы не видим ее проявлений. У тебя нет признаков дестабилизации поведения или речи...

— А как же заикание?

Она покачала головой.

— Это никак не связано. У тебя нет никаких других симптомов, Хло.

— А они появятся? В конце концов?

— Не обязательно. Но нам, конечно, надо быть начеку. Обычно диагноз ставят, когда пациенту уже под или слегка за двадцать. В твоём случае мы засекли болезнь раньше. Это как поймать болезнь на ранних стадиях — больше шансов не дать ей прогрессировать.

— И избавиться от нее.

Некоторое время она молчала, ощупывая плетеное ожерелье у себя на шее.

— Шизофрения — это не грипп, Хло. Она навсегда.

Кровь застучала у меня в ушах, заглушая следующие слова доктора Джил. Она наклонилась ко мне, тронув за колено.

— Хло, ты меня слушаешь?

Я кивнула.

Она выпрямилась.

— Шизофрения — не смертный приговор. Но это болезнь на всю жизнь. Как астма. Изменив образ жизни и принимая хорошие лекарства, ее можно контролировать и вести нормальный образ жизни. Настолько нормальный, что никто даже не узнает, что у тебя есть эта болезнь, пока ты сама не расскажешь. — Она откинулась на спинку стула и посмотрела мне прямо в глаза. — Ты в самом начале сказала мне, что настроена сделать все, что потребуется, чтобы справиться с этим. Знаю, ты надеялась, что все разрешится быстро, но от тебя потребуется изрядная доля упорства и решимости. Ты все еще готова к этому, Хло?

У меня осталось много вопросов. Всегда ли это происходит вот так быстро, без всяких предупреждений? Вот ты ходишь совершенно нормальный, и вдруг у тебя появляются галлюцинации, и ты начинаешь с воплями носиться по коридорам? Потом — бамс! — тебе объявляют, что у тебя шизофрения, и все — дело закрыто?

Все это было слишком неожиданно. Но, глянув на доктора Джил, которая выжидающе смотрела на меня, я испугалась, что если скажу еще что-нибудь, она решит, что я отрицаю свою болезнь. А если это так, то мне никогда не выбраться из Лайла.

Поэтому я кивнула.

— Я только хочу, чтобы мне стало лучше.

— Отлично. Тогда начнем.

Доктор Джил рассказала мне о лекарствах. Они должны избавить меня от галлюцинаций. Как только удастся установить нужную дозу, никаких побочных эффектов быть не должно, но поначалу я, возможно, буду страдать от галлюцинаций, депрессии и паранойи. Отлично. Похоже, лечение ничуть не лучше, чем сама болезнь.

Доктор Джил заверила меня, что, когда я покину пансион, прием лекарств войдет у меня в привычку, как у астматиков с их пилюлями.

— Именно так и надо относиться к шизофрении, Хло. Это всего лишь состояние. Ты не виновата в том, что оно у тебя наступило.

И не можешь сделать ничего, чтобы от него избавиться.

— Ты пройдешь через период депрессии, гнева и даже отрицания. Это естественно, и мы с тобой будем работать над этим на наших сеансах. Мы будем встречаться каждый день.

— А групповые сеансы тоже бывают? — спросила я.

— Нет. В какой-то момент тебе, возможно, захочется попробовать оценить динамику групповой терапии. Но здесь, в Лайле, мы считаем, что очень важно обеспечить конфиденциальность. Тебе нужно полностью принять в себе это состояние, прежде чем ты сможешь спокойно

говорить об этом с другими людьми.

Она отложила свой блокнот и сложила руки на коленях.

— И тут мы подходим к нашей последней теме на сегодня. Неприкосновенность частной жизни. Ты наверняка уже догадалась, что все обитатели нашего пансиона борются с душевной болезнью. Но это все, что тебе нужно знать. Мы не разглашаем подробности о твоём состоянии, о твоих симптомах и лечении. И если кто-то будет на тебя давить, выпрашивая детали, ты должна сразу прийти и рассказать об этом мне.

— Они уже знают, — пробормотала я.

— Что?

Судя по сердитому блеску ее глаз, мне надо было держать рот на замке. Из прошлого опыта общения с психотерапевтами я знала, как важно делиться с ними всем, что тебя беспокоит. Но мне вовсе не хотелось начинать свою жизнь в Лайле со сплетен.

— Не п-п-про шизофрению, нет. Просто... кое-кто знает, что у меня видения. Что я вижу призраков. А я об этом никому не говорила.

— И кто же это?

— Я-я-я лучше пока не буду говорить. Это неважно.

Доктор Джил расплела руки.

— Нет, это очень важно, Хло. Но я ценю то, что ты не хочешь никого выдавать. Я и сама прекрасно догадываюсь, кто это мог быть. Она наверняка подслушивала, когда мы обсуждали твои галлюцинации, и поспешила прийти к собственным выводам насчет... — Она махнула рукой. — Призраков. Прости, что так получилось. Но я обещаю, мы с этим разберемся.

— Но...

— Она не узнает, что ты мне пожаловалась. Но с этим необходимо разобраться. — Она снова поудобнее уселась в кресле. — Жаль, что это случилось с тобой в первый же день. Подростки по природе весьма любопытны, и хоть мы и стараемся обеспечить полную конфиденциальность, в таком ограниченном пространстве это не всегда получается.

— Да все нормально. Никто не стал делать из этого проблему.

Она кивнула.

— У нас здесь очень хорошие ребята. В целом, они очень уважительно и с пониманием относятся друг к другу. Это особенно важно для Лайла. У тебя впереди трудная дорога, и мы здесь для того, чтобы облегчить тебе путь по ней.

Шизик.

И не важно, сколько раз доктор Джил пыталась приравнять это к обычной болезни или физической слабости. Это не одно и то же. Далеко не одно и то же. У меня шизофрения.

Если бы я встретила двух людей на тротуаре — одного в инвалидном кресле, а второго

разговаривающего с самим собой — то кому бы я бросилась открывать дверь? А от кого поспешила бы перейти на другую сторону улицы?

Доктор Джил говорит, что нужно просто вовремя принимать лекарства и научиться справляться с этим состоянием. Но если все так легко, то почему на улице полно людей, говорящих с самими собой? Бродяг с безумными глазами, кричащих в пустоту?

Тех, кто видит призраков? И слышит воображаемые голоса?

Психов.

Таких, как я.

После сеанса я удалилась в медиакомнату, чтобы обо всем подумать. Я как раз сидела, удобно свернувшись калачиком на диване и прижимая подушку к груди, когда в комнату вошел Симон.

Не заметив меня, он прошел прямо к компьютерному столу и взял оттуда бейсболку. Он подбросил ее вверх и поймал, что-то напевая себе под нос.

Вид у него был счастливый.

Как можно чувствовать себя счастливым здесь?

Он еще раз покрутил кепку в руках и надел ее на голову, не отрывая при этом взгляда от окна. Я не видела выражения его лица, но он вдруг как-то застыл. Потом тряхнул головой, обернулся и только тогда заметил меня. На лице отразилось мимолетное удивление, потом он расплылся в улыбке.

— Привет.

— Привет.

Он шагнул ближе, и улыбка увяла у него на губах.

— С тобой все в порядке?

«Все отлично», — хотела сказать я, но не смогла заставить себя вымолвить это. Ничего не отлично. Но озабоченность в его голосе была ничуть не глубже, чем улыбка — ни то, ни другое не тронуло его глаз. Они оставались отстраненными. Он словно пытался быть милым, потому что именно так следовало себя вести с окружающими.

— Все отлично, — выдавила я.

Он потер козырек кепки, внимательно глядя на меня. Потом пожал плечами.

— Ладно. Хочешь совет? Смотри, чтобы тебя здесь не застучали. Это все равно, что уйти в свою спальню в течение дня. Тебе непременно прочтут лекцию о необходимости общения.

— Я не...

Он поднял руки.

— Это их слова, не мои. Может прокатить, если ты включишь телевизор и будешь делать вид, что смотришь фильм. Но их гораздо больше порадует, если ты будешь общаться с нами. Мы не такая уж плохая компания. Не очень сумасшедшие.

Он обворожительно улыбнулся, и от этого у меня внутри все перевернулось. Я распрямилась. Мне захотелось сказать ему что-нибудь такое, чтобы заставить задержаться. Мне хотелось поговорить. Не о докторе Джил. И не о шизофрении. О чем угодно, кроме этого. Симон казался нормальным, а мне отчаянно хотелось чего-то нормального.

Но его взгляд уже сместился к выходу. Очевидно, Симон считал, что мне надо общаться... с кем-то другим. А он просто дал новенькой совет.

В двери кто-то появился, и его улыбка снова расцвела.

— Братишка, я про тебя не забыл. Просто поболтал тут немного с Хло.

Он махнул рукой в мою сторону. Дерек заглянул внутрь, но выражение лица у него было таким пустым, словно Симон показывал ему мебель.

У меня в голове всплыла сцена в подвале — Дерек обвинил меня в том, что я говорю с призраками. Рассказал ли он об этом Симону? Наверняка. Ручаюсь, они изрядно посмеялись над сумасшедшей девчонкой.

— Мы идем во двор, — сказал Симон. — Немного попинать мяч на перемене. Можешь присоединиться к нам.

Приглашение прозвучало легко, почти автоматически, и он даже не стал ждать моего ответа, а просто протиснулся мимо Дерека, бросив на ходу:

— Пойду скажу Талбот, чтобы отключила сигнализацию.

Дерек не двинулся с места. И по-прежнему смотрел на меня.

Я бы даже сказала, глазел.

Как будто я какое-то пугало.

Как будто я псих.

— Сфотографируй, — не выдержала я. — Сможешь любоваться днем и ночью.

Он даже глазом не повел. И не ушел. Просто продолжал рассматривать меня. Словно я и не говорила ничего. Было понятно, что он уйдет, когда сочтет нужным. Он так и сделал — вышел, не сказав ни слова.

Когда я вышла из медиакомнаты, мне попала только миссис Талбот. Все остальные ребята снова разошлись по классам. Она отослала меня на кухню — на этот раз чистить картошку.

Но прежде чем я приступила к работе, она дала мне еще одну таблетку. Я хотела спросить, когда почувствую их действие, но тогда я бы призналась, что все еще слышу голоса. Правда, больше я ничего такого не видела. Только ту руку утром на лестнице. После того как я приняла первую таблетку. Может, они и впрямь работают? И может, лучше уже не будет? Что же тогда делать?

Притворяться. Блокировать голоса и делать вид, что не слышу их. Научиться...

Дом прорезал пронзительный крик.

Я подпрыгнула, и нож брякнул об раковину. С бешено колотящимся сердцем я ждала реакции. Если никакой реакции не последует, значит, этот вопль был только у меня в голове. Вот видите, я уже учусь.

— Элизабет Деланей! Немедленно вернись!

Хлопнула дверь. В коридоре протопали шаги, сопровождаемые частыми всхлипами. Волосы у меня на загривке встали дыбом — я вспомнила плачущую девочку в школьном туалете. Но я заставила себя подойти к двери. Выглянув, я увидела, как Лиза плетется вверх по лестнице.

— Наслаждаешься шоу?

Я дернулась от неожиданности. Тори наградила меня злобным взглядом и поспешила наверх за своей подругой. Из гостиной в холл вышла мисс Ван Доп.

— С меня хватит! — раздался из класса еще чей-то крик. — Я ожидала столкнуться с проблемами в поведении, работая в таком месте. Но этой девочке действительно требуется профессиональная помощь.

— Мисс Ванг, пожалуйста, — попросила мисс Ван Доп. — Не надо в присутствии...

— Она бросила в меня карандаш. Ткнула им, как оружием. Еще пара сантиметров, и она выткнула бы мне глаз. Поцарапала меня. Видите, кровь? И это от карандаша! А все потому, что я, видите ли, позволила себе замечание, что в десятом классе пора уже понимать основы алгебры.

Мисс Ван Доп подталкивала ее к холлу, но дама вырвалась и вломилась в другую комнату.

— Где телефон директора? Я уйду. Эта девочка — настоящая угроза...

Рядом со мной мелькнула какая-то тень. Я обернулась и увидела у себя за плечом Дерека. Пока за ним закрывалась дверь столовой, я заметила разложенные на столе тетради и калькулятор. Видимо, все это время он был там, выполнял самостоятельную работу.

Он посмотрел на меня, и я ждала, что он вот-вот отпустит какую-нибудь колкость насчет подслушивания. Но он лишь пробормотал:

— Добро пожаловать в сумасшедший дом, — и протиснулся мимо меня на кухню, чтобы стянуть что-нибудь вкусненькое.

Глава 8

После этого наступила тишина. Как затишье перед бурей, вернее, после бури. Нянечки поставили блюда в духовку. После чего собрались на селекторное совещание в кабинете доктора Джил и заперлись, чтобы их не беспокоили.

Никто не оспаривал версию мисс Ванг. Никто не говорил, что это был несчастный случай. Никто даже не удивился, что Лиза попыталась выткнуть кому-то глаз.

Когда подошло время ужина, миссис Талбот накрыла на стол и снова удалилась в кабинет. Лиза присоединилась к нам, бледная и притихшая. Симон дал ей пакет сока, хотя мы должны были пить молоко. Тори нависала над ней, уговаривая поесть. Даже Рэ и Питер пытались поддержать разговор, стараясь отвлечь Лизу. Только я и Дерек не участвовали во всем этом.

После ужина Тори напомнила Лизе, что сегодня вечер кинопросмотра и можно заказать DVD-диск. Она предоставила Лизе честь выбора, но та, похоже, немного испугалась ответственности и обратилась за помощью к нам. Симон предложил пару вариантов, правда, сразу предупредил, что сам смотреть не будет — у них с Дерекком на завтра важное задание. Лиза в конце концов остановилась на романтической комедии. Пока они с Тори ходили к нянечкам за диском, Рэ сказала, что ей надо пойти в прачечную и сложить свежeweыстиранное белье. Я предложила помочь.

Мы принесли по корзине в их с Тори комнату. Смело могу сказать, ни та, ни другая не радовались такому соседству. Клянусь, я видела на подоконнике следы от карандаша — так они делили комнату пополам.

Половина Тори была очень чистая и опрятная, совсем как моя, когда я только приехала. На стенах — ничего лишнего. На кровати и на полу — тоже. Вообще все поверхности были чистые и свободные, если не считать двух фотографий в рамках на туалетном столике. На одной была Тори со своими родителями, на другой — огромный сиамский кот.

На половине Рэ хлама хватало на двоих. На спинке кровати были развешены свитера с капюшонами, книги сложены на письменном столе в шаткие стопки, на туалетном столике — незакрытые тюбики с косметикой, из ящиков высовываются вещи. В общем, комната человека, который не понимает, зачем убирать вещи, если завтра они снова понадобятся. Стены на ее половине были залеплены фотографиями.

Рэ водрузила свою корзину на кровать Тори и закрыла дверь.

— Так, ладно, я могла бы ходить вокруг да около, но я терпеть этого не могу, поэтому спрошу напрямую. Я верно поняла? Ты здесь потому, что видишь призраков?

Я могла сказать, что не хочу это обсуждать. Но на самом деле я очень хотела обсудить именно это. Меня так и подмывало взять телефон и набрать номер Кари или Бет, но я не знала, что именно они слышали обо всем случившемся и поймут ли они меня. А человек, который точно не будет смеяться надо мной, был прямо рядом и как раз спрашивал меня об этом. И я ей все рассказала.

Когда я закончила, Рэ как минимум полминуты смотрела на рубашку у себя в руках, не понимая, что хотела с ней сделать. Потом наконец сообразила, что ее надо сложить.

— Ух ты, — сказала она.

— Неудивительно, что я оказалась здесь.

— И это началось аккурат перед тем, как у тебя начались месячные? Может, в этом все дело. И из-за того, что ты немного задержалась, вся эта ерунда накопилась, а потом — бамс! Так ты поискала данные?

— Какие именно?

— Про сторожа.

Я непонимающе нахмурилась, и она пояснила.

— Тебя преследовал парень в униформе сторожа, правильно? И он был обожжен, как будто пострадал при пожаре или взрыве. Если такое действительно происходило, это должно было попасть в газеты. И ты можешь поискать данные в Интернете.

Не могу сказать, что эта мысль не приходила мне в голову, но я тогда позволила ей задержаться лишь на мгновение.

Что, если я и впрямь вижу призраков?

В моей голове ярко мигала неоновая вывеска «Не лезь!», но где-то глубже эта мысль мне нравилась, и мне хотелось дойти до сути.

Я потеряла виски.

Призраки нереальны. Призраки есть только в воображении душевнобольных людей. То, что я видела, всего лишь галлюцинации, и чем скорее я это приму, тем быстрее выйду отсюда.

— Было бы здорово, если бы это оказалось именно так. Но доктор Джил говорит, что видения — это явный признак психического расстройства.

— А, уже и ярлык есть. Они любители навешивать ярлыки. Не дали тебе и дня здесь провести и уже прилепили диагноз. Мой — пиромания. — Она встретилась со мной взглядом. — Да, я знаю, мы не должны делиться друг с другом такими вещами. Так они защищают наше право на неприкосновенность частной жизни. Но я считаю, это полная чушь. Они просто хотят, чтобы мы не сопоставляли данные.

Она разложила перед собой носки и начала складывать их по парам.

— Ты не согласна?

— С пироманией, пожалуй, согласна. Это даже как-то... круто. Но есть другие диагнозы, о которых мы, возможно, не захотим рассказывать другим.

— Например?

На какое-то время я сосредоточилась на носках. Мне хотелось ей рассказать. Как бы я ни боялась показаться полной дурой, но мне хотелось рассказать кому-нибудь, посмотреть, что Рэ на это скажет, выслушать еще чье-то мнение.

— Они говорят, что у меня шизофрения.

Я внимательно следила за ее реакцией. Она лишь немного нахмурилась, сомневаясь.

— А разве это не когда происходит раздвоение личности?

— Нет, шизофрения — это когда крыша едет.

Выражение ее лица не изменилось.

— То есть это когда видишь и слышишь всякие вещи?

Я взяла в руки огромную белую футболку со слегка потертыми подмышками. Можно было даже не проверять бирку. Я сложила ее в кучку Дереха.

— Есть куча других симптомов, но у меня они не проявляются.

— Никакие?

— Похоже, нет.

Рэ села на пол.

— Видишь, вот и у меня точно такой же случай. С тобой происходит один странный случай, и они тут же лепят тебе ярлык. Это как если бы у тебя был кашель, а тебе ставили бы диагноз пневмония. Уверена, у пиромании есть куча других симптомов. Которых у меня нет.

Она пристально смотрела на красный и синий носки. Словно пыталась силой мысли превратить их в одинаковые.

— Так что еще бывает при шизофрении?

— Доктор Джил не сказала ничего определенного.

— Ха.

— Думаю, можно посмотреть в Интернете. Я так и сделаю.

— Мы так и сделаем. Поищем про шизофрению и про пироманию. Мне бы хотелось знать больше. Ну, чтобы быть уверенной. Тем более, видя, как идут дела у Лизы. — Она потеряла губы ладонью, все еще глядя на разные носки. — Думаю, скоро комната будет полностью в твоём распоряжении. Наверное, даже очень скоро.

— Они ее переведут?

— Возможно. Они уже давно говорят об этом. Это место для тех, у кого есть проблемы, но не слишком серьезные, и дело идет на поправку. Через пару недель после того, как я попала в Лайл, они перевели отсюда парня по имени Брэди. У него даже не было ухудшения, как у Лизы. Он просто не хотел лечиться. Он не считал, что с ним что-то не так. И вот его перевели... для меня это стало хорошим уроком. Может, мне и не нравятся их ярлыки и лечение, но я буду держать рот на замке и играть по их правилам и вырвусь отсюда нормальным способом.

— И поедешь домой?

Некоторое время мы молчали. Потом она вырвала у меня из рук синий носок и помахала им перед моим носом.

— Ой. — Я даже и не отдавала себе отчета в том, что все время держала его.

Рэ сложила синие носки вместе, а длинный красный носок сунула Тори под кровать.

— Готово. Скоро, наверное, кино начнется. — Она переложила сложенное белье в одну корзину. — Заметь, как быстро Симон отболтался от просмотра кино. Эта парочка — прямо прилежнейшие ученики. Делают все что угодно, лишь бы не общаться с сумасшедшими.

— У меня тоже сложилось такое впечатление. Симон кажется милым, но...

Рэ вручила мне одну корзину, а вторую взяла сама.

— Он — такая же цаца, как Тори. Из них бы получилась великолепная пара. Дерек — мужлан, но он хотя бы честен. Симон ведет себя очень мило, когда вынужден общаться с нами, но, как только выдается возможность, они с братом смываются. Ведет себя так, словно ему тут не место. Как будто у него нет никаких проблем, и все это — чудовищная ошибка.

— А он здесь из-за чего?

— Поверь, я и сама бы очень хотела знать. И про него, и про Дерек. Симон никогда не ходит на терапию, зато Дерек получает ее больше, чем кто-либо. Их никто не навещает, но иногда они говорят о своем отце. Я думаю, это отец Симона. Если этот папаша такой хороший, как они говорят, то почему сплавил их сюда и больше носа не кажет? И как два парня из одной семьи, но не кровные братья, обзавелись психическими расстройствами? Мне бы очень хотелось заглянуть в их личные дела.

Солгу, если скажу, что Симон меня не интересовал. Да и Дерек — но только потому, что у меня сложилось ощущение какой-то угрозы, исходящей от него. Но я бы не хотела, чтобы кто-то читал мое личное дело, поэтому не собиралась помогать Рэ в добыче их дел.

— Сегодня все равно слишком рискованно заглядывать в дела, — сказала она. — Из-за того, что происходит с Лизой, они сейчас особенно осторожны. А я не хочу, чтобы меня выкинули отсюда за то, что я подбиваю новенькую на преступление.

— А может, это меня они выкинут за то, что я тебя подбиваю?

Она заметила, что я улыбаюсь, и рассмеялась.

— О, да, подруга, ты — та еще штучка.

Мы вышли из комнаты, и Рэ закрыла за нами дверь.

Глава 9

Я не очень-то люблю романтические комедии. Это как если бы парень признался в том, что не любит автомобильные гонки. Но Рэ тоже пару раз задремала, так что, думаю, и она была не в восторге от такого фильма.

Мне удавалось не заснуть только потому, что я заняла себя разбором сценария. Он был настолько предсказуемым, что, держу пари, это писал кто-то из учеников Роберта МакКи.

Зато пока я смотрела глупый фильм и жевала попкорн, я наконец расслабилась. Разговор с Рэ мне очень помог. Она не считала меня сумасшедшей. Она не считала меня шизофреником.

Впервые после моего срыва ситуация больше не представлялась мне в таком черном цвете. Может быть, жизнь, какой я ее знала, все же не закончилась? Может, я просто слишком все драматизирую?

Знают ли ребята в школе о том, что со мной случилось? Несколько человек видели, как я бегу по коридору. Еще несколько видели, как меня без сознания выносят на носилках. Подумаешь! Я могу вернуться через несколько недель, и большинство даже не заметят, что меня не было.

Завтра отправлю письмо Кари, скажу, что заболела, и посмотрю, что она ответит.

Я с этим справлюсь. Что бы я ни думала об их диагнозе, сейчас не время с ними спорить. Буду принимать лекарства, лгать, если понадобится, выберусь из Лайла и вернусь к своей обычной жизни.

— Хло? Хло?

Голос Лизы эхом прокатился по глубоким пещерам царства сна, и мне потребовалось несколько минут, чтобы выбраться из их лабиринтов. Когда я открыла глаза, Лиза стояла, склонившись надо мной. Ее длинные волосы щекотали мне лицо. Рука, сжимавшая мое плечо, продолжала дрожать, хоть уже и не тормошила меня.

Я привстала на локтях.

— Что случилось?

— Я уже много часов лежу и думаю, как бы так спросить тебя, чтобы это не показалось странным? Но ничего не могу придумать.

Она отпрянула назад. Ее бледное лицо светилось в темноте. Рукой она оттягивала ворот ночной рубашки, словно та душила ее.

Я приподнялась.

— Лиза?

— Они собираются отослать меня отсюда. Все знают об этом, именно поэтому стараются быть со мной особенно милыми. Я не хочу уезжать, Хло. Они меня запрут, и... — Она судорожно глотала воздух, закрывая рукой рот. Глаза у нее были раскрыты так широко, что белки глаз буквально сияли вокруг темных зрачков. — Я знаю, ты тут совсем недавно, но мне очень нужна твоя помощь.

— Ладно.

— Правда?

Я с трудом подавила зевок и села в кровати.

— Если я что-то могу сделать...

— Можешь. Спасибо! Спасибо тебе! — Она опустилась на колени и вытащила из-под кровати сумку. — Не знаю, что точно тебе понадобится для этого, но я в прошлом году как-то ночевала у подруги, и мы такое делали, так что я собрала все, что мы тогда использовали. Тут стекло, немного трав, свеча... — Она вдруг прикрыла рот рукой. — Ой! Спички! О, нет! У нас нет спичек. Они всегда запирают спички из-за Рэ. А мы сможем это сделать, не зажигая свечи?

— Что сделать? — Я потерла лицо руками. Я не принимала на ночь снотворного, но все равно голова была как-то странно затуманена, словно плывешь в море из ватных шариков. — Что именно мы должны сделать, Лиза?

— Провести сеанс, конечно.

Сонный туман рассеялся, и я подумала, не розыгрыш ли это. Но, судя по выражению ее лица, это был не розыгрыш. Я вспомнила слова Тори за завтраком.

— Это... полтергейст? — осторожно спросила я.

Лиза кинулась на меня так быстро, что я отпрянула и вжалась спиной в стену, инстинктивно вскинув руки для защиты. Но она лишь ударила кулаком в стену рядом со мной. Глаза у нее при этом были совершенно дикие.

— Да! — сказала она. — Полтергейст. Это же так очевидно, но они не хотят это видеть. И все говорят, что это я творю все эти пакости. Но как бы я могла с такой силой кинуть карандаш? Нет. Я просто рассердилась на мисс Ванг, и тут карандаш летит и бьет ее в лицо. А все твердят: «Это Лиза кинула». А я этого не делала. Я никогда ничего такого не делаю.

— Это... полтергейст.

— Правильно! Я думаю, он защищает меня, потому что каждый раз, как я разозлюсь, вокруг меня начинают летать предметы. Я пыталась поговорить с ним, хотела заставить его прекратить все это. Но он меня не слышит, потому что я не умею разговаривать с духами. Вот поэтому мне очень нужна ты.

Я с трудом старалась сохранить спокойное выражение лица. Я как-то раз смотрела документальный фильм о проделках полтергейста. Обычно это и происходило именно с такими девочками, как Лиза, — озабоченными подростками, отчаянно нуждающимися во внимании. Некоторые вообще считали, что эти девочки всех разыгрывают. Другие полагали, что девочки излучают энергию — гормоны и гнев — и эта энергия заставляет предметы двигаться.

— Ты мне не веришь, — констатировала Лиза.

— Нет, я не говорила...

— Ты не веришь мне! — Она поднялась на колени. Глаза ее метали молнии. — Никто мне не верит!

— Лиза, я...

У нее за спиной загремели бутылочки с гелем для волос. Забрякали пустые вешалки в шкафу. Я вцепилась в матрас.

— Ладно, Лиза. Я-я-я-я п-п-поняла...

— Нет, ничего ты не поняла!

Она хлопнула в ладоши, и бутылочки взмыли в воздух и ударились о потолок с такой силой, что пластик не выдержал — лопнул — и гель дождем хлынул вниз.

— Видишь?

— Д-д-да.

Она снова воздела руки, словно дирижер, показывающий крещендо. Со стены сорвалась картина в рамочке. Она упала на пол, и стекло разбилось. Потом упала еще одна, и еще. Мне в колено воткнулся осколок стекла. Появилась капелька крови и ручейком потекла по ноге.

Краем глаза я заметила, что картина у меня над головой тоже начала качаться, и крепления стали выходить из стены.

— Нет! — закричала Лиза.

Я пригнулась. Лиза пихнула меня в бок, оттолкнув оттуда, куда падала картина. Картина ударила Лизу по плечу, и она поморщилась от боли. Мы обе скатились с кровати, больно ударившись об пол.

Я лежала на боку и пыталась отдышаться.

— Прости, — прошептала Лиза. — Я вовсе не хотела... Ты видишь, что происходит? Я совершенно не могу это контролировать. Я начинаю злиться, и тут же все...

— Ты думаешь, что это полтергейст?

Она кивнула. Губы у нее дрожали.

Я понятия не имела, что происходит. Это, конечно, не полтергейст — это полная чушь, — но если она считает это полтергейстом и верит, что я могу велеть полтергейсту прекратить эти выходы, то, может, все действительно прекратится?

— Ладно, — сказала я. — Бери свечу и начнем...

В этот момент дверь в комнату распахнулась, и в проеме нарисовалась фигура миссис Талбот. Она включила свет, и я вздрогнула, зажмурив глаза.

— О, мой Бог! — почти шепотом выдохнула она. — Элизабет! Что ты натворила?

Я вскочила на ноги.

— Это не она! Я-я-я-я...

В кои-то веки это было не заикание. Я просто не могла найти подходящих слов. Миссис Талбот оглядывала комнату, ухватывая каждую деталь: осколки битого стекла, усыпавшие пол, гель для волос, капающий с потолка, стены, заляпанные косметикой. И я поняла, что разумного объяснения мне не подыскать.

Тут ее взгляд упал на мою коленку, и миссис Талбот вскрикнула.

— Все в порядке, — заверила я ее, приподняв ногу и стирая с нее кровь. — Ерунда. Я просто порезалась. Когда брилась.

Она прошла мимо меня, не сводя глаз с усыпанного битым стеклом ковра.

— Нет, — прошептала Лиза. — Пожалуйста, не надо. Я не хотела.

— Все в порядке, дорогая. Мы тебе поможем.

В комнату вошла мисс Ван Доп со шприцем в руке. Она сделала Лизе укол, пока миссис Талбот утешала ее, объясняя, что ее просто переведут в другую больницу, гораздо более подходящую, там она поправится быстрее.

Когда Лиза отключилась, они выгнали меня из комнаты. И только я сделала шаг в коридор, как

кто-то ударил меня в спину и впечатал в стену. Я оглянулась — надо мной нависала Тори.

— Что ты с ней сделала? — прорычала она.

— Ничего. — К моему величайшему изумлению, слово слетело с моих губ легко, без запинки, даже немного дерзко. Я распрямилась. — И не я внушила ей, что я могу помочь.

— Помочь?

— Да, вступив в контакт с ее полтергейстом.

Глаза у нее округлились от ужаса, как в тот раз, когда Симон попросил ее не быть стервой. Она развернулась и скрылась в своей комнате.

Глава 10

За Лизой приехала скорая помощь. Ее без сознания вынесли на носилках, совсем как меня из школы. Вот такие вот перевозки класса люкс для душевнобольных детей.

Мисс Ван Доп настояла, чтобы я приняла полтаблетки снотворного. Я сдалась, но когда она попыталась всучить мне еще и дополнительную дозу таблеток от галлюцинаций, я спрятала таблетку под языком.

С самого обеда мне ничего не мерещилось и не слышалось. Может, конечно, это действовали таблетки, но мне очень хотелось верить, что Рэ права и что мой «прорыв реальности» был не более чем временными каникулами мозга, вызванными гормонами и стрессом. И при некоторой доле удачи я уже начала путь к душевному здоровью.

Я должна была проверить эту теорию. Поэтому я сохранила таблетку. Если мне что-нибудь опять привидится, я ее приму.

Я предложила помочь навести в комнате порядок, но миссис Талбот отвела меня вниз, дала стакан молока и постелила мне на диване. Я заснула и проснулась только тогда, когда она пришла за мной, чтобы отвести обратно. Я заснула, не успев до конца натянуть одеяло.

Проснулась я от фруктового запаха Лизиного геля для волос. Я словно плыла, и мне снилось, что я попала в чан с расплавленной карамелью. От сладкого запаха желудок сводили спазмы, а я с трудом барахталась в густой жидкости. Наконец мне удалось вырваться. Я открыла глаза и судорожно глотнула воздуха.

— Хло?

Я моргнула. Похоже на голос Лизы, только робкий и дрожащий.

— Ты проснулась, Хло?

Я перевернулась на другой бок. Лиза сидела на краешке своей кровати в пижаме с Минни-Маус и в серых носках с лиловыми и оранжевыми жирафами.

Она пошевелила пальцами ног.

— Здорово, да? Мне их мой младший братик подарил на прошлое Рождество.

Я привстала на локтях, все так же недоуменно моргая. Ватная карамель снотворного все еще опутывала мой мозг своими липкими лапами, и я никак не могла сосредоточиться. Сквозь венецианские шторы в комнату просачивались лучи солнца, заставляя жирафов на носках танцевать, когда Лиза шевелила пальцами.

— Мне приснился очень странный сон, — сказала Лиза, не отрывая взгляда от своих ног.

«Нам обеим, похоже», — подумала я.

— Мне приснилось, будто меня увезли отсюда, и я очнулась в какой-то больнице. Только я была не в кровати, а на столе. На холодном металлическом столе. И там была женщина, что-то вроде нянечки, в маске. Она склонялась надо мной. Когда я открыла глаза, она отпрыгнула.

Лиза глянула на меня и выдавила слабую улыбку.

— Примерно как ты сейчас. Словно я ее испугала. Она вызвала какого-то мужика, а я спросила, где я. Но они продолжали разговаривать, не обращая на меня внимания. Они злились из-за того, что я проснулась, хотя не должна была, и теперь не знали, что со мной делать. Я попыталась сесть, но поняла, что привязана к столу.

Лиза сжала в кулачке пижаму.

— И вдруг дыхание перехватило. Не могу ни шевельнуться, ни закричать, а потом... — Она задрожала и обхватила себя за плечи. — Я проснулась здесь.

Я села.

— Я помогу тебе, Лиза. Не волнуйся.

Она подтянула колени к себе. Она открыла рот, но дрожала так сильно, что не могла вымолвить ни слова. Я встала, прошла по ледяному полу и села рядом с ней.

— Ты хочешь, чтобы я попробовала поговорить с твоим полтергейстом?

Она кивнула. Подбородок у нее все еще дрожал.

— Скажи ему, чтобы он остановился. Скажи, что мне не нужна его помощь. Я могу сама о себе позаботиться.

Я протянула руку к ее плечу. Я увидела, как мои пальцы коснулись ее, но продолжали двигаться дальше. Сквозь ее руку.

Я смотрела на это в ужасе, и Лиза, поймав мой взгляд, тоже посмотрела на руку. И закричала.

Глава 11

Я соскочила с ее кровати. Набравшись смелости, оглянулась. Покрывало на кровати Лизы было смято только там, где сидела я.

Я медленно осмотрела комнату. Лиза исчезла.

Исчезла? Да ее тут вообще не было. Ее увезли еще вчера. Это-то мне не приснилось — потолок ведь был заляпан гелем.

Я закрыла глаза ладонями и попятилась, пока не наткнулась на свою кровать. Я села и глубоко вздохнула.

Через некоторое время я открыла глаза. Липкие щупальца сна все никак не хотели отпускать мой мозг.

Мне все приснилось.

Нет, не приснилось. И я не выдумала это. Это галлюцинации.

Доктор Джил права. У меня шизофрения.

А что, если нет? Что, если Рэ права и я и впрямь вижу призраков?

Я потрясла головой. Это полный бред. Тогда это должно означать, что Лиза умерла. А это безумие.

У меня просто галлюцинации, и я должна с этим смириться.

Я сунула руку под матрас и вытащила припрятанную там таблетку. Проглотила ее не запивая и чуть не подавилась.

Я должна принимать лекарства. Иначе меня отправят в настоящую психушку, как Лизу.

Во время завтрака ко мне присоединилась только Рэ. Тори все еще была в своей комнате, и нянечки, похоже, не возражали.

Я ковырялась в тарелке, цепляя по паре хлопьев за раз, чтобы создавалось впечатление, что я ем. Я все думала о том, как напугана была Лиза. В каком ужасе она была оттого, что ее отсылают. И потом этот ее сон о том, что она была привязана и не могла дышать...

Галлюцинация. В реальной жизни такого не бывает.

А еще в реальной жизни девочка не может заставить бутылки с гелем взрываться, а картины — слетать со стены...

— Мисс Ван Доп? — обратилась я к нянечке, когда она пришла накрывать стол для парней. — Насчет Лизы...

— С ней все в порядке, Хло. Она сейчас в гораздо лучшем месте.

От этих слов у меня по спине пробежал холодок, и ложка брякнула о тарелку.

— Я бы хотела поговорить с ней, если можно, — попросила я. — А то я даже не успела сказать ей до свидания. И поблагодарить за помощь в первый день.

Суровое лицо мисс Ван Доп смягчилось.

— Несколько дней она будет обустроиваться. А после этого ты сможешь с ней поговорить.

Ну вот, значит, с Лизой все в порядке. У меня просто развилась паранойя.

Паранойя. Это еще один симптом шизофрении. Я постаралась отогнать от себя эту пугающую мысль.

Нянечка повернулась к выходу.

— Мисс Ван Доп, — остановила я ее. — Простите! Я вчера говорила с миссис Талбот, что хочу написать подруге электронное письмо. Она сказала, что надо обратиться к вам.

— Просто зайди в почтовую программу, напиши письмо и нажми кнопку «Отправить». Оно будет висеть в ящике на отправку, пока я не введу пароль.

Из моей школы пришли для меня какие-то задания, так что после завтрака я приняла душ и вместе с Рэ отправилась в класс.

Тори осталась у себя в комнате, и ей это разрешили. Меня это несколько удивило, но я подумала, что это связано с Лизой. Тори слишком расстроилась. Я вспомнила, как Лиза рассказывала мне, что Тори здесь из-за того, что на нее находит дурное настроение. Пару лет назад у нас в летнем театральном лагере была девочка. Так вот, я слышала, как вожатые говорили, что она склонна к «перепадам настроения». Она была то безмерно счастливая, то очень грустная, и никаких пограничных состояний.

В отсутствие Тори я была единственной ученицей девятого класса. Питер был в восьмом, а Рэ, Симон и Дерек — в десятом. В общем-то это не имело никакого значения. Мы все занимались в одной комнате с восемью партами. Каждый сидел за своей и выполнял индивидуальные задания, а мисс Ванг подходила к каждому по очереди, помогала и вполголоса объясняла урок.

Возможно, сыграло свою роль то, что я считала мисс Ванг отчасти виноватой в том, что случилось с Лизой, но у меня сложилось о ней не самое лучшее мнение. Мне показалось, что она из тех учителей, кто безрадостно тянет свою ляжку, постоянно смотрит на часы, ожидая, когда же закончится рабочий день... или когда подвернется работенка получше.

В то утро я успела выполнить не так уж много заданий. Я никак не могла сосредоточиться и все думала о Лизе, о том, что она сделала и что с ней случилось.

Нянечки, похоже, совсем не удивились разгрому в нашей комнате. Все просто списали на Лизу, как и в случае с карандашом. Мол, она разозлилась и стала швырять вещи.

Но это ведь не она кидала все это. Я видела, как картины срывались со стены, когда Лизы даже рядом не было.

А точно ли видела?

Если я шизофреник, то откуда мне знать, что я на самом деле видела или слышала? И если паранойя — еще один симптом шизофрении, то как вообще можно доверять своему ощущению, что с Лизой случилось что-то страшное?

Первую половину урока Рэ была на сеансе с доктором Джил. Я с нетерпением ждала перемены, чтобы поговорить с Рэ. Не о Лизе и не о моих страхах, нет. Просто поговорить. Об уроке, о вчерашнем фильме, о погоде... о чем угодно, лишь бы выкинуть из головы мысли о Лизе.

Но у Рэ были какие-то сложности с заданием, и мисс Ванг оставила ее на перемене. Я пообещала прихватить для нее что-нибудь перекусить и поплелась в кухню. Еще на час или два я обречена оставаться наедине со своей головой и мыслями о Лизе.

— Привет! — Ко мне подбежал Симон. — Ты в порядке? Ты какая-то притихшая сегодня.

Я выдавила улыбку.

— Я всегда тихая.

— Да. Но после прошлой ночи вообще немудрено. Наверное, ты почти не спала?

Я пожала плечами.

Симон потянулся к дверной ручке. У меня над головой появилась рука и взялась за ручку вместо него. На этот раз я не подпрыгнула, а просто обернулась и поздоровалась с Дерекком. Он не ответил.

Симон направился в кладовку. Дерек остался в кухне и наблюдал за мной. Я бы даже сказала, изучал своим пугающе пристальным взглядом.

— Что? — Я не собиралась срываться, но вопрос прозвучал резко.

Дерек потянулся ко мне. Я отшатнулась... и поняла, что он тянет руку за миской с фруктами, которую я закрывала своей спиной. Я покраснела и отошла, бормоча извинения. На них он тоже не обратил внимания.

— Так что там случилось ночью? — спросил он, взяв одной рукой сразу два яблока.

— С-с-с-слу...

— Спокойнее.

Мое лицо запылало еще жарче — на этот раз от гнева. Я терпеть не могу, когда взрослые советуют мне говорить спокойнее. А слышать это от сверстника еще хуже.

Симон вышел из кладовки, неся коробку с батончиками мюсли.

— Лучше съешь яблоко, — посоветовал Дерекку Симон. — Это не...

— Все нормально, братишка.

Симон кинул один батончик Дерекку и протянул мне коробку. Я взяла два, поблагодарила и направилась к двери.

— Будет легче, если ты поговоришь об этом, — сказал мне вслед Симон.

Я обернулась. Он разворачивал свой батончик, не глядя в мою сторону и всем своим видом демонстрируя легкомыслие. Дерек же даже не пытался скрыть свое нетерпение. Он облокотился спиной о стол и жевал яблоко, выжидаяще глядя на меня.

— Ну? — поторопил меня Дерек, когда молчание затянулось. Он жестом велел мне поделиться с ними жуткими подробностями.

Я никогда не любила сплетничать. Может, они и не хотели этого — просто проявляли любопытство и даже сочувствие к Лизе. Но для меня это выглядело как сплетни, а Лиза такого не заслужила.

— Меня Рэ ждет, — сказала я.

Симон шагнул вперед и поднял руку, словно желая остановить меня. Потом глянул на Дерек. Я не уловила, какими взглядами они обменялись, но это заставило Симона отступить, кивнуть мне на прощание и заняться своим батончиком.

Дверь за мной еще не до конца закрылась, когда Симон шепнул:

— Что-то произошло.

— Ага.

Я прикрыла дверь и замерла. Дерек сказал что-то еще, но из-за его низкого голоса разобрать слова было трудно.

— Не знаю, — сказал Симон. — Мы не должны...

— Хло?

Я развернулась. Миссис Талбот, лучась улыбкой, выглядывала из гостиной.

— Ты Питера не видела?

— Видела. Он, кажется, в классе.

— Не могла бы ты ему передать, что я жду его в гостиной? У меня для него сюрприз.

Я покосилась на дверь в кухню, но парни замолчали. Я кивнула миссис Талбот и поспешила в класс.

За Питером приехали родители.

Он знал, что его скоро заберут домой, но они хотели сделать для него сюрприз. И вот нам устроили небольшую вечеринку с пирогом. Низкокалорийным морковным пирогом, не подвергавшимся заморозке. Потом родители Питера пошли наверх, помочь сыну собраться, Симон, Дерек и Рэ вернулись в класс, а я пошла на сеанс с доктором Джил.

Минут через двадцать я увидела в окно, как их автомобиль выехал за ворота и умчался вниз по улице.

Еще неделька, и я тоже уеду отсюда. Нужно просто перестать думать о Лизе и о призраках и сосредоточиться на своем выздоровлении.

Глава 12

После обеда у нас была математика. Именно здесь важно было знать, на чем я остановилась по программе, а из школы на этот счет пока ничего не прислали, поэтому мне разрешили

пропустить урок. Дерек тоже его пропускал. Он переместился со своими тетрадями в столовую, пока мисс Ванг проводила короткий урок для остальных. Я подумала, что он выполняет какие-то лечебные задания и ему нужна тишина. Поэтому я не стала ему мешать, а пошла в медиакомнату написать письмо Кари.

Я попотела, пока подобрала нужные слова. Третья версия казалась достаточно неопределенной, но не настолько, чтобы понять, что я намеренно избегаю правды. Я уже собралась нажать кнопку «Оправить», но остановилась.

Я использовала общий аккаунт. И что будет написано в поле «отправитель»? Пансион Лайл для детей с психическими заболеваниями? Нет, я, конечно, понимала, что написано будет не так, но даже просто «Пансион Лайл» может насторожить Кари, и она начнет искать о нем информацию.

Я запустила браузер и вбила в строку поиска «Пансион Лайл». Более миллиона ссылок. Я добавила «Буффало», и это сократило список наполовину. Бегло пробежавшись по первым страницам, я поняла, что это все случайные упоминания — какой-то дом в Лайле, список песен Лайла Ловетта, сенатор по фамилии Лайл, выступавший по проблеме озера Буффало.

Я снова подвела мышку к кнопке «Отправить» и снова остановилась.

Если у Лайла нет собственного сайта с веселенькой рамочкой из маргариток, это еще не значит, что Кари не найдет пансион в телефонном справочнике.

Я сохранила письмо как текстовый файл с ничего не значащим названием. Потом удалила письмо из почтового ящика. Если позвонить Кари, то я, по крайней мере, смогу заблокировать определение исходящего номера. Здесь у нас не было общего телефона, так что придется попросить нянечек воспользоваться их телефоном. Я решила сделать это попозже, когда Кари вернется из школы.

Я закрыла Outlook, и тут мне на глаза попала ссылка на статью о каком-то жителе Буффало по имени Лайл, который погиб при пожаре.

Я вспомнила, что Рэ советовала поискать информацию о моем обгоревшем стороже. Вот мой шанс разрешить спор между спорящими во мне сторонами — той, что говорила: «тебе все мерещится, принимай таблетки и не вякай», и той, что сомневалась в этом.

Я подвела мышку к строке поиска, стерла предыдущий запрос и в напряжении, словно ожидая удара током, зависла над клавиатурой.

Чего я боюсь?

Выяснить, что у меня действительно шизофрения?

Или убедиться, что это не она?

Я положила руки на клавиши и набрала: «школа искусств Гурней в Буффало смерть сторожа».

Тысячи ссылок — в основном случайные совпадения с именем А. Р. Гурнея, драматурга из Буффало. Но тут я увидела строчку со словами «несчастный случай» и сразу поняла, что это оно.

Я заставила себя кликнуть на ссылку и прочитать статью.

В 1991 году сорокаоднолетний Род Синсен, старший сторож в школе искусств Гурнея в Буффало, погиб во время взрыва химреактивов. Нелепый несчастный случай произошел по вине временно нанятого уборщика, который залил в контейнер не тот раствор.

Сторож погиб еще до моего рождения. Так что я никак не могла услышать об этом происшествии.

Но то, что я не помню рассказа об этом, еще не значит, что я не могла краем уха уловить обрывки чьих-то разговоров в школе и сохранить их глубоко в подсознании, чтобы потом моя шизофрения достала оттуда этот образ и использовала для изоощренной галлюцинации.

Я просмотрела статью. Никаких фотографий. Я вернулась на страницу поиска и перешла к следующей ссылке. Та же информация, но на этот раз с фото. И нет никаких сомнений, что это тот самый человек, которого я видела.

Может, я где-то видела эту фотографию раньше?

У тебя есть ответы на все вопросы? «Логическое объяснение». Ладно, что бы ты сказала, если бы увидела такое в кино?

Я бы подбежала к экрану и дала бы пощечину этой девчонке, которая смотрит в глаза правде, но слишком тупа, чтобы понять это. Нет, не тупа. Просто упряма.

Ты хочешь логического объяснения? Ладно, тогда сложи факты вместе. Как сцены.

Сцена первая: девочка слышит чьи-то голоса и видит парня, который исчезает прямо у нее на глазах.

Сцена вторая: она видит мертвого мужчину со следами ожогов.

Сцена третья: она узнает, что обгоревший сторож реально существовал и погиб в ее школе именно так, как она видела.

И все же эта девушка, наша предположительно умная героиня, не верит в то, что видит призраков? Да приди в себя наконец.

И все же я сопротивлялась. Как бы я ни любила мир кинематографа, я понимала разницу между реальностью и вымыслом. В кино существуют и призраки, и пришельцы, и вампиры. Даже тот, кто не верит в существование внеземных цивилизаций, вполне может пойти в кино и, возмущившись, что главный герой отказывается видеть сигналы о вторжении инопланетян, воскликнуть: «Ну что ж такое!»

Но если кому рассказать, что тебя преследует оплавившийся школьный сторож, то в реальной жизни тебе вряд ли скажут: «Ух ты! Ты видишь призраков». Нет, тебя укутут в местечко вроде этого.

Я смотрела на фотографию. Нет сомнений...

— Это его ты видела?

Я развернулась на стуле. У меня за плечом стоял Дерек. Для человека его комплекции он умел двигаться на удивление тихо, так что я чуть не приняла его за призрака. Такой же молчаливый... и такой же непрошенный.

Он ткнул в заголовок статьи о стороже.

— А. Р. Гурней. Это твоя школа. Ты ведь видела этого парня, да?

— Не знаю, о чем ты говоришь.

Он пригвоздил меня взглядом к стулу.

Я поспешно отключила браузер.

— Я выполняла школьное задание. У меня реферат.

— На какую же тему? «Люди, которые погибли в моей школе»? Знаешь, мне всегда казалось, что школы искусств немного странные.

Я ощетибилась.

— Странные?

— Хочешь что-нибудь поисследовать? — Он потянулся за мышкой, и я уловила запах пота. Не настолько сильный, чтобы от него цветы завяли, просто намек на то, что дезодорант вот-вот выветрится. Я попробовала немного отодвинуться, но он заметил и сердито зыркнул на меня — видимо, обиделся. Потом немного сдвинулся в сторону и прижал локти к бокам.

Он снова запустил браузер и вбил в строку поиска единственное слово. После чего выпрямился.

— Попробуй вот это. Может, ты найдешь для себя что-то интересное.

Я минут пять смотрела на поисковый запрос. Одно-единственное слово. Некромант.

Это вообще на каком языке-то? Я поставила рядом курсор и дописала «определение». Стоило мне нажать Enter, как на экране появилось:

«Некромант — человек, делающий прорицания посредством призыва мертвых».

Прорицание? Это что-то вроде предсказания будущего? Общась с мертвыми... из прошлого? Чуть какая-то.

Я перешла к следующему определению из Википедии.

«Некромантия — прорицание посредством призыва духов умерших людей. Слово происходит от греческих nekros — „мертвый“ и mantena — „прорицание“. Имеет еще одно значение, отраженное в архаичном варианте слова „нигромантия“ (народная этимология от латинского niger — „черный“), означающем, что магические „темные силы“ получают от или путем воздействия на мертвых. Человек, практикующий некромантию, называется некромант».

Я перечитала абзац трижды, с трудом продираясь сквозь непонятные слова, но поняла только то, что совсем запуталась. Перешла к следующему определению, тоже из Википедии.

«В фантастическом мире „Диабло-2“ — жрецы Ратма»...

Явно не то, что мне нужно, но я быстренько прочитала статью и выяснила для себя, что существует такой тип персонажей в ролевых компьютерных играх — некроманты. Они могли оживлять мертвецов и управлять ими. Не оттуда ли Дерек почерпнул это? Нет, вряд ли. Он, может, и странный, но если бы у него сдвинулись границы между компьютерным миром и реальной действительностью, то он был бы не здесь, а в настоящей психушке.

Я вернулась к Википедии и просмотрела остальные определения. Но все они были вариациями первого. Некромант — человек, предсказывающий будущее, общаясь с мертвыми.

Теперь меня разобрало любопытство. Я стерла слово «определение» и оставила только «некромант». Первые два сайта были религиозного толка. Они утверждали, что некромантия — это искусство общения с миром мертвых. Он считали это злом, черной магией и почитанием Сатаны.

Может, Дерек считает, что я занимаюсь черной магией? И пытается спасти мою заблудшую душу? Или предупредить, что он следит за мной? Я поежилась.

Тетя Лорен работает в частной гинекологической клинике. Так вот, они однажды стали объектом нападков воинствующей группы противников абортот. Я не понаслышке знала, какими страшными могут быть люди, считающие, что вы делаете что-то, идущее вразрез с их убеждениями.

Я вернулась к странице с результатами поиска и выбрала ссылку, которая показалась мне более академичной. Там говорилось, что некроманты — это другое, более древнее название медиумов, спиритуалистов и вообще людей, способных общаться с духами. Значение слова уходит корнями в древнее поверье: если ты можешь общаться с мертвыми, то они смогут подсказывать тебе будущее, потому что мертвые знают все — чем занят твой враг и где спрятано сокровище.

Я перешла к следующей ссылке, и у меня на экране появилась чудовищная картинка — толпа разлагающихся мертвецов, ведомая человеком с горящими глазами и злобной ухмылкой. Подпись под картинкой: «Армия мертвых».

Я прокрутила страницу вниз. Такая же ерунда — люди в окружении зомби.

Я быстро переключилась на другую страницу. Здесь «искусство некромантии» описывалось как оживление мертвых. Я поежилась и перешла к следующей ссылке. На этот раз религиозный сайт, цитирующий старинный манускрипт, толкующий о «грязных некромантах», совершающих преступление супротив природы, общаясь с духами и оживляя мертвецов.

Еще сайты. И снова старинные гравюры и картины. Гротескные изображения гротескных людей. Оживление трупов. Общение с духами. Призыв демонов. Дрожащей рукой я закрыла браузер.

Глава 13

Я осторожно вышла из комнаты, опасаясь, что Дерек караулит меня за углом.

Заслышав его низкий бас, я вздрогнула. Но голос доносился из столовой — Дерек спрашивал у миссис Талбот, когда доктор Джил наконец его примет. Я поспешила в класс. У ребят еще не закончилась математика, и мисс Ванг только махнула мне, чтобы я села за парту с краю.

Когда урок наконец закончился, в класс ввалился Дерек. Я старалась не обращать на него внимания. Рэ махнула мне рукой, чтобы я пересела за соседнюю с ней парту. Я буквально переметнулась туда. Дерек даже не глянул в мою сторону — просто занял свое обычное место рядом с Симоном, и они, склонив головы, стали о чем-то шептаться.

Симон рассмеялся. Я старалась расслышать, о чем они говорят. Может, Дерек рассказывает о своей «шутке»? Или у меня уже паранойя?

* * *

Урок английского был последним на сегодня. Дерек вместе с Симоном сразу после урока исчезли, а мы с Рэ пошли в столовую, где занялись домашним заданием.

Я с трудом закончила разбор предложения. Это почти то же самое, что продраться сквозь иностранный текст.

А в голове крутилось одно: я вижу духов, настоящих духов.

Может, это легче принять тому, кто уже верит в духов. Но я-то в них не верила.

Моя религиозная подготовка ограничивалась несколькими посещениями церкви и воскресной школы да недолгим пребыванием в частной христианской школе, когда папа после очередного переезда не смог сразу пристроить меня в обычную школу. Но я верила в Бога и в жизнь после смерти, как верила в Солнечную систему, которой никогда не видела, — просто принимала их существование, не особо вдаваясь в детали.

Если духи существуют, значит ли это, что нет никакого рая? Может, мы все обречены вечными теньями бродить по земле в надежде отыскать того, кто может нас видеть и слышать и?..

И что? Чего эти духи хотят от меня?

Мне вспомнился голос в подвале. С ним хотя бы ясно — он хотел, чтобы я открыла дверь. Так что же, этот дух многие годы бродил здесь, наконец нашел того, кто его слышит, и о чем же он попросил? «Эй, ты не могла бы открыть мне эту дверь»?

А как насчет Лизы? Наверное, мне это приснилось. А все остальное... тут у меня голова пошла кругом.

Но одно было ясно. Я просто обязана узнать побольше. И если таблетки не дают мне слышать и видеть духов, значит, надо прекратить их принимать.

— С тобой этого не случится.

Заслышав голос Рэ, я отвернулась от окна гостиной.

— То, что случилось с Лизой, что ее перевели в другое место. С тобой этого не будет. — Рэ присела на диван. — Ты ведь этого боишься, да? Ты и десяти слов за день не сказала.

— Прости. Я просто...

— Испугалась.

Я кивнула. Так оно и есть, хотя и не из-за того, о чем подумала она. Я села в кресло-качалку.

— Говорю тебе, Хло, я знаю, как выбраться отсюда. — Она понизила голос. — О чем ты думаешь? Об их ярлыках? Просто кивай и улыбайся. Говори: «Да, доктор Джил. Как скажете, доктор Джил. Я очень хочу поправиться, доктор Джил». Говори, и довольно скоро ты выйдешь отсюда, как вышел Питер. Мы обе выйдем. И тогда я пришлю тебе счет за ценный совет.

Я попыталась улыбнуться. Судя по тому, что я видела до сих пор, Рэ — идеальный пациент. Так почему же она до сих пор здесь?

— А сколько здесь обычно держат? — спросила я.

Она откинулась на спинку.

— Пару месяцев, я думаю.

— М-м-месяцев?

— Питер пробыл здесь именно столько. Тори чуть дольше. Дерек и Симон здесь три месяца.

— Три месяца?

— Думаю, да. Но я могу ошибаться. До тебя новичками были мы с Лизой. Пробыли тут три недели. Я — на несколько дней дольше нее.

— А мне сказали, что я п-п-пробуду здесь пару недель.

Рэ пожала плечами.

— Ну, значит, с тобой будет по-другому, и ты — везунчик.

— Или они имели в виду, что две недели — это минимум?

Она дотянулась до моей коленки и легонько толкнула меня.

— Эй, не будь такой мрачной. Общество здесь приятное, так ведь?

Я выдавила улыбку.

— Кое-кто — да.

— Без шуток. Теперь, когда нет Питера и Лизы, мы с тобой застряли в обществе Франкенштейна и двух цац. Кстати, наша королева Виктория изволила встать... почти не разговаривает.

— Мммм?

Рэ еще чуть понизила голос.

— Ее накачали таблетками. — Наверное, на лице у меня отразилась тревога, потому что она поспешила добавить: — О, не переживай. Они так поступают только с Тори, а она сама этого жаждет. Она у нас принцесса пилюль. Если она не получает свои таблетки вовремя, то сама

идет просить их. Однажды в выходные у них закончились лекарства, и им пришлось отправить доктору Джил сообщение, чтобы она закупила все к понедельнику. Так боже мой... — Рэ потрясла головой. — Тори вбежала в нашу комнату, заперлась и отказывалась выходить, пока ей не принесли таблетки. Потом она пожаловалась своей матери, и тут был такой скандал! Ее мать связалась с владельцами Лайла. В общем, она сегодня накачана лекарствами по уши и не должна доставить нам особых хлопот.

Миссис Талбот позвала нас ужинать, и я только тогда сообразила, что не рассказала Рэ о том, что воспользовалась ее советом и нашла информацию о мертвом стороже.

Тори присоединилась к нам за ужином — если не душой, то, по крайней мере, телом. Весь ужин она играла роль зомби. Без всякого выражения на лице она механически подносила вилку ко рту. Меня раздирали противоречивые чувства — жалости и страха.

И не я одна чувствовала себя неуверенно. Рэ с каждой минутой становилась все напряженнее, ожидая, что «старая Тори» вот-вот проявится и начнет подкалывать ее насчет аппетита. Симон отважно пытался поддерживать со мной беседу, время от времени осторожно задавая вопросы Тори, словно опасаясь, что она всего лишь притворяется больной и хочет, чтобы ее пожалели.

После этой бесконечной трапезы мы все разбежались, с радостью приступив к своим домашним обязанностям: мы с Рэ принялись убирать со стола и мыть посуду, а парни — выносить мусор. Потом Рэ надо было сделать какое-то домашнее задание, и мисс Ванг специально предупредила нянечек, что Рэ должна сделать его самостоятельно, без всякой помощи.

Я сказала мисс Ван Доп, что сейчас вернусь, и отправилась к себе в комнату за iPad. Открыв дверь в комнату, я обнаружила на полу свернутую записку.

«Хло,

Нам надо поговорить. Жду тебя в прачечной в 7.15.

Симон».

Я снова свернула записку. Интересно, не Дерек ли настропалил Симона, после того как понял, что я не испугалась его намеков о некромантах? Может, он надеялся, что с его братом я буду откровеннее?

Или же Симон хотел продолжить наш разговор, начатый днем в кухне, когда он расспрашивал о Лизе? Может, не я одна беспокоюсь за нее?

Я спустилась в подвал сразу после семи и остаток времени посвятила охоте за духом. Я облазила всю прачечную, прислушиваясь и присматриваясь. Именно когда мне захотелось услышать или увидеть духа, у меня ничего не получилось.

Могу ли я контактировать с ним? Или это улица с односторонним движением, и мне надо ждать, пока дух не соблаговолит заговорить со мной? Я уже собралась проверить это, позвав духа вслух, но вспомнила, что Дерек уже однажды поймал меня за тем, что я беседую сама с собой. С Симоном я не собиралась так рисковать.

Поэтому я просто бродила по комнате, представляя, что смотрю в монитор режиссерской камеры.

— ...здесь... — прошептал голос, такой тихий и сухой, что напоминал шелест травы. — ...поговорить...

Над моим плечом нависла тень. Я уже приготовилась увидеть что-нибудь жуткое, но, подняв голову, взглянула прямо... в лицо Дереку.

— Ты всегда такая дерганая? — спросил он.

— Откуда ты взялся?

— Спустился по лестнице.

— Я тут жду... — Я замолчала и внимательно посмотрела в его глаза. — Это ведь ты, да? Ты попросил Симона написать...

— Симон ничего не писал тебе. Я знал, что ради меня ты не придешь. А Симон? — Он глянул на часы. — Для Симона ты рановато. Ну так что, ты посмотрела в Интернете?

Так вот к чему все это было.

— Ты насчет того слова? Нек... — Я сжала губы, примеряясь к непривычному слову. — Некромант? Так ты это произносишь?

Дерек отмахнулся. Неважно, как произносить. Он прислонился к стене, пытаясь принять расслабленную, даже безразличную позу. Но его беспокойные пальцы выдавали желание поскорее услышать мой ответ. Увидеть мою реакцию.

— Так ты посмотрела? — повторил он.

— Да. И если честно, не знаю, что тебе сказать.

Он потер джинсы, словно вытирая об них ладони.

— Так. Значит, ты посмотрела это слово и...

— Это не то, что я ожидала.

Он снова потер джинсы. Потом сжал кулаки и скрестил руки на груди. Снова их распрямил. Я огляделась вокруг, довершая сложившуюся в голове сцену. Вот он должен податься вперед, буквально лопаясь от нетерпения.

— И... — подстегнул он меня.

— Должна признать... — Я набрала в грудь побольше воздуха. — Я не очень-то увлекаюсь компьютерными играми.

Его глаза превратились в узкие щелки, лицо скривилось.

— Компьютерные игры?

— Я играла кое в какие, но не те, о которых ты толкуешь.

Он устало взглянул на меня, будто заподозрив, что мне действительно самое место в психушке.

— Но если вам, ребята, нравятся такие игры, — я одарила его ослепительной улыбкой, — тогда и я непременно попробую их.

— Их?

— Игры. Ролевые, так ведь? Но мне кажется, некромант — не мой персонаж. Спасибо, однако, за предложение.

— Предложение?..

— Ну да — поиграть в некроманта? Ты ведь поэтому попросил меня поискать информацию про них, да?

Тут до него наконец дошло, и глаза у него округлились.

— Нет, я не это имел в виду...

— Полагаю, это вполне увлекательно — играть в некроманта, который может оживлять мертвых, но это не совсем мое. Слишком много темного. Как у эмо. Я лучше буду магом.

— Я не собирался...

— Так мне не придется быть некромантом? Спасибо. И я благодарна, что ты потратил время и помог мне почувствовать себя как дома. Ты такой милый.

Когда я одарила его еще одной слащавой улыбкой, он наконец понял, что я вожу его за нос. Лицо у него потемнело.

— Я не приглашал тебя поиграть в игры, Хло.

— Нет? — Я округлила глаза. — Тогда зачем ты послал меня на сайты про некромантов? Показывал мне картины с безумцами, поднимающими армии разлагающихся зомби? Ты так развлекаешься, Дерек? Тем, что пугаешь новичков? Ну так вот, ты достаточно повеселился, и если ты еще хоть раз загонишь меня в угол или заманишь в подвал...

— Заманишь? Да я хотел поговорить с тобой.

— Нет. — Я подняла на него глаза. — Ты хотел меня напугать. Сделаешь это еще раз, и я все расскажу персоналу.

Когда я набросала эти строчки у себя в голове, они звучали сильно и дерзко — новая девочка дает отпор старшему нахалу. Но когда я их произнесла, это прозвучало так, словно капризный, избалованный ребенок грозитя наядбедничать старшим.

Глаза Дерекa превратились в холодные осколки зеленого стекла, а лицо исказилось настолько, что перестало напоминать человеческое. Оно было наполнено такой яростью, что я невольно попятилась, а потом развернулась и рванула к лестнице.

Он прыгнул и схватил меня за руку. И дернул так сильно, что я вскрикнула от боли. Ноги подкосились, и в плече что-то хрустнуло. Дерек отпустил мою руку, и я брякнулась на пол.

Какое-то время я лежала на полу, сжавшись в комочек и баюкая ушибленную руку. Я моргала,

не в силах поверить в случившееся. Потом тень Дерека нависла надо мной, и я с трудом поднялась.

Он потянулся ко мне.

— Хло, я...

Я отшатнулась, чтобы он не касался меня. Он что-то говорил, но я не слышала. Не смотрела на него. Я бежала к лестнице.

Остановилась я, только забежав к себе в комнату. Потом я сидела на кровати и жадно глотала воздух. Плечо горело. Закатав рукав, я увидела красные отметины от его пальцев.

Я долго смотрела на них. Никто никогда раньше не бил меня. Родители меня пальцем не трогали. Не шлепали и даже не грозились отшлепать. Я была не из тех детей, которые ввязываются в свары и кулачные бои. Нет, конечно, меня и до этого толкали и пихали локтями... но чтобы вот так схватить и швырнуть через всю комнату?

Я опустила рукав. Удивлена ли я? Нет. Дерек внушал мне страх с той самой первой встречи в кладовке. Когда я поняла, что записка была от него, надо было сразу идти наверх. А если бы он попытался меня остановить, надо было закричать. Но нет, мне же захотелось показать себя крутой. Поумничать. Зацепить его.

А теперь у меня не было никаких доказательств против него, кроме красных отметин от его пальцев, да и те уже потихоньку рассасывались. И даже если бы я показала их нянечкам, Дерек мог бы сказать, что я сама заманила его в подвал и набросилась на него, что ему пришлось схватить меня за руку, чтобы усмирить. В конце концов, это ведь мне поставили диагноз «шизофрения». А к нему в комплекте прилагаются галлюцинации и паранойя.

Мне придется разбираться с этим самой.

Я должна разобраться с этим сама.

До этого я всегда жила в тепличных условиях. И всегда понимала, что это приведет к полному отсутствию жизненного опыта, который так нужен, чтобы стать хорошим сценаристом. Вот он, мой шанс наконец начать копить этот самый опыт.

Я разберусь с этой ситуацией. Но для этого мне нужно точно понимать, с чем я имею дело.

Я отвела Рэ в сторонку.

— Ты не передумала посмотреть личные дела Симона и Дерека? — спросила я.

Она помотала головой.

— Тогда я помогу тебе их достать. Сегодня.

Глава 14

Мисс Талбот мы застали за тем, что она накрывала на стол. Чищенная морковь и соус. Эх! Сколько бы я ни жаловалась на Анетт, но дома я, по крайней мере, всегда могла рассчитывать

на свежие булочки и печенье.

— Проголодались, девочки? Неудивительно. За ужином вы все мало ели.

Она протянула нам тарелку. Мы обе взяли по кусочку моркови и макнули ее в соус.

— Мы тут с Хло думали, миссис Талбот, — начала Рэ. — О Тори.

Миссис Талбот поставила тарелку на стол и ответила, не поднимая глаз:

— Я знаю, милая. Она очень тяжело переживает отъезд Лизы. Они дружили. Уверена, Тори станет легче, как только они поговорят, но до тех пор она может казаться немного подавленной, пока мы... подбираем для нее новый курс медикаментов. И нам очень важно, девочки, чтобы вы были особенно внимательны к ней.

— Само собой. — Рэ облизала кончик пальца. — Но мы вот тут подумали, что ей будет лучше, если она будет жить в комнате одна. Я могу пока поспать в комнате Хло.

Миссис Талбот дала ей салфетку.

— Мне бы не хотелось слишком уж изолировать ее, но, пожалуй, ей и впрямь пока будет легче одной.

— Только пока?

Нянечка улыбнулась.

— Нет, ты можешь совсем переехать в комнату Хло, если вы обе согласны.

Пока Тори внизу смотрела телевизор, Рэ начала переносить свои вещи, словно опасаясь, что мисс Ван Доп или доктор Джил наложат вето на этот переезд.

Она вручила мне стопку футболок.

— Это ведь из-за Симона, да?

— Что?

— Тебе хочется знать, из-за чего сюда попал Симон?

— Я не...

Она обвесилась джинсами и выпроводила меня из комнаты.

— Да ладно, за столом вы каждый раз мило беседуете. Я сначала думала, что он хочет с твоей помощью отделаться от Тори. Но сегодня она вообще не обращала на вас внимания, а он все равно продолжал болтать с тобой.

— Я не...

— Да ладно! Он тебе нравится. И в этом нет ничего такого. — Рэ открыла нижний ящик в шкафу Лизы. Он был пуст — пока мы сидели на уроках, отсюда убрали все следы ее пребывания. — Мне на него вообще плевать. Может, он вообще прицепился ко мне только

потому, что я не из его Лиги.

— Лиги?

Она ткнула мне в нос джинсы с этикеткой.

— Ты еще кого-нибудь здесь видела в джинсах из дешевого универмага? Это же частный пансион. За него надо платить, и держу пари, стоит это подороже гостиницы. А я из числа пациентов, которые попали сюда по каналу обязательной благотворительности.

— Я...

— Да ладно, нормально. Ты ко мне хорошо относишься. И Питер тоже, и... — Она деловито оглядела свое новое жилище. — ...и Лиза. Дерек со всеми ведет себя по-скотски, так что я не принимаю это на свой счет. И если холодный прием мне оказывают только Симон и Тори, то с этим можно жить. Именно поэтому я считаю, что эти двое прекрасно подходят друг другу. И если он тебе нравится, а ты — ему, это не мое дело. Но ты дальновидна, если решила для начала проверить его личное дело.

Рэ направилась в свою бывшую комнату, я — за ней по пятам.

— Подруга моей матери проделала то же самое с парнем, который собирался на ней жениться. И выяснилось, что у него трое детей. А он о них ни разу словом не обмолвился. — Рэ улыбнулась. — Я, конечно, не думаю, что у Симона есть дети, но кто знает.

Пока мы заканчивали опустошать ее ящики, я решила оставить все как есть. Но мне не хотелось, чтобы она считала меня такой девицей, которая, попав в новое место, сразу начинает вешаться на парней. И если я не могла пожаловаться на Дерекан нянечкам, то хоть кому-то я могу об этом рассказать. И тогда у меня будет свидетель, если понадобится.

— Дело не в Симоне, — сказала я, когда мы вернулись в нашу комнату и закончили развешивать одежду. — Это из-за Дерекана.

Рэ как раз вешала фотографию на стену, но, услышав мои слова, уронила ее и чертыхнулась. Я едва успела поймать рамку.

— Дерекан? Тебе нравится...

— Господи, нет, конечно. Я хотела сказать, что мне надо проверить Дерекана, и не в том смысле, о котором ты подумала.

Рэ вздохнула и прислонилась к стене.

— Слава Богу. Я знаю, некоторым девушкам нравятся мерзавцы, но этот просто страшила. — Она, густо покраснев, потянулась за следующей рамкой. — Я не должна так говорить. Я знаю, что он не виноват в том, что... — Она запнулась, подыскивая нужное слово.

— Что у него пубертатный период.

Ухмылка.

— Точно. Надо бы, наоборот, пожалеть парня, но это так непросто, когда его манеры столь же ужасны, как его лицо. — Она застыла с фотографией в руке, потом обернулась и пристально посмотрела на меня. — Не в этом ли дело? Он... что-то натворил?

— А почему ты спрашиваешь? За ним это водится?

— Зависит от того, что ты имеешь в виду. Грубость — да. Странность — тоже. Он нас совершенно игнорирует, кроме тех случаев, когда у него нет другого выбора. И поверь мне, никто не жалуется. Так что он натворил?

Я тщательно взвесила свои слова. Мне не хотелось, чтобы она заставила меня все рассказать нянечкам, поэтому я опустила ту часть истории, где он швырнул меня через всю комнату, и просто сказала, что он преследует меня и каждый раз, когда я остаюсь одна, неожиданно появляется.

— А, так ты ему нравишься. — Она дала мне подержать фото.

— Нет, это не то.

— Ну да. Это тебе хочется, чтобы это было не то. Но похоже именно на это. Может, ты в его вкусе? У меня в школе есть парень, который мне нравится. Он в баскетбольной команде. Он еще выше Дерекы. Но он всегда западает на девчонок небольшого роста, вроде тебя.

Я приняла от нее еще одну рамку с фотографией.

— Дело совсем не в этом, я абсолютно уверена.

Она открыла рот, и я почувствовала прилив раздражения. Ну почему всякий раз, когда девушка говорит, что ее преследует какой-то парень, все сразу отменяют это со словами: «Ах, да ты ему просто нравишься»? Как будто это сразу все оправдывает.

Заметив перемену в моем лице, Рэ тут же закрыла рот и молча взялась за фотографию.

Я сказала:

— Он пугает меня, и я хочу знать, что написано в его личном деле. Есть ли причины бояться его. Есть ли у него, ну, ты понимаешь, проблемы.

— Это разумно. Прости. Если он пугает тебя, то это серьезно. Без шуток. Сегодня мы раздобудем факты.

Глава 15

Отбой в пансионе Лайл был в девять, а свет тушился и все разговоры должны были прекращаться еще через час, когда нянечки уходили к себе.

В каждой секции верхнего этажа располагалась спальня приставленной к ней нянечки. Лиза мне говорила, что между половинами мальчиков и девочек нет даже двери, но Рэ утверждала, что такая дверь есть — как раз между комнатами нянечек, так что в случае экстренной необходимости они получали быстрый доступ ко всему второму этажу.

Поэтому, хоть Рэ и клялась, что миссис Талбот засыпает быстро и спит крепко, нам еще приходилось принимать в расчет и мисс Ван Доп. Так что отправляться на операцию рано было слишком рискованно. Рэ поставила свой будильник на 2.30, и мы заснули.

В 2.30 во всем доме было тихо. Слишком тихо, настолько, что даже скрип половицы звучал, как выстрел. А в таком старом доме почти все половицы скрипели.

Мы с Рэ прошли в кухню и достали из холодильника два пакета с соком. Их мы оставили на кухонном столе. Я открыла дверь в кладовку и включила там свет. После чего мы вернулись в холл, оставив обе двери полуоткрытыми.

Кабинет доктора Джил располагался в западном крыле, возле самой лестницы к спальням мальчиков. Рэ проверила замок еще неделю назад. Это был самый обычный замок, такие открываются монеткой. Во всяком случае, так утверждала Рэ. Мне-то раньше никогда не было нужды вскрывать замки. Наверное, это потому, что у меня не было братьев и сестер. Поэтому я просто смотрела и мотала на ус. Это все к вопросу о накоплении жизненного опыта.

Рэ однажды видела, как доктор Джил во время сеанса доставала ее личное дело, поэтому знала, где хранятся дела. В офисе имелся принтер со сканером, что изрядно облегчало нам работу. Я стояла на стреме в коридоре. Единственный раз мне пришлось понервничать, когда Рэ начала сканировать страницы. Головка сканера двигалась довольно шумно. К счастью, страниц в личном деле оказалось немного, потому что, когда я заглянула, Рэ уже складывала бумаги обратно в папку.

Она дала мне два листочка, сложенные пополам, а папки вернула в ящик стола. Мы вышли из комнаты. И в тот момент, когда Рэ приводила замок в исходное положение, раздался характерный скрип половицы, заставивший нас обеих замереть на месте. Какое-то время было тихо. Потом снова раздался скрип. Кто-то спускался вниз из половины мальчиков.

Мы рванули с места, стуча босыми пятками по полу. Добежав до кухни, юркнули внутрь и дальше, в открытую кладовку.

— Ну, давай же, — театральным шепотом сказала я. — Бери уже что-нибудь.

— Не могу найти рисовые батончики. Я знаю, что на той неделе они точно были.

— Мальчишки, наверное... — Я остановилась, потом прошипела: — Тссс. Кто-то идет. Гаси свет!

Рэ дернула выключатель, а я закрыла дверь, оставив узкую щелку. В нее мне было видно, как в дверях кухни появился Дерек. Свет он включать не стал — оглядывался так. В лунном свете его лицо сияло бледным пятном. Он обшарил кухню взглядом и остановился на двери в кладовку.

Я распахнула дверь и шагнула вперед.

— Крекеры? — предложила я, протягивая ему коробку.

Он глянул на меня, и я словно опять оказалась в подвале и пролетела через всю комнату. Моя улыбка тут же увяла, и я сунула коробку с печеньем ему в руки.

— Мы тут перекусываем, — сказала Рэ.

Дерек, прищурившись, продолжал смотреть на меня.

— Пойду возьму сок, — продолжила Рэ, протискиваясь мимо меня.

Дерек оглянулся на пакеты с соком, которые мы заранее оставили на столе. Они служили доказательством, что мы всего лишь устроили рейд на кухню. Это был мой план, и мне он

казался очень хитроумным. Но когда взгляд Дерекы вернулся ко мне, волосы у меня на загривке встали дыбом, и я поняла, что Дерек на это не купился.

Я шагнула вперед. Какие-то мгновения он не шевелился, и я слушала только его дыхание и ощущала его огромную массу, застывшую передо мной.

Потом он посторонился.

Когда я проходила мимо, он взял из коробки упаковку крекеров, а коробку протянул мне.

— Ты, кажется, забыла.

— Ах, да. Спасибо.

Я взяла коробку и вылетела в коридор, Рэ — за мной следом. Дерек тоже вышел, но направился в другую сторону, на половину мальчиков. Возле самой лестницы я оглянулась. Дерек остановился возле двери в кабинет доктора Джил и внимательно посмотрел на дверь.

Мы пролежали в кроватях с выключенным светом пятнадцать минут — достаточно для того, чтобы Дерек сдал нас нянечкам или вернулся к себе в комнату. Пальцами я все ощупывала листочки, которые затолкала под резинку своей пижамы. Наконец Рэ пробралась с фонариком ко мне в кровать.

— Мы были близки к провалу, — прошептала она.

— Думаешь, он скажет про нас?

— Нет. Он и сам пошел промышлять на кухню, так что вряд ли осмелится ябедничать.

Значит, Дерек просто случайно встал перекусить как раз тогда, когда мы вламывались в кабинет доктора Джил? Терпеть не могу совпадений, но, похоже, сканер все же шумел не так сильно, и Дерек не слышал его у себя наверху.

Я вытащила листочки и расправила их на матрасе.

— Это Дерекы, — сказала Рэ, посветив фонариком.

Я вытащила второй листок и протянула ей.

— Хочешь прочитать про Симона?

Она покачала головой.

— Это вторая страница про Дерекы. На Симона там ничего не было.

— Ты не нашла?

— Нет, его дела просто не было. На разделителях в ящике написаны наши имена. Да и на папках тоже. А папки на Симона там не было.

— Это...

— Странно. Я знаю. Может, они держат его дело где-то в другом месте? В любом случае ты

хотела почитать про Дерекка, поэтому я решила не тратить время на поиски папки Симона. Давай посмотрим, за что сюда угодил наш Франкенштейн. — Рэ посветила фонариком на верхние строчки. — Дерек Сауза. Дата рождения, бла, бла, бла.

Она опустила фонарик ниже.

— Ха. В Лайл его доставила служба по надзору за детьми. Ни слова об отце, о котором они столько говорят. Если в деле замешана служба по надзору за детьми, то, ручаюсь, этот папаша не возьмет приз за лучшего родителя года. А, вот оно. Диагноз... Асоциальное изменение личности. — Рэ фыркнула. — Неужто? Как будто я и так не знала. И вообще, разве это болезнь? И какие, интересно, лекарства дают ему от грубости?

— Чем бы его ни лечили, это не действует.

Рэ расплылась в улыбке.

— Это точно. Неудивительно, что он застрял здесь так надолго...

В коридоре вспыхнул свет. Рэ нырнула в свою кровать, оставив у меня фонарик. Я погасила его. В этот момент хлопнула дверь в ванную. Я хотела перекинуть фонарик Рэ, но она покачала головой, потом наклонилась вперед и прошептала:

— Ты дочитывай. Если найдешь что-нибудь интересное, утром мне расскажешь.

Не знаю уж, кто там пошел в ванную — Тори или миссис Талбот, — но пробыла она там целую вечность. Когда наконец послышался шум спускаемой воды, Рэ успела заснуть. Я выждала еще несколько минут, потом включила фонарик и продолжила чтение.

И с каждой следующей строчкой комок страха у меня внутри разрастался все больше. Асоциальное изменение личности не имело ничего общего с банальной грубостью. Это означало, что человек проявлял полное неуважение к другим, был лишен способности к сочувствию — не мог поставить себя на место другого. Это расстройство проявлялось в буйном темпераменте и вспышках ярости, которые только усугубляли положение. Если не понимаешь, что причиняешь кому-то боль, то что тебя может остановить?

Я перешла ко второму листочку, где было написано «Биография».

«Провести стандартную проверку оказалось проблематичным. Не удалось найти ни свидетельства о рождении, ни каких-либо других документов. Они, скорее всего, существуют, однако отсутствие достоверной информации о раннем периоде его жизни делает невозможным проведение всесторонней проверки. Объект и его названный брат утверждают, что Дерек живет в их семье примерно лет с пяти. Объект не помнит — или не желает сообщать подробности — своей жизни до этого, хотя его ответы наводят на мысль, что он мог воспитываться в государственном учреждении.

Отец Симона, Кристофер Бэ, похоже, де факто установил опеку над объектом, хотя нет никаких официальных документов об усыновлении или опекуновстве. В школу мальчики поступили как „Симон Ким“ и „Дерек Браун“. Причина, по которой указаны не подлинные имена, неизвестна.

Согласно записям в школьном личном деле, проблемы с поведением у объекта начались в седьмом классе. Он и до этого не отличался открытостью и жизнерадостностью, а теперь

стал особенно угрюмым. Его отстраненность сопровождалась вспышками немотивированного гнева и проявлением агрессии».

Проявления агрессии...

Синяки у меня на руке зудели, и я, поморщившись, машинально потерла их.

«Инциденты не были должным образом задокументированы, что делает невозможным подробное исследование развития болезни. Объекту удавалось избегать исключения из школы и других мер дисциплинарного воздействия вплоть до некой ссоры, которую очевидцы описали как „обычную дворовую драку“. Объект яростно напал на трех младших учеников, проявив то, что официальные лица назвали химически питаемым гневом. Прилив адреналина также может объяснить необычайную силу, о которой сообщали свидетели. К моменту, когда администрация школы смогла вмешаться, один из учеников получил травму позвоночника. Врачи опасаются, что он не сможет больше ходить».

Страница, заполненная убогим текстом, продолжала рассказ о биографии Дерека, но я уже не видела строчек — у меня перед глазами стояла одна-единственная картина: как промелькнул пол, когда Дерек швырнул меня через всю комнату.

Необычайная сила...

Вспышки гнева...

Не сможет больше ходить...

Значит, Лизу за то, что она швыряла карандаши и бутылочки с гелем, перевели отсюда, а Дерек продолжает держать? Огромного детину, у которого за плечами целый ряд вспышек гнева, сопровождавшихся проявлением агрессии? Человека, который страдает таким расстройством, что ему все равно, кому он причиняет боль и насколько сильную?

Почему меня никто не предупредил?

Почему его не запирают?

Я сунула листочки под матрас. Читать остальное не было надобности. Я и так знала, что там сказано. Что его накачивают лекарствами. Что он проходит курс реабилитации. Что он идет на сотрудничество и за все время пребывания в Лайле ни разу не проявил агрессии. Что его состояние находится под контролем.

Я посветила фонариком на руку. Синяки наливались лиловым цветом.

Глава 16

Каждый раз, как я начинала засыпать, я застревала в том странном мире между сном и бодрствованием, где мой мозг просеивал события дня, смешивая и переворачивая их. То я снова в подвале и Дерек хватает меня за руку и швыряет через всю комнату. А то я вдруг просыпаюсь в больнице, и у моей кровати сидит миссис Галбот и сообщает, что я больше не смогу ходить.

Когда в дверь постучали, чтобы разбудить нас, я сунула голову под подушку.

— Хло? — Миссис Талбот открыла дверь. — Тебе сегодня надо одеться, прежде чем спускаться к завтраку.

У меня внутри все сжалось. Может, теперь, когда не было Лизы и Питера, они решили, что нам стоит завтракать всем вместе? Я не могу видеть Дерека. Просто не могу.

— Твоя тетя заедет к восьми часам. Она берет тебя в город на прогулку. Соберись и не опаздывай.

Я отпустила подушку, в которую, оказывается, вцепилась мертвой хваткой, и встала.

— Ты злишься на меня, Хло?

Я перестала гонять омлет по тарелке и подняла голову. Лицо тети Лорен затуманивала тревога. Темные круги под глазами говорили о том, что тетя плохо спит. Я не сразу их заметила под слоем косметики. И только под яркими флуоресцентными лампами ресторана они проступили совершенно отчетливо.

— За что мне злиться? — спросила я.

Она грустно рассмеялась.

— Ну, не знаю. Может, зато, что я уpekла тебя в пансион с чужими людьми, а сама исчезла.

Я положила вилку на стол.

— Ты меня не «уpekала». В школе потребовали, чтобы я отправилась в пансион, а пансион потребовал, чтобы ты и папа не вмешивались, пока я не обживусь там. Я же не маленькая. Я понимаю, что происходит.

Она выдохнула. Даже в шумном ресторане это было отчетливо слышно.

— У меня проблема, — продолжила я. — И мне надо научиться справляться с ней. И в этом ни ты, ни папа не виноваты.

Она подалась вперед.

— И ты тоже не виновата. Ты ведь это понимаешь, правда? Это болезненное состояние. И не ты вызвала его.

— Знаю. — Я отломил кусочек тоста.

— Ты очень зрело воспринимаешь все это, Хло. Я горжусь тобой.

Я кивнула, продолжая общипывать тост. На зубах похрустывали зернышки от малинового джема.

— Кстати, у меня для тебя есть кое-что. — Она открыла сумочку и достала оттуда мешочек. В нем была моя рубиновая подвеска. — Мне позвонили из пансиона и сказали, что ты ее потеряла. Твой отец забыл забрать ее из больницы, когда вы уезжали.

Я взяла мешочек, пощупала знакомую подвеску сквозь полиэтилен и вернула обратно.

— Тебе придется сохранить его для меня. Нам в пансионе нельзя носить украшения.

— Не волнуйся. Я уже переговорила с вашими медсестрами. Я сказала, как это важно для тебя, и они согласились, чтобы ты носила ее.

— Спасибо.

— Но только носи ее обязательно. Не хотелось бы, чтобы она снова потерялась.

Я вынула подвеску из мешочка и надела ее. Знаю, это всего лишь глупые предрассудки, но мне как-то сразу стало легче. Спокойнее, что ли? Это было напоминание о маме. Эту вещицу я носила столько лет, что без нее чувствовала себя немного странно.

— Поверить не могу, что твой отец забыл ее в больнице, — покачала головой тетя Лорен. — Бог знает, когда бы он вспомнил о ней, ведь он опять улетел.

Да, папа уехал. Он позвонил мне на сотовый тети Лорен и объяснил, что вечером ему пришлось срочно вылететь по делам в Шанхай. Тетя злилась на него, но я не понимала, какая разница, если я все равно живу в пансионе. Он уже договорился взять месяц отпуска, когда я выйду, а для меня это гораздо важнее.

Тетя рассказала, что запланировала «девичью вылазку в Нью-Йорк», когда меня отпустят. У меня не хватило духу сказать ей, что я бы предпочла просто поехать домой, повидаться с папой, пообщаться с друзьями. Возврат к нормальной жизни был бы для меня лучшим праздником по случаю выхода из Лайла.

К нормальной жизни...

Я подумала о призраках. Будет ли когда-нибудь моя жизнь снова нормальной? Буду ли я снова нормальной?

Я мельком глянула на окружавшие меня лица. Был ли кто-нибудь из них призраком? И как их различить?

Как насчет того парня в рубашке «хеви метал»? Он выглядит, как картинка с кассеты «Я люблю восьмидесятые». Или вон та пожилая женщина с длинными седыми волосами, в крашеной блузке? Или даже вон тот мужчина в костюме, поджидающий у двери? Как я узнаю, что они не призраки, которые только и ждут, чтобы я их заметила? Если только кто-то случайно не пройдет сквозь них.

Я опустила глаза на свой стакан с апельсиновым соком.

Да, отличный план, Хло. Всю свою жизнь больше не смотри никому в глаза.

— Ну и как ты там обживаешься? Поладила с остальными ребятами?

Тетины слова были как пощечина, они напомнили, что у меня есть проблемы похуже, чем призраки.

Она улыбалась, и вопрос ее был скорее шуткой. Само собой, я поладила с другими детьми. Я, может, не самая общительная девочка, но уж точно я не стану гнать волну и устраивать неприятности. Но когда я подняла взгляд, тетина улыбка увяла.

— Хло?

— Ммм?

— У тебя проблемы с другими ребятами?

— Н-н-нет. В-в-все отли... — Зубы у меня клацнули, когда я закрыла рот. Для всех, кто меня знал, мое заикание было отличным показателем стресса. Не стоило говорить, что все отлично, если я даже не могла выдать из себя эту ложь.

— Что случилось? — Тетя Лорен так сжала в руках вилку и нож, словно приготовилась тут же наброситься на того, кто меня чем-то обидел.

— Да это п-п-пустя...

— Не говори мне, что это пустяки. Когда я спросила про других детей, у тебя вид стал такой, словно ты вот-вот в обморок упадешь.

— Это омлет. Я положила слишком много острого соуса. С другими ребятами у меня все нормально. — Тетя Лорен впилась в меня взглядом, и я поняла, что этим не отделаюсь. — Есть там один, да и то это ерунда. Нельзя же ладить абсолютно со всеми.

— Кто это? — Она отмахнулась от официанта, который с кофейником подходил к нашему столику. — И не надо закатывать глазки, Хло. Ты там для того, чтобы хорошенько отдохнуть, и если кто-то причиняет тебе беспокойство...

— Я сама справлюсь.

Она наконец отложила приборы, которые судорожно сжимала, и расправила на столе салфетку.

— Не в этом дело, милая. У тебя сейчас и без того хватает проблем. Скажи мне, кто этот парень, и я сделаю так, что он тебя больше не потревожит...

— Он не...

— Так, значит, это парень. Который из них? Там их трое — нет, уже только двое. Это тот крупный, верно? Я видела его сегодня утром. Я хотела представиться, но он просто прошел мимо. Дарен, Дэмьен...

Я уже хотела поправить, но вовремя остановилась. Тетя Лорен и так хитростью вызнала у меня, что это парень. А мне очень хотелось, чтобы хоть раз в жизни она просто выслушала, может, дала какой-то совет, а не бросалась все за меня улаживать.

— Дерек, — сказала она. — Так его зовут. Когда он проигнорировал меня утром, миссис Талбот пояснила, что он всегда так себя ведет. Грубиян. Я права?

— Он просто... не очень дружелюбен. Но это ничего. Говорю же, нельзя ладить со всеми подряд. А остальные ребята, кажется, нормальные. Одна девушка немного задается, как моя соседка по комнате в летнем лагере. Помнишь ее? Та, которая...

— Что этот Дерек тебе сделал, Хло? — перебила она меня, не купившись на отвлекающий маневр. — Он тебя тронул?

— Н-н-нет, к-к-конечно, н-н-нет.

— Хло! — Голос ее стал жестче. Заикание снова выдало меня. — Такие вещи нельзя скрывать. Если он сделал что-то непристойное, клянусь, я...

— Да нет. Мы разговаривали. И я хотела уйти, а он схватил меня за руку...

— Схватил тебя?

— Ну да, на секунду. И это меня напугало. Я просто слишком остро среагировала.

Тетя подалась вперед.

— Ты не остро среагировала. Если кто-то трогает тебя против воли, ты имеешь полное право возражать и жаловаться...

И так продолжалось в течение всего завтрака. Она прочла мне лекцию о «неуместных прикосновениях», словно мне было пять лет. Не знаю даже, отчего тетя Лорен так расстроилась? Я ведь даже не показала ей свои синяки. Но чем больше я спорила, тем больше она злилась, так что в конце концов я подумала, что дело, может, вовсе и не в том, что какой-то парень схватил меня за руку. Тетя Лорен сердилась на моего отца за то, что он опять уехал, на мою школу — за то, что они заставили отправить меня в этот пансион. А поскольку тетя не могла ничего сделать ни папе, ни школе, она нашла объект, на котором можно было отыгаться, и проблему, которую можно было за меня уладить.

— Пожалуйста, не надо, — попросила я, когда мы уже сидели в машине. — Он ничего такого не сделал. Пожалуйста. Там и так трудно...

— Поэтому я и не хочу, чтобы тебе там было еще труднее, Хло. Я не устраиваю проблемы, я их улаживаю. — Тетя Лорен улыбнулась. — Превентивная медицина.

Она похлопала меня по колену. Я отвернулась к окну. Тогда она вздохнула и заглушила мотор.

— Обещаю, я буду действовать незаметно. Я умею улаживать проблемы такого рода деликатно, потому что жертве меньше всего нужно, чтобы ее еще и обвинили в доносе.

— Я не жер...

— Этот Дерек никогда даже не узнает, кто на него пожаловался. Даже нянечки не узнают, что ты мне что-то рассказала. Я намерена осторожно выдвинуть опасения, основанные на моих собственных профессиональных наблюдениях.

— Просто дай мне несколько дней...

— Нет, Хло, — твердо оборвала она. — Я намерена поговорить с нянечками и, если понадобится, с администрацией. С моей стороны было бы безответственно оставить все как есть.

Я повернулась к ней и открыла рот, чтобы возразить, но ее в машине уже не было.

Когда я вернулась, Тори снова была с нами. Вернулось к ней и ее высокомерие.

Если бы я описывала это в сценарии, я бы не удержалась и использовала бы полное преобразование персонажа. Юная девушка видит, как забирают ее единственную подругу — отчасти из-за неосторожной фразы, оброненной героиней. И когда остальные постояльцы пансиона приходят ей на выручку, помогая поддержкой и сочувствием справиться с депрессией, девушка понимает, что у нее много друзей, и клянется стать добрее и мягче.

Но в реальной жизни люди за одну ночь не меняются.

На первом же уроке Тори объявила мне, что я заняла место Лизы и что не стоит вести себя так, будто Лиза никогда не вернется. На перемене она вышла вместе со мной и Рэ.

— Ну, как твой завтрак с тетушкой? А родителям, я так понимаю, не до тебя?

— Уверена, мама нашла бы время. Но это довольно проблематично, учитывая, что ее давно нет в живых.

Вот так, получи пощечину. Но Тори даже глазом не моргнула.

— Так что ты такого сделала, что уже заслужила увольнительную, Хло? Это награда за то, что ты помогла им избавиться от Лизы?

— Она не... — начала Рэ.

— Можно подумать, ты чем-то лучше, Рэчел. Не могла даже дождаться, пока постель Лизы остынет, — тут же перебралась к своей новой подружке. Ну, так как, Хло? Что там насчет особого обращения?

— Нет никакого особого обращения, — сказала Рэ. — Твоя мама тебя все время забирает в город. В случае с Хло это, наверное, награда за хорошее поведение. А тебе разрешают прогулки только потому, что твоя мама в совете директоров.

В нашем возрасте не очень-то рвутся получить приз за «хорошее поведение». Но ноздри Тори раздулись, лицо перекосилось, как будто Рэ нанесла ей худшее из возможных оскорблений.

— Да-а-а? — выпалила Тори. — Что-то мы не очень-то часто видим тут твоих родителей, Рэчел. Сколько раз они приезжали или звонили с тех пор, как ты сюда попала? Дай-ка посчитаю... ах да, ноль. — Она сложила из пальцев ноль. — И это никак не связано с плохим поведением. Им просто плевать.

Рэ прижала Тори к стене, и та издала оглушительный визг.

— Она обожгла меня! — кричала она, вцепившись в плечо Рэ.

— Я тебя всего лишь толкнула.

Из класса тут же выскочила мисс Ванг, а за ней и Дерек с Симоном, которые задержались на перемене, обсуждая задание.

— Рэ обожгла меня. У нее спички или еще что-то такое. Вы посмотрите, посмотрите! — Она рванула воротник своей футболки.

— Не раздевайся, Тори, — сказал Симон, прикрыв глаза рукой. — Будь любезна!

Дерек издал низкий рык, подозрительно похожий на смех.

Рэ подняла руки.

— Никаких спичек. Никаких зажигалок. Ничего не прячу в рукаве...

— Я вижу небольшой красноватый след, Тори. Это явно от того, что тебя толкнули, — сказала мисс Ванг.

— Она обожгла меня! Я же чувствую! Она снова прячет спички. Общайте ее. Сделайте же что-нибудь!

— А может, для разнообразия, ты помолчишь, Тори? — сказал Симон, протискиваясь мимо нас. — Оставь ее в покое.

Тори набросилась — не на него, а на Рэ — прежде, чем мисс Ванг успела схватить ее. К нам со всех ног спешили нянечки.

Да уж, Тори вернулась.

Глава 17

Весь первый урок я ждала, что мисс Ван Доп или доктор Джил вот-вот зайдут в класс и вызовут Дерека на «совещание». Да, тетя Лорен действительно умела действовать аккуратно. Как только мы с ней вернулись с прогулки, тетя отвела в сторонку мисс Талбот, сказав, что хочет узнать, как продвигается мое лечение. Никто ничего не заподозрил. И никто не ворвался в класс и не утащил Дерека.

Эпизод с Тори был единственным инцидентом за все в целом спокойное утро. Дерек сидел на уроках и не обращал на меня внимания. До обеда он удалился на свой сеанс с доктором Джил. Когда он вышел оттуда, я стояла в холле, дожидаясь возможности воспользоваться ванной комнатой. Там внутри был Симон, как всегда перед обедом. Никогда еще не встречала парня, который бы так щепетильно мылся перед едой.

Я уже подумывала, не сбежать ли мне навверх, в женскую туалетную комнату, когда дверь кабинета доктора Джил открылась и в дверях появилась темная фигура Дерека. Я внутренне подобралась. Дерек шагнул вперед и посмотрел на меня. Мое сердце колотилось так громко, что даже он мог слышать. Я была уверена в этом. Так же, как и в том, что его только что отругали. Наши взгляды встретились. Он кивнул, буркнул что-то вроде «Привет» и хотел уже пройти мимо, но в этот момент открылась дверь ванной.

Вышел Симон, увидел меня и тут же что-то сунул в задний карман брюк.

— Ой, кажется, я опять слишком надолго занял ванную и создал целую очередь.

— Нет, тут только Хло, — сказал Дерек, придерживая для меня дверь. Он вовсе не казался расстроенным или злым. Был даже приветливее обычного. Должно быть, тетюшка провернула все очень деликатно. Мне можно было не беспокоиться.

Я вошла в ванную, но услышала, как Симон сказал Дереку:

— Эй, столовая у нас в той стороне.

— Начинай без меня. Мне надо кое-что взять в комнате.

Небольшая пауза и потом:

— Подожди. — И, судя по шагам, Симон пошел вслед за Дерекком.

Была моя очередь выносить мусор. Жизненный опыт, твердила я про себя, катя тележку к небольшому навесу и отгоняя назойливых мух, так и лезших взглянуть на содержимое бачка поближе. Все это и есть жизненный опыт. Вдруг придется описывать сцену, в которой главный герой выносит мусор?

Мой смех прокатился по двору. Солнышко припекало, деревья и цветы распускались, а слабый аромат свежесостриженной травы почти перебивал вонь от гниющей помойки.

Очень хорошее продолжение дня. Лучше, чем я ожидала...

И тут я остановилась, как вкопанная. В соседнем дворе был призрак. Маленькая девочка.

Это мог быть только призрак. Девочка играла на улице одна. Одета она была в вычурное платьишко — прямо-таки свадебный торт из кружев и ленточек. В волнистые локоны тоже вплетены ленточки, а на лакированных кожаных туфельках нашиты рюши. Прямо портрет Ширли Темпл со старой киноафиши.

Я перекидала мешки с мусором в контейнер, где до них не добраться енотам и скунсам. Мешки с гулким стуком упали на деревянный настил, но девочка, игравшая всего в каких-то десяти метрах от контейнера, даже не подняла голову. Я заперла мусорный ящик, подошла к забору и присела на корточки, чтобы быть с девочкой на одном уровне.

— Привет, — сказала я.

Она нахмурилась, словно не понимая, с кем это я разговариваю.

Я улыбнулась.

— Да, я тебя вижу. Красивое у тебя платье. У меня тоже такое было, когда мне было примерно столько же лет.

Она еще разок неуверенно оглянулась, а потом подошла поближе.

— Мне его мама купила.

— И мне платье мама покупала. Тебе нравится?

Она кивнула, и улыбка озарила ее темные глаза.

— Да уж наверняка нравится. Мне мое тоже нравилось. А ты?..

— Аманда!

Девочка отпрыгнула, хлопнувись на попу, и заплакала. Женщина в узких брюках и кожаной куртке рванула к ней. Дверь черного хода захлопнулась.

— Ох, Аманда, ты все красивое платье перепачкала. Придется мне переносить встречу с фотографом. — Женщина метнула в мою сторону сердитый взгляд, подхватила девочку и понесла ее домой. — Я же велела тебе не подходить к этому забору, Аманда. И никогда не

заговаривать с детьми с той стороны. Никогда, ты меня слышишь?

Не разговаривать с сумасшедшими детьми. Мне хотелось крикнуть, что мы никакие не сумасшедшие. Я просто по ошибке приняла ее дочурку за призрака, вот и все.

Интересно, есть ли какие-нибудь книги на эту тему? Например, «Пятьдесят способов отличить живых от мертвых, пока не загремишь в мягкую комнату». Уверена, в библиотеке есть что-то подобное.

Не могу же я быть единственным человеком на свете, который видит призраков. Может, я это унаследовала, как свои голубые глаза? Или подхватила, как вирус?

Должны быть и другие люди, которые видят призраков. Как их найти? Смогу ли я вообще найти их? И стоит ли искать?

Гулкие шаги подсказали мне, что кто-то приближается. Кто-то живой. Этот урок я уже усвоила: призраки могут кричать, плакать, говорить, но при движении они не производят ни звука.

Я по-прежнему стояла позади контейнера с мусором, скрытая от посторонних взглядов. Как в подвале. Только тут никто не услышит, если я буду звать на помощь.

Я кинулась вперед ровно в тот момент, когда тень обогнула контейнер. Симон.

Он направлялся ко мне. Лицо его потемнело от гнева. Я застыла, но не отступила ни на шаг.

— Что ты сказала? — Слова его прозвучали медленно и отчетливо, словно он изо всех сил старался сдержать себя.

— Я?

— Да, нянечкам. Про моего брата. Ты его в чем-то обвинила.

— Ничего я нянечкам не говорила...

— Ну, значит, твоя тетя. — Он барабанил пальцами по краю контейнера. — Ты же понимаешь, о чем я говорю. Ты сказала тете, она — нянечкам, потом доктор Джил провела с ним беседу, в которой предупредила, чтобы он не доставал тебя. А если он будет к тебе лезть, то его отошлют отсюда.

— Ч-что?

— Одно твое слово, и его уберут. Переведут. — Жилка у него на шее бешено пульсировала. — С ним все было отлично с тех пор, как он попал сюда. И тут вдруг ни с того ни с сего, после единственного инцидента с тобой его берут на карандаш. Если он хотя бы посмотрит на тебя не так, его переведут.

— Я-я-я-я...

— Между вами вчера вечером что-то произошло, ведь так? Дерек вернулся в комнату сам не свой. Сказал, что поговорил с тобой и все испортил. Это все, что он мне сказал.

Я подумала, не сказать ли правду — что я и не думала жаловаться на Дерека. Что я была молчаливой за завтраком, и моя тетя сама поняла, что я чем-то расстроена. Но тогда могло

показаться, что я специально сидела мрачная, чтобы из меня все вытянули.

И меня разозлила позиция Симона. Он практически обвинял меня в том, что я все сочиняю и несправедливо обвиняю его бедного, неправильно понятого брата.

— В ресторане было жарко, — сказала я. — И я закатала рукава.

— Что?

Я засучила левый рукав, продемонстрировав ему четыре синяка, темных, как чернила. Симон побледнел.

— Моя тетя пожелала знать, что случилось. Я отказалась отвечать, но она хитростью заставила меня признать, что тут замешан парень. Утром она видела Дерека, и он с ней не поздоровался. Вот она и решила, что это, скорее всего, он. Я ничего не подтверждала. Так что, если у него проблемы, то это не моя вина. У меня было полное право пожаловаться, но я этого не делала.

— Ладно, ладно. — Он задумчиво потер губы, все еще глядя на мою руку. — Значит, он схватил тебя за руку? Выглядит именно так. Правильно? Просто схватил чуть сильнее, чем рассчитывал.

— Он швырнул меня через всю комнату.

У Симона от удивления аж глаза на лоб полезли. Он, правда, попытался это скрыть.

— Но он не нарочно это сделал. Если бы ты видела, как он перепугался вчера, ты бы сама убедилась.

— И что, это сразу все меняет? То есть если я разозлюсь и залеплю тебе пощечину, то это будет нормально, потому что я ведь не хотела, не планировала этого делать?

— Ты не понимаешь. Он просто...

— Она права. — Голос донесся до нас раньше, чем из-за угла появился Дерек.

Я невольно отпрянула. При этом в глазах у Дерека промелькнуло что-то странное. Раскаяние? Вина? Но он моргнул и принял свой обычный невозмутимо-безразличный вид. Он остановился за плечом Симона, в полутора метрах от меня.

— Я хотел поговорить с тобой вчера вечером. Когда ты решила уйти, я потянул тебя назад и... — Он замолчал, отведя глаза.

— И швырнул меня через всю комнату.

— Я не... Да, ты права. Не отрицаю. Никаких оправданий. Симон, пойдём.

Симон покачал головой.

— Она не понимает. Видишь ли, Хло, Дерек тут не виноват. Он очень сильный, а...

— А на тебе не было твоего криптонитового ожерелья. — Дерек кривовато усмехнулся. — Да, я очень большой. Я быстро вырос. И, может, я еще не до конца знаю свою силу.

— Это не... — попытался возразить Симон.

— Не оправдание, верно. Ты хочешь, чтобы я держался от тебя подальше? Будет сделано.

— Дерек, скажи ей...

— Да брось ты уже. Ей это не интересно. Она ясно дала это понять. А теперь пойдем, пока никто не увидел меня рядом с ней и снова не устроил взбучку.

— Хло! — разнесся по двору голос миссис Талбот.

— Очень вовремя, — пробормотал Дерек. — Прямо экстрасенс.

— Сейчас иду, — крикнула я в ответ и немного подвинулась, чтобы она меня увидела.

— Давай, топай, — сказал Дерек, когда дверь захлопнулась. — Ты же не хочешь опоздать на прием лекарств?

Я сердито зыркнула на него и направилась к двери. Симон пробормотал что-то себе под нос, словно бы обращаясь к Дереку.

У меня на пути взвился дымок. Я попятилась. Он висел над землей, как клочок тумана.

— Симон! — прошипел Дерек.

Я обернулась и, ткнув в облачко тумана, спросила:

— Что это?

— Что именно? — Дерек проследил за моим пальцем. — Ах, это! Должно быть, призрак. Нет, погоди-ка, ты же не видишь призраков. У тебя просто галлюцинации. Значит, это галлюцинация.

— Это не...

— Это все пустяки, Хло. — Он сунул руки в карманы. — Всего лишь игра твоего воображения, как и все остальное. А теперь беги, принимай таблетки и будь хорошей девочкой. Не беспокойся, отныне я буду держаться от тебя подальше. Похоже, я сделал ошибку. Большую ошибку.

Он хотел сказать, что ошибся во мне. Что я оказалась недостойна его внимания. Кулаки у меня сжались.

— Осторожно, Хло. Ты же не собираешься ударить меня? А то мне придется пожаловаться на тебя.

Симон выступил вперед.

— Прекрати, Дерек. Она не жаловалась...

— Он и сам это знает, — перебила его я, глядя при этом прямо в глаза Дереку. — Он просто берет меня на понт. Он болван и задира. И секреты, которыми он меня дразнит, может оставить при себе. Он прав, мне это не интересно.

Я развернулась, подошла к тележке и взялась за ручку.

— Подожди, — крикнул Симон. — Я возьму...

— Она сама справится.

Я оглянулась и увидела, как Дерек положил руку на плечо брата.

Симон стряхнул ее.

— Хло...

Но я уже катила тележку к дому.

Глава 18

Войдя в дом, я чуть не столкнулась с Тори.

— Ты что, так увлеклась мусором?

Я обернулась и сквозь занавески увидела, что Симон все еще стоит у мусорного контейнера. Я могла бы сказать Тори, что Симон помогал мне, или, еще лучше, что Дерек тоже там, пусть присмотрится.

Но потом подумала: какой смысл?

Если, вдобавок ко всем обвинениям, которые я только что выслушала, еще и Тори обвинит меня в том, что я увожу у нее парня, который не считает себя ее парнем, да будет так. У меня просто нет сил переживать еще и из-за этого.

Рэ весь день молчала. Замечание Тори насчет родителей, которые ни разу не навестили, похоже, окончательно придавило Рэчел. Нам разрешили во время перемены подняться наверх и перенести в нашу комнату оставшиеся фотографии.

— Спасибо, что помогаешь мне, — сказала Рэ. — Знаю, это не обязательно объяснять, но если я оставлю там хоть одну, Тори наверняка выбросит.

Я посмотрела на фотографию, лежавшую сверху. На ней была белокурая девочка лет трех и мальчик чуть постарше, похожий на индейца.

— Какие милые. Твои друзья? Или ты с ними нянчилась?

— Нет, это мои братишка и сестренка.

Я наверняка густо покраснела, бормоча извинения.

Рэ рассмеялась.

— Не извиняйся. Я приемная. Моя мама была с Ямайки. Во всяком случае, мне так рассказывали. Она была совсем ребенком, когда родила, поэтому ей пришлось меня отдать. Это... — она ткнула в фотографию белокожего мужчины и женщины на берегу моря, — мои мама и папа. А это... — Рэ показала на фото испанской девушки, гримасничающей перед камерой, — моя сестра Джесс. Ей двенадцать. Это... — Рэ вытащила фотографию рыжеволосого

мальчишки с серьезным лицом, — мой брат Майк. Ему восемь. Очень многонациональная семья, как видишь.

— Пятеро детей? Ого!

— Я и Джесс — приемные. Мама любит детей. — Рэ помолчала. — Во всяком случае, теоретически.

Она взяла у меня из рук стопку фотографий и положила их на свой столик.

Отодвигая в сторону игровую приставку, Рэ погладила пальцами поцарапанный пластик.

— Знаешь, как бывает у детей, когда они получают в подарок новую электронную игрушку? Несколько недель или даже месяцев это для них самая лучшая, самая крутая и самая интересная вещь, какая только может быть. Они говорят только о ней, везде носят с собой. А потом в один прекрасный день их начинает волновать новый гаджет. При этом со старым ничего плохого не случилось, просто он уже не новый, а значит, не крутой. Вот так и с моей мамой. — Она отвернулась и отошла к кровати. — Только в ее случае это не гаджеты, а дети.

— О.

— Пока они маленькие, они самые прекрасные. Но когда они вырастут, все меняется. — Рэ присела на кровать и покачала головой. — Да, возможно, я слишком сурово сужу ее. Знаешь ведь, как бывает. Пока ты маленький, твоя мама — просто идеал, она не может сделать ничего плохого, но когда ты становишься старше... — Рэ замолчала и покраснела. — Хотя нет, откуда тебе это знать. Прости.

— Да ничего. — Я тоже присела на кровать.

— Твой папа больше не женился?

Я потрясла головой.

— Тогда кто присматривает за тобой?

Пока мы спускались вниз, на занятия, я рассказала Рэ о тете Лорен и бесконечной череде домработниц. Рэ весело смеялась над моими комментариями, забыв обо всех своих огорчениях... по крайней мере, на время.

После обеда на сеансе с доктором Джил я устроила представление, достойное «Оскара». Мол, я раньше думала, что вижу призраков. Но теперь, узнав диагноз, который она мне вынесла, и начав принимать препараты, я поняла, что это были галлюцинации. Что я шизофреник, и мне нужна помощь.

Доктор Джил полностью купилась.

Теперь мне оставалось только с недельку-другую придерживаться этой версии, и я свободна.

* * *

После занятий мы с Рэ вместе делали уроки в медиакомнате. Симон пару раз прошел мимо нашей двери, и я подумала, что он, наверное, хочет поговорить со мной. Но когда я выглянула за дверь, он уже исчез.

Делая задания, я все время думала о том клочке тумана во дворе. Если бы Дерек не увидел его, я бы подумала, что это опять призрак.

Почему он шикнул на Симона? Может, Симон каким-то образом вызывал мои «галлюцинации»? Может, это просто спецэффект какой-то?

Конечно, тогда это объясняет и тех призраков, которых я видела в школе, — это просто голографические проекции, подстроенные парнем, которого я раньше никогда не видела. Точно. Отличная версия.

Но что-то все равно происходит.

Или, во всяком случае, Дерек пытается заставить меня поверить в это.

Отказавшись что-либо объяснить и устроив из этого целое шоу, Дерек добился ровно того, чем я сейчас и занималась — ломала голову над тем, что же он скрывает от меня. Он хотел, чтобы я пришла к нему и попросила все рассказать, а он бы тогда смог еще больше помучить и подразнить меня.

Создать тех призраков в школе ни Симон, ни Дерек точно не могли, а вот устроить фокус с туманом во дворе — дело нехитрое. Может, это сделал Дерек? Именно поэтому Симон пытался возразить, а Дерек заткнул ему рот.

Бойтся ли Симон своего брата? Симон делает вид, что всячески опекает Дерека, и вообще ведет себя, как его лучший приятель. Но разве у него есть выбор? Ему никак не отвязаться от Дерека, пока не вернется их отец.

А где их отец?

Почему он записал Симона и Дерека в школу под вымышленными именами?

Почему вообще Симон оказался здесь, если на него даже личного дела нет?

Слишком много вопросов. И пора бы уже начать находить ответы.

Мы убрали со стола после ужина, когда в столовую вошла миссис Талбот в сопровождении мужчины. Она представила его как доктора Давыдова, члена совета попечителей, управлявших Лайлом. У доктора был тонкий венчик волос вокруг лысины и длинный острый нос. Да и сам он был такой высокий, что казалось, он все время наклоняется, чтобы лучше слышать. Все это делало доктора похожим на стервятника — голова наклонена вниз, и из-под очков поблескивают глазки-пуговицы.

— А это, должно быть, маленькая Хло Сандерс. — Он лучился фальшивой сердечностью, свойственной мужчинам средних лет, не имеющим собственных детей. Им, похоже, даже в голову не приходит, что пятнадцатилетней девушке может не понравиться то, что ее называют «маленькой» Хло Сандерс. Доктор неловко похлопал меня по спине. — Мне нравится твоя прическа, Хло. Эти красные пряди — очень клево.

Он сказал «клево» так, как я произношу какое-нибудь испанское слово, в произношении которого не очень уверена. Рэ, стоя у него за спиной, закатила глаза. Потом вышла вперед.

— Здравсьте, доктор Ди.

— Рэчел. Ой, прости, Рэ, так? Надеюсь, ты себя хорошо ведешь?

Она выдала ослепительную улыбку, отрететированную специально для взрослых.

— Как всегда, доктор Ди.

— Вот умничка. Хло, доктор Джил сказала мне, что у тебя сегодня случился серьезный прорыв вперед. Она очень довольна, что ты так быстро включилась в терапию и приняла свой диагноз.

Я постаралась не поморщиться. Он просто пытался быть милым. Но мне вовсе не хотелось, чтобы меня публично поздравляли с тем, что я — хороший пациент. Дерек аж бросил есть, чтобы послушать.

«А теперь беги, принимай свои лекарства и будь хорошей девочкой».

Доктор Давыдов продолжил:

— Обычно я не встречаюсь с нашими юными постояльцами, пока они не пробудут тут хотя бы неделю. Но поскольку ты так быстро продвигаешься вперед, Хло, я не хочу слишком тянуть. Уверен, тебе не терпится как можно скорее снова оказаться среди своих друзей и вернуться в свою школу.

— Да, сэр. — Я скопировала ослепительную улыбку Рэ, не обращая внимания на тяжелый взгляд Дерек.

— Ну, тогда пойдём, побеседуем в кабинете доктора Джил.

Он положил мне руку на плечо и подтолкнул вперед.

Тори заступила нам дорогу.

— Здравствуйте, доктор Давыдов. Это новое лекарство, которые вы мне прописали, отлично действует. Я себя прекрасно чувствую.

— Это хорошо, Виктория.

Он рассеянно потрепал ее по руке и вывел меня из столовой.

* * *

Беседа, в общем-то, очень напоминала первый сеанс с доктором Джил — мы говорили о моей жизни. Кто такая Хло Сандерс? Что с ней случилось? Что она думает по этому поводу?

Уверена, он мог бы почерпнуть все эти сведения из записей доктора Джил, она как раз сегодня задержалась на работе, но все было как в кино про полицейских, где детектив допрашивает подозреваемого самолично, задавая те же самые вопросы, что и предыдущий следователь. Здесь важны не мои ответы, а то, как я говорю. Какой будет моя эмоциональная реакция? Какие еще детали я добавлю в этот раз? Что я упустила?

Несмотря на всю свою деланную сердечность, доктор Давыдов все же был руководителем доктора Джил и приехал сюда за тем, чтобы проконтролировать ее работу.

Доктор Джил сидела напряженная и зажатая, наклонившись вперед и пристально глядя на меня. Она ловила каждое слово, каждый жест, как студент, боящийся пропустить ключевую

подсказку на экзамене. Доктор Давыдов не торопился — сходил за чашечкой кофе для себя и стаканом сока для меня. Удобно развалился в кресле доктора Джил и какое-то время беззаботно болтал со мной, прежде чем перешел собственно к делу.

Когда он спросил, видела ли я призраков с тех пор, как попала сюда, я ответила, что на второе утро видела оторванную руку и в тот же день слышала голос. Про вчерашний день я ничего говорить не стала, а вот про сегодняшний честно ответила, что все было отлично.

Сеанс прошел без сучка без задоринки. В конце доктор сказал, что дела идут «отлично, просто отлично», потрепал меня по спине и выпроводил из кабинета.

* * *

Проходя мимо медиакомнаты, я заглянула в открытую дверь. За компьютером, спиной ко мне сидел Дерек. Он играл во что-то типа военной стратегии. Симон тоже играл, но со своим карманным «Нинтендо», развалившись в соседнем кресле и свесив ноги через подлокотник.

Он заметил меня, тут же сел нормально и открыл рот — видимо, чтобы окликнуть меня.

— Если ты на кухню, то прихвати для меня колу, — сказал Дерек, не отрываясь от монитора. — Ты знаешь, где ее прячут.

Симон медлил. Мы смотрели друг на друга. Брат давал ему отличный повод выйти и поговорить со мной, но Симон все равно колебался, словно чувствуя подвох. Дерек никак не мог знать, что я здесь, у него за спиной. И все же Симон не вышел.

— Хочешь колу, сходи сам.

— Я просто попросил прихватить, если ты пойдешь на кухню.

— Я не иду туда.

— Ну так и скажи. Что с тобой сегодня такое?

Я прошла дальше по коридору.

Рэ я нашла в столовой. Он сидела, обложившись учебниками.

— У тебя ведь есть игровая консоль? — спросила я.

— Да, но на ней загружена всего одна игрушка. Хочешь поиграть?

— Да, если можно.

— Она у меня на столике.

Я снова прошла мимо двери в медиакомнату. Парни все еще были там. Такое ощущение, что они даже не шевельнулись с тех пор, как я их видела в последний раз. И снова Симон поднял голову. Я помахала приставкой, позаимствованной у Рэ. Симон расплылся в улыбке и украдкой показал мне большой палец.

Так, теперь надо найти место в пределах досягаемости... У меня дома была такая приставка, и я знала, что могу выйти на связь с другим игроком в пределах пятнадцати-двадцати метров.

Медиакомната была зажата между классом для занятий и холлом. И там, и там болтаться просто так запрещено. Зато она располагалась прямо под ванной. Я пошла наверх, запустила чат.

Получилось.

Я взяла стилос и набрала: «Хочешь поговорить?»

Он поставил галочку, потом прислал «Д» и картинку, которая, как я догадалась через минуту, означала глаз. Да. Он хотел поговорить, но Дерек не спускал с него глаз.

Я не успела ответить, как Симон прислал еще одно сообщение. «Д8?» и коробка с мылом в окружении пузырей. Через некоторое время мне удалось расшифровать это так: «Дерек принимает душ около восьми».

Он стер сообщение и написал «8» и слово «двор». Встречаемся во дворе в восемь.

Я в ответ послала галочку.

Глава 19

В 7.50 я помогала Рэ разгружать посудомоечную машину. Я слышала, как в холле Симон спрашивал разрешения выйти во двор, побросать мяч в корзину, пока Дерек моется. Миссис Талбот предупредила его, что уже поздно, темнеет, и что долго гулять нельзя, но все же отключила сигнализацию и выпустила Симона во двор. Закончив с посудой, я сказала Рэ, что присоединюсь к ней попозже, и выскользнула во двор вслед за Симоном.

Миссис Талбот была права, уже смеркалось. Внутренний двор окружали высокие раскидистые деревья, еще больше нагонявшие тени. Баскетбольное кольцо находилось на асфальтированной площадке за пределами досягаемости фонаря с заднего крыльца. Я видела только белое пятно рубашки Симона да слышала глухое буцк-буцк-буцк мяча. Я обогнула периметр.

Симон меня не видел, продолжал с серьезным выражением вести мяч, не отрывая от него глаз.

Держась в тени, я подошла поближе и подождала, пока он заметит меня. Симон наконец увидел меня, дернулся, словно испугавшись, но потом махнул рукой, чтобы я прошла за ним в еще более темный угол площадки.

— Все в порядке? — спросила я. — Ты казался немного... занятым.

— Просто размышлял. — Он обшарил взглядом линию изгороди. — Не терпится выбраться отсюда. Наверное, как и всем остальным, но...

— Рэ сказала, вы тут уже довольно долго.

— Можно и так сказать.

У него в глазах промелькнула тень, словно он сканировал свое будущее и не видел никаких признаков освобождения. Мне, по крайней мере, было куда возвращаться. А они жили в детском доме. Куда им отсюда возвращаться?

Симон сильно ударил мячом об пол и улыбнулся.

— Похоже, я зря трачу наше время, а? У меня осталось минут десять, потом Дерек меня найдет. Прежде всего, я бы хотел извиниться.

— За что? Ты ничего не сделал.

— За Дерек.

— Он твой брат, но ты не несешь за него ответственности. Ты же не контролируешь, что он делает. — Я кивнула в сторону дома. — А почему ты не хотел, чтобы он видел, как мы разговариваем? Он рассердится?

— Его это точно не порадует, но... — Симон уловил мое выражение лица и рассмеялся. — Ты хочешь спросить, не побьет ли он меня за это? Ни в коем случае. Дерек вообще не такой. Если он злится, он начинает относиться ко мне, как ко всем остальным, — игнорирует меня. Не смертельно, конечно, но мне все равно не хочется злить его, если можно обойтись без этого. Просто... — Симон снова начал стучать мячом, сосредоточенно глядя на него. Потом поймал мяч и сжал в руках. — Он уже и так злится, что я стал защищать его — он этого терпеть не может, а теперь, если еще узнает, что я разговариваю с тобой и объясняю то, что он не желает объяснять... — Симон повертел мяч в руках. — Видишь ли, Дерек вообще не очень умеет общаться с людьми.

Я постаралась не выдать своего изумления.

— Когда он решил, что ты и в самом деле видишь призраков, мне надо было сказать ему: «Конечно, братишка, дай мне поговорить с ней». Я бы все обставил... иначе. Дерек не знает, когда следует отступить. Для него все просто, как дважды два. Если ты не можешь догадаться сам и не слушаешь, когда он подсказывает ответ, он начинает отвешивать пощечины, пока ты не очнешься.

— Убегать с криками о помощи тоже бесполезно.

Симон рассмеялся.

— Да ладно, если бы Дерек так допекал меня, я бы тоже начал кричать. И ты сегодня никуда не убежала. Ты дала ему отпор, а он, поверь мне, к этому не привык. — Он улыбнулся. — Молодец. Так и продолжай. Не позволяй ему доставать себя.

Он сделал бросок. На этот раз мяч грациозно скользнул в корзину.

— Так, значит, Дерек считает меня... некромантом?

— Ты же видишь призраков? Мертвец разговаривал с тобой, преследовал тебя и просил помочь ему?

— Откуда ты... — Я остановилась. Сердце бешено колотилось, а дышать стало тяжело. Я же только что убедила доктора Джил, что полностью приняла свой диагноз. И как бы мне ни хотелось поверить Симону, я просто не решалась на это.

— Откуда я знаю? Да призраки всегда так поступают с некромантами. Ты — единственная, кто может его услышать, а им всегда есть что сказать. Именно поэтому они и болтаются здесь — в лимбо, или как там это называется. — Симон пожал плечами и снова бросил мяч. — Я вообще-то не очень разбираюсь в подробностях. Никогда раньше не встречал некроманта. Знаю только то, что мне рассказывали.

Я вдохнула и выдохнула, прежде чем сказать как можно небрежнее:

— Ну что ж, логично. Наверное, именно так призраки ведут себя с людьми, которые считают, что могут разговаривать с мертвыми. Медиумы, спиритуалисты, как угодно.

Симон покачал головой.

— Нет, медиумы и спиритуалисты — это люди, которые думают, что могут общаться с мертвыми. А некроманты не думают, они могут. Это переходит по наследству. — Он улыбнулся. — Как светлые волосы. Ты можешь закрасить их красным, но под краской-то они все равно остаются светлыми. Ты можешь пытаться игнорировать призраков, но они все равно будут тебе являться. Они знают, что ты их видишь.

— Я не понимаю.

Он подбросил мяч и поймал его раскрытой ладонью. Потом пробормотал что-то. Я только собралась сказать ему, что не слышу, но в этот момент мяч поднялся. Взлетел над его рукой.

— Да, я знаю, это такой же бесполезный трюк, как тот клочок тумана, — сказал он, сосредоточенно глядя на мяч, словно концентрируясь. — Вот если бы я мог поднять его больше, чем на пару сантиметров, да еще заставить влететь в корзину, вот это был бы фокус. Но я не Гарри Поттер, и настоящая магия работает не так.

— А это... магия? — спросила я.

Мяч упал на его ладонь.

— Ты мне не веришь, да?

— Нет, я...

Он перебил меня, рассмеявшись.

— Ты думаешь, что это какой-то трюк или спецэффект. Ну ладно, киношница, иди сюда и проверь меня.

— Я...

— Иди сюда. — Он махнул рукой себе за спину. — Проверь, нет ли там ниточек.

Я осторожно приблизилась. Он снова произнес какие-то слова, на этот раз громче. Не по-английски.

Мяч не шевельнулся, и Симон чертыхнулся.

— Я же говорил, что я не Гарри Поттер. Попробуем еще раз.

Он повторил слова медленнее. Мяч приподнялся на несколько сантиметров.

— А теперь смотри, есть ли там веревочки, ниточки или что там еще может его держать.

Я колебалась, но Симон продолжал дразнить меня, пока я наконец не решила подойти поближе и сунуть палец между его ладонью и мячом. Не встретив никакого препятствия, я засунула всю ладонь и пошевелила пальцами. Кулак Симона сжался, поймав меня в ловушку, и

я вскрикнула. Мяч бухнулся на землю.

— Извини, — сказал Симон, улыбаясь и все еще удерживая мою руку. — Не мог удержаться.

— Ну да, я такая пугливая. Твой брат, наверное, уже рассказал. Так как ты... — Я покосилась на мяч, лежавший в траве. — Да уж!

Улыбка Симона стала еще шире.

— Теперь ты мне веришь?

Я смотрела на мяч и пыталась найти логичное объяснение. Но в голову ничего не приходило.

— Можешь научить меня? — спросила я наконец.

— Нет. Ты же не можешь научить меня видеть призраков. Это или есть в тебе, или...

— Играешь в баскетбол, Симон? — раздался неподалеку голос. — Надо было позвать меня. Ты же знаешь, я всегда не против побыть...

Тори остановилась, как вкопанная, заметив наконец меня. Ее взгляд переместился на мою руку, все еще лежавшую в руке Симона.

— ...наедине, — закончила Тори.

Симон отдернул руку. Тори продолжала смотреть на нас.

— Привет, Тори, — отозвался Симон и подобрал мяч. — Что случилось?

— Я увидела, что ты играешь, и подумала, может, тебе нужен напарник? — Ее взгляд переместился на меня, но лицо при этом осталось непроницаемым. — Но, похоже, я ошиблась.

— Мне пора домой, — сказала я. — Спасибо за подсказки, Симон.

— Нет, подожди. — Симон шагнул за мной, но потом глянул на Тори. — Ах, да. Присоединяйся. Правда, уже стемнело. Наверное, пора возвращаться...

И он тоже заспешил в дом.

Я лежала в кровати, снова не в силах заснуть. На этот раз, правда, спать мне не давали не кошмары, а мысли, роившиеся в голове, — такие тяжелые и настойчивые, что уже к полуночи я всерьез подумывала, не сходить ли на кухню за упаковкой тайленола, который заприметила там раньше.

Я — некромант.

Когда вещи называют наконец своими именами, по идее, должно становиться легче. Но в данном случае это ничуть не лучше, чем получить ярлык шизофреника. Шизофрения, по крайней мере, общепризнанное и понятное состояние. Я могла обсуждать его с другими людьми, получать медицинскую помощь, принимать лекарства и избавляться от симптомов.

Те же самые лекарства могли замаскировать признаки некроманта, но, как сказал Симон, это все равно что красить волосы — по сути, я останусь такой же, и моя истинная природа будет

только ждать того момента, когда закончится действие лекарств.

Некромантия.

Откуда она у меня? От мамы? Если так, то почему тетя Лорен об этом не знает? От папы? Может, у него просто не хватило смелости рассказать мне об этом еще там, в больнице, и именно поэтому он чувствовал себя таким виноватым, так хотел, чтобы мне было комфортно? А может, ни мои родители, ни тетя Лорен вообще не в курсе всего этого? Может, это всего лишь рецессивный ген, который дремал многие поколения?

Симону повезло. Наверное, его папа рассказал ему о магии и научил пользоваться ею. Повезло? Моя зависть тут же улетучилась. Да он же застрял в этом пансионе. И здесь его магия была совершенно бесполезной.

Магия. Слово пришло так легко, словно я уже приняла его всем сердцем. А я приняла? Надо ли его принять?

Я много дней убеждала себя в том, что не вижу призраков. А тут вдруг раз — и так легко поверила в магию? Надо потребовать больших доказательств. Попробовать найти другие объяснения. Но я уже пыталась сделать это по отношению к себе. А теперь, поняв, что я действительно вижу мертвых, было даже приятно узнать, что я здесь не единственная с такими странными способностями.

А что тогда с Дерекком? Симон сказал, что он неестественно силен. Это тоже от магии? Я испытала эту силу на себе. Я читала личное дело Дерекка и знала, что даже власти терялись в догадках.

Как бы странно это ни прозвучало, но самое логичное объяснение было и самым неестественным. Существуют люди, обладающие силами, о которых рассказывается только в кино и в легендах. И мы — из их числа.

Я чуть не рассмеялась. Слишком уж напоминает детский комикс. Дети со сверхъестественными способностями. Супергерои? Ну да, конечно. Почему-то мне кажется, что способность видеть призраков и приподнимать мячик вряд ли сильно поможет нам спасти мир от вселенского зла.

Если Дерек и Симон оба обладают такими способностями, не потому ли они оказались названными братьями? Что сказал им их отец? Его исчезновение как-то связано с магией? Не потому ли мальчики были записаны в школу под вымышленными именами и все время переезжали? Может, таким, как мы, так и приходится жить? Прятаться?

Вопросы заполнили мою голову и отказывались отступать, не получив ответов... которые я просто не могла получить в два часа ночи. Вопросы бились у меня в голове, как мячик Симона о площадку. Немного спустя, клянусь, я буквально видела эти оранжевые мячи, прыгающие у меня в голове туда-сюда, туда-сюда, пока я наконец не заснула.

Голос прорвался сквозь густую пелену сна, и я подскочила, с трудом приходя в себя.

Я глотнула воздуха и огляделась, напрягая слух и зрение. Все было тихо и неподвижно. Я посмотрела на Рэ — та крепко спала.

Значит, приснилось. Я хотела лечь обратно.

— Проснись. — Шепот донесся из-за полуоткрытой двери. Я легла в кровать, борясь с искушением накрыться одеялом с головой.

«Я думал, ты больше не будешь прятаться. Мы же договорились? Не игнорировать голоса, а получать от них ответы и брать все под контроль».

Так, дышим глубже. Я встала с кровати и тихонько подошла к двери.

В коридоре никого. Слышно только тиканье старинных часов на первом этаже. Когда я повернулась, какая-то белая фигура скользнула за дверь в конце коридора. Я еще раньше заприметила эту дверь и решила, что это кладовка. Что-то всех призраков в этом доме так и тянет к кладовкам.

Я прокралась по коридору и осторожно открыла дверь. Темная лестница вела наверх.

Чердак.

Так-так. Это так же плохо, как подвал, если даже не хуже. И не собираюсь я идти туда за каким-то призраком.

«Отличная отговорка».

Это не...

«Ты просто не хочешь с ними разговаривать. Просто не хочешь. И тебе не хочется знать правду».

Отлично. Мало того, что мне приходится терпеть подначки и придирки Дерекы, так еще и мой внутренний голос стал говорить, совсем как он.

Я глубоко вздохнула и шагнула внутрь.

Глава 20

Я провела рукой по стене в поисках выключателя. Но потом остановилась. Стоит ли это делать? С моим невезением Тори непременно встанет в туалет, заметит, что на чердаке горит свет, пойдет проверять... и там обнаружит меня, беседующую сама с собой.

Я не стала включать свет.

Одной рукой держась за перила, а второй ощупывая стенку, я медленно поднималась в полной темноте.

Правая рука наткнулась на пустоту — перила закончились. Значит, я дошла до самого верха. Сквозь крохотное чердачное окно просачивались бледные лучи луны. Но даже после того, как я дала глазам привыкнуть к темноте, различить можно было лишь смутные очертания.

Я двинулась вперед, выставив перед собой руки. Наткнулась на что-то, откуда поднялись клубы пыли. Я тут же зажала нос, чтобы не чихнуть.

— Девочка...

Я застыла. Это был тот самый призрак из подвала, который настаивал, чтобы я открыла дверь. Я набрала в грудь воздуха. Кем бы он ни был, он не причинит мне вреда. Даже тот сторож в школе, как ни пытался, не мог ничего сделать, только напугал меня.

Здесь вся сила за мной. Я же некромант.

— Кто ты? — спросила я.

— ...в контакт... пробиться...

— Я тебя не понимаю.

— ...заблокировано...

Что-то мешает ему пробиться ко мне? Остаточное действие лекарств у меня в крови?

— ...подвал... попытайся...

— Снова попытаться открыть дверь? Забудь об этом. Больше никаких подвалов. И никаких чердаков. Хочешь поговорить со мной, приходи на мой этаж. Понял?

— ...не могу... заблокировано...

— Да, ты заблокирован. Я думаю, это из-за лекарств, которые я принимала. Но завтра должно стать лучше. Поговори со мной в моей комнате. Когда я буду одна. Хорошо?

Тишина. Я повторила, но никакого ответа не дождалась. Я простояла так минут пять, прежде чем решила попробовать в последний раз. Призрак и на сей раз не ответил, и я развернулась обратно к лестнице.

— Хло?

Я повернулась так резко, что наткнулась на что-то. Голой ногой я оцарапалась о какую-то деревяшку, руками уперлась во что-то мягкое, выбив очередное облако пыли. Я чихнула.

— Будь здорова. — Короткий смешок. — А знаешь, зачем это говорится?

Кровь застучала у меня в ушах — я узнала этот голос. В нескольких шагах от себя я разглядела Лизу. Она была в своей пижаме с Минни-Маус.

— Потому что, когда мы чихаем, наша душа вылетает через нос. И если никто не скажет тебе в этот момент «Будь здорова», дьявол может завладеть ею. — Еще один смешок. — Во всяком случае, так рассказывала мне бабушка. Забавно, правда?

Я открыла рот, но не смогла выдать ни слова.

Лиза огляделась, сморщив нос.

— А это что, чердак? Что мы тут делаем?

— Я-я-я-я...

— Вдохни поглубже — моему братишке это всегда помогает. — Она еще раз огляделась. — Что мы тут делаем? Ах, да, мы же собирались устроить сеанс.

— Сеанс? — Я заколебалась. — Разве ты не помнишь?

— Что? — Лиза нахмурилась. — С тобой все в порядке, Хло?

Нет, конечно, со мной не все в порядке. Я в этом абсолютно уверена.

— Ты... впрочем, неважно. Я... я тут только что с мужчиной разговаривала. Ты его видишь? Он еще здесь?

— Нет. Тут только мы с тобой. — Ее взгляд метнулся в сторону. — Ты видишь призраков?

— П-п-призраков?

— Хло?

Этот голос прозвучал намного резче. Я обернулась и увидела, как ко мне пробирается миссис Талбот. Я снова повернулась к Лизе. Но там уже никого не было.

— Хло, что ты тут делаешь?

— Я-я-я-я... Мне показалось, что я услышала... мышь. Или крысу. Кто-то тут бегал.

— И ты с ней разговаривала? — Из-за двери выступила Тори.

— Н-нет. Я-я-я-я...

— Я уверена, что слышала, как ты сказала «призрак». И ты явно с кем-то разговаривала. Похоже, ты не так уж чудесно излечилась, как ты рассказываешь.

Миссис Талбот принесла мне таблетку снотворного и проследила, чтобы я ее выпила. За все это время она ни слова мне не сказала. Но, слушая ее шаги на лестнице, я не сомневалась, что она много чего расскажет доктору Джил и доктору Давыдову.

Я все испортила.

Слезы жгли мне глаза. Я пыталась удержать их.

— Ты и правда можешь видеть призраков? — шепотом спросила Рэ.

Я не ответила.

— Я слышала, что произошло. Но теперь ты даже мне не признаешься, да?

— Я хочу выбраться отсюда.

— Тоже мне новость! Мы все хотим. — Ее голос стал жестче. — Им врать — это нормально. Но я раньше тебя поняла, что ты видишь призраков. Кто подал тебе идею поискать в Интернете информацию о том человеке, которого ты видела в школе? Ты ведь нашла его? Но мне ты ничего не сказала об этом.

— Это не...

Она отвернулась к стене. Я понимала, что надо что-то сказать, но не знала, что именно.

Я закрыла глаза и снова увидела Лизу, внутри у меня все сжалось.

Действительно ли я ее видела и говорила с ней? Я пыталась найти всему произошедшему какое-то другое объяснение. Она не могла быть призраком, ведь я видела и слышала ее очень отчетливо — совсем не так, как того призрака, который меня туда вызвал. И не может она быть мертвой. Нянечки же пообещали мне, что мы сможем поговорить с ней по телефону.

Когда мы сможем ей позвонить?

Я попыталась встать — меня вдруг обуяло желание выяснить это прямо сейчас. Но я так устала, что не могла мыслить ясно. Я приподнялась на локтях, застыла на некоторое время, а потом снотворное вырубил меня.

Что-то насчет Лизы. Я хотела проверить...

Голова упала на подушку.

Глава 21

На следующее утро, когда меня вызвали на беседу с докторами, я постаралась максимально исправить нанесенный ночью ущерб своей репутации. Я утверждала, что действительно прошла стадию «вижу мертвых» и приняла свое состояние как данность. Но ночью проснулась, услышав голос, призывавший меня на чердак. Я ничего не соображала, была под действием снотворного, и мне просто снилось, что я вижу призраков. На самом деле я, конечно, ничего такого не видела.

Доктор Джил и доктор Давыдов, правда, большой разницы в этом не нашли.

Потом приехала тетя Лорен. Это было как в тот раз, когда меня поймали за тем, что я подсматриваю оценки за контрольную. Мне тогда было одиннадцать, меня на это подстрекали новые одноклассники, и мне так хотелось их поразить. Так вот, вызов в кабинет директора сам по себе был делом неприятным. Но хуже любого наказания — увидеть разочарование на лице тети Лорен.

В этот раз я увидела то же самое разочарование, и оно причинило мне такую же боль.

Короче, в конце концов мне удалось убедить их всех, что у меня случился маленький рецидив. Но это как с мальчиком, который все кричал «Волки, волки!» Когда я в следующий раз скажу им, что мне гораздо лучше, они уже не так быстро поверят. Дорога к быстрому освобождению закрыта.

— На следующей неделе тебе надо будет сдать анализы мочи, — сказала доктор Джил.

— Но это же смешно, — возразила ей тетя Лорен. — Откуда нам знать, может, она действительно видела кошмар и просто бродила во сне? Она же не может контролировать свои сны.

— Сны — это зеркало души, — провозгласила доктор Джил.

— Это вообще-то о глазах, — огрызнулась тетя Лорен.

— Любой мало-мальски сведущий в психологии скажет вам, что то же самое относится и ко

сном. — Голос доктора Джил оставался ровным и спокойным, но по лицу было видно, как ей надоели родители и опекуны, которые постоянно оспаривают ее диагнозы и защищают своих детей. — Если даже Хло всего лишь снилось, что она видит призрака, это означает, что подсознательно она еще не приняла свою болезнь. Нам надо понаблюдать за ней.

— Я-я-я не понимаю, чем мне могут помочь анализы мочи? — спросила я.

— Нам надо убедиться, что ты получаешь нужные дозировки лекарств с учетом твоего веса, уровня активности, приема пищи и других факторов. Тут очень тонкий баланс.

— Вы не верите... — начала тетя Лорен.

Доктор Давыдов откашлялся. Тетя Лорен сжала губы и принялась счищать катышки со своей шерстяной юбки. Она редко когда отступала в спорах, но в руках этих докторов было мое будущее.

Я и так знала, что она собиралась сказать. Анализы мочи нужны были не для проверки дозировки, а чтобы убедиться, что я вообще принимаю их таблетки.

Поскольку я пропустила утренние уроки, меня нагрузили бытовыми поручениями. Я как раз накрывала к обеду, погруженная в свои мысли, когда над ухом вдруг раздался голос:

— Я сзади.

Я резко развернулась и увидела перед собой Дерека.

— Мне не победить, — сказал он. — Ты пуглива, как котенок.

— Думаешь, если ты подкрадываешься сзади, а потом объявляешь, что ты здесь, я испугаюсь меньше?

— Я не подкрадывался...

Он покачал головой, сцапал из хлебницы две булочки, а остальные разложил так, чтобы пропажа была незаметна.

— Я просто хотел сказать, что если вам с Симоном надо поговорить, то необязательно делать это у меня за спиной. Если, конечно, вам так больше нравится...

— Мы всего лишь...

— Я знаю, что вы делали. Симон мне уже все рассказал. Ты хочешь узнать ответы. Я все это время пытался тебе их дать. Тебе надо было всего лишь спросить.

— Но ты сказал...

— Сегодня вечером. В нашей комнате. В восемь. Скажи миссис Талбот, что будешь заниматься со мной математикой.

— Нам нельзя на вашу половину. Думаешь, она позволит мне подняться к вам?

— Просто скажи ей, что это ради математики. Это не вызовет у нее сомнений.

Видимо, потому что у него действительно проблемы с математикой, подумала я.

— И это будет... нормально? Мы с тобой не должны...

— Скажи ей, что Симон будет с нами. Да, и разговаривай с Талбот, а не с Ван Доп.

Глава 22

Мы с Рэ почти не разговаривали весь день. Она не проявляла недоброжелательности, нет. Она совсем не такая. Мы сидели вместе на уроках, она задавала мне вопросы. Но не было той веселой болтовни, смешков и беззаботного трепя. Сегодня мы были одноклассницами, а не подругами.

Перед ужином, когда мы обычно вместе садились за уроки, она собрала свои учебники, ушла в столовую и закрыла дверь.

После ужина я прошла вслед за ней на кухню, неся свои грязные тарелки.

— Сегодня моя очередь стирать, — сказала я. — Ты не покажешь мне, как пользоваться стиральной машинкой? — Я чуть понизила голос. — Мне надо с тобой поговорить.

Она пожала плечами.

— Конечно.

— Прости, что не рассказала тебе, — сказала я, когда она показывала мне всякие рычажки и кнопки на стиральной машинке. — Я... мне очень непросто сейчас.

— Почему? Ты же можешь говорить с мертвыми. Разве это не круто?

Это было совсем не круто, а даже очень жутко. Но мне не хотелось, чтобы она подумала, что я скулю. А может, мне просто не хотелось показаться тряпкой.

Я затолкала в машинку первую партию белья и насыпала порошка.

— Тихо! Тихо! Ты тут весь подвал пеной наполнишь. — Рэ забрала у меня из рук коробку с порошком. — Если ты можешь доказать, что действительно видишь призраков, то почему просто не сказать им об этом?

Совершенно логичный вопрос, но при мысли об этом какой-то глубинный инстинкт кричал во мне: «Не говори! Никогда не говори!»

— Я... я пока не хочу говорить им правду. Не сейчас. Не здесь.

Рэ кивнула и отставила в сторонку коробку с порошком.

— Да уж, Джил — это конторская крыса, и воображения у нее не больше, чем у канцелярской кнопки. Она будет держать тебя тут, пока у тебя не пройдет «вся эта чушь с призраками». Так что лучше побереги свои страшилки до тех времен, когда выберешься отсюда.

Мы молча разбирали корзину с бельем, потом я сказала:

— Но я хотела поговорить с тобой, потому что, понимаешь, здесь на самом деле есть призрак.

Рэ медленно огляделась, намотав футболку на кулак, словно боксер, готовящийся к бою.

— Не прямо сейчас. Я хотела сказать, здесь был призрак. Тот же самый, которого я слышала вчера ночью. — До того как появилась Лиза. Весь день я гнала от себя мысли о Лизе. Если я видела ее, это же не может означать, что она...

Почему я не спросила миссис Талбот, когда можно будет поговорить с Лизой? Я боялась ответа?

— ...он сказал?

Я встряхнулась и повернулась к Рэ.

— А?

— Что этот призрак сказал?

— Я не разобрала. Он все время пропадал. Я думаю, это влияние лекарств. Но он сказал, что мне надо открыть эту дверь.

Я показала на ту самую дверь в подвале. Рэ обернулась так быстро, что у нее аж шея хрустнула.

— Вот эту дверь? — Глаза у Рэ заблестели. — Запертую дверь в подвал?

— Да-да, я знаю, это банально. У-у-у, не ходи в подвал, девочка!

Но Рэ уже направлялась к двери.

Я сказала:

— Я вот подумала, может, мы могли бы с тобой это проверить? Ну, например, попробовать открыть ее?

— Да само собой! Я бы уже давно это сделала. Как можно жить в таком подвешенном состоянии?

— Во-первых, я абсолютно уверена, что там ничего такого нет.

— Тогда почему она заперта?

— Потому что там хранятся вещи, с которыми нам, по мнению персонала, не стоит баловаться. Садовая мебель, например. Или зимнее постельное белье. Елочные украшения.

— Тела детишек, которые никогда не вернуться домой из Лайла...

Она улыбалась, а я вдруг застыла, подумав о Лизе.

— Да ладно, я же шучу. Ты как маленькая.

— Нет, просто я слишком много фильмов смотрела.

— И это тоже. — Рэ прошла к стеллажу и порылась в коробке. — Еще один идиотский замок,

который может открыть любой младенец с кредиткой.

— Не так уж много младенцев имеют кредитные карты.

— Уверена, у Тори она была. Вот для кого построен этот дом. — Она взяла в руки губку, повертела ее и бросила обратно в коробку. — Богатенькие детишки, которые кредиткой пользуются только для того, чтобы купить себе новую пару кроссовок. Поэтому в двери здесь вставляют дешевые замки, зная, что вы подойдете, дернете ручку и, хмыкнув «Заперто», отойдете.

— Это...

Она взглядом остановила меня.

— Несправедливо? Но ведь именно это ты и сделала. — Рэ помахала жестким куском картона — этикеткой, оторванной от новой рубашки. — Не лучший инструмент, конечно, — пробормотала она, просовывая картонку в щель между дверью и косяком, — но он нам... — Рэ подвигала картонкой и чертыхнулась. — А может, и не... — она резко дернула картонку вниз, и я услышала, как та разорвалась пополам, — ...и не поможет.

И снова ругательства, некоторые — очень даже затейливые.

— Там кусочек застрял... Ну-ка, давай я.

Я зацепила кусок картона ногтями. Было бы, конечно, легче, если бы они у меня были. Но когда я очнулась в больнице, ногти у меня были коротко обрезаны. Врачи, похоже, боялись, что я совершу самоубийство, расцарапав себя. Мне все же удалось зацепить картонку, потянуть и... оторвать еще клочок. Остальное застряло там, куда уже никакими, даже самыми длинными ногтями не пролезть.

— У тебя нет такого ощущения, что кое-кому не хочется, чтобы мы туда заходили? — спросила Рэ.

Я попыталась рассмеяться. Но с тех пор, как она сказала «тела детей», у меня во рту все время стоял какой-то горький привкус.

— Нам понадобится ключ, — выпрямляясь, заявила Рэ. — Он может быть в той же связке, что и ключ от сарая, та связка висит на кухне.

— Я ее достану.

Я пробралась на кухню и застала там Дерека, шурующего в корзинке с фруктами. Дверь даже не скрипнула, поэтому он не заметил моего появления. Отличная возможность отыгаться. Я очень медленно и осторожно сделала три шага к нему, не смея дышать...

— Ключ, который тебе нужен, не в той связке, — не глядя на меня, сказал Дерек.

Я застыла. Он выудил из корзины яблоко, откусил его, потом прошел к холодильнику, сунул руку между задней стенкой и стеной и вынул оттуда связку ключей.

— Попробуй вот эти. — Он бросил их мне в ладонь и прошел к двери. — Не знаю, что вы там делаете, но в следующий раз, когда затеете тайно открыть запертую дверь, не кричите об этом на весь дом.

Я принесла ключи в подвал, но не стала говорить Рэ о том, что Дерек в курсе наших планов. А то вдруг она решит все отменить. К тому же ябедничать — не в правилах Дерека. Во всяком случае, я рассчитывала именно на это.

Пока Рэ перебирала ключи, я потерла шею, морщась от подступающей головной боли. Неужели я и впрямь так волнуюсь из-за того, что мы можем найти там, за дверью? Я повела плечами, пытаюсь стряхнуть с себя наваждение.

— Нашла, — прошептала Рэ.

Она распахнула дверь, а там...

Пустая кладовка. Рэ шагнула внутрь. Я — за ней. Мы оказались в таком маленьком помещении, что едва втиснулись туда вдвоем.

— Что ж, — сказала Рэ. — Это довольно странно. Кто-то делает кладовку, ничего туда не кладет, но дверь запирает? Должен быть какой-то подвох. — Она обстучала стены. — Бетон. Покрашенный бетон. Даже оцарапалась. — Она пощупала прилегающую стену. — Не понимаю. А где остальная часть подвала?

Я потерла виски, которые уже стучали от боли.

— Это полуподвал. Моя тетя жила в старом викторианском доме, пока ей не надоело его ремонтировать и она не переехала в квартиру. Она рассказывала, что изначально там вообще не было подвала, просто небольшое пространство под домом. Потом кто-то выкопал помещение для прачечной. И у тети все время были проблемы — подвал часто заливало грунтовыми водами. Может, и из-за грунтовых вод этот пустует и заперт. И никто им не пользуется.

— Ладно, и что твой призрак хотел, чтобы мы тут увидели? Нерационально используемое место?

— Я же говорила тебе, это, скорее всего, ерунда.

Слова прозвучали резче, чем я хотела. Я снова повела плечами и потерла шею.

— Что такое? — Рэ положила руку мне на плечо. — Боже, да ты вся в мурашках.

— Просто холодно.

Но на самом деле я вовсе не замерзла. Я... насторожилась. Как кошка, которая чувствует опасность и поднимает дыбом шерсть.

— Тут есть призрак, да? — оглядываясь, сказала Рэ. — Постарайся вызвать его на разговор.

— Как?

Она покосилась на меня.

— Начни хотя бы с «Привет».

Я так и сделала.

— Еще, — подталкивала меня Рэ. — Продолжай говорить.

— Привет! Есть тут кто-нибудь?

Рэ закатила глаза. Но я не стала обращать на нее внимания. Я и без нее чувствовала себя полной дурой.

— Если здесь кто-нибудь есть, я хочу поговорить с вами.

— Закрой глаза, — посоветовала Рэ. — Сфокусируйся.

Что-то мне подсказывало, что здесь требуется гораздо больше, чем просто «закрой глаза, сфокусируйся и поговори с ними». Но у меня не было других идей, поэтому я решила воспользоваться советом.

— Ничего, — какое-то время спустя сказала я.

Когда я открыла глаза, мимо меня скользнула фигура, да так быстро, что слилась в одно пятно. Я быстро развернулась за ней, но никого уже не было.

— Что? — теребила меня Рэ. — Что ты видела?

Я закрыла глаза и попыталась перемотать пленку назад. И через мгновение все пришло. Я видела мужчину в сером костюме, чисто выбритого, в очках в роговой оправе — как носили в пятидесятых.

Я описала его Рэ.

— Но это была всего лишь короткая вспышка. Все из-за лекарств. Сегодня мне пришлось их принять, а они... похоже, блокируют связь. Я вижу только вспышки.

Я медленно повернулась, прищутив глаза и пытаюсь как можно лучше сконцентрироваться. Я искала хоть малейший признак движения. Поворачиваясь, я задела локтем дверь, и та стукнулась о стену с характерным металлическим звуком.

Я отодвинула Рэ в сторону и заглянула за дверь. Рэ протиснулась вслед за мной, заглядывая мне через плечо.

— Похоже, мы кое-что проглядели? — осклабилась она.

Кладовка была такой тесной, что, когда мы открыли дверь, та закрыла собой левую стенку. Заглянув за дверь, я увидела металлическую лестницу, приделанную к стене. Несколько ступенек вели к маленькой деревянной дверце, выкрашенной в серый цвет, так что та почти сливалась с бетонной стеной. Я поднялась по лесенке. Дверца держалась на одной щеколде. Один хороший толчок, и она распахнулась в темноту.

Оттуда пахло плесенью.

Запах тления и смерти.

Ну да, конечно. Можно подумать, я знаю, как пахнут мертвые. Я всего раз видела мертвое тело — свою маму. И от нее совсем не пахло смертью, пахло мамой. Я отогнала от себя воспоминания.

— Думаю, это какой-то подпол, — сказала я. — Как в доме моей тети. Пойду взгляну.

— Эй! — Рэ потянула меня назад. — Не так быстро. Там, похоже, темно. Слишком темно для человека, который может спать только при свете.

Я провела рукой по полу. Сырая утрамбованная земля. Я пощупала стену.

— Грязный подпол, — сказала я. — И никакого выключателя на стене. Нам понадобится фонарик. Я как раз видела один...

— Я знаю. Теперь я пойду за ним.

Глава 23

Рэ вернулась, широко развела руки и сказала:

— Угадай, куда я его спрятала.

Она даже покрутилась передо мной, но я не увидела, чтобы хоть что-то оттопыривалось. Широко улыбаясь, она сунула руку под рубашку и вынула фонарик из лифчика.

Я рассмеялась.

— Декольте — великая вещь, — провозгласила она. — Как дополнительный карман.

Она вложила фонарик мне в руку. Я осветила в дыру. Грязный пол тянулся, насколько доставал луч фонарика. Я поводила им из стороны в сторону, и луч наткнулся на что-то слева от меня. Железный ящик.

— Тут какой-то ящик, — сказала я. — Но я отсюда не дотягиваюсь.

Я поднялась на оставшиеся две ступеньки и пролезла в люк. Внутри пахло грязью и затхлостью, словно сюда много лет никто не ходил.

Потолок был совсем низкий, так что передвигаться я могла, только согнувшись. Я подобралась к ящику. Он был сделан из серого матового металла, и крышка его открывалась, как у сундучка с подарками.

— Заперт? — шепотом спросила Рэ. Она уже тоже влезла на лестницу и заглядывала внутрь.

Я провела фонариком вдоль крышки, но не нашла никакого замка.

— Открывай же, — подталкивала меня Рэ.

Я опустила на корточки и зажала фонарик между колен.

— Давай, давай, — торопила Рэ.

Я не обращала на нее внимания. Призрак хотел, чтобы я увидела именно эту комнату, теперь у меня не было в этом сомнений. И этот ящик — единственное, что я увидела в пустом, темном помещении.

Я видела такие ящики в кино, и обычно ничего хорошего в них не было. Чаще всего там находились части тела.

Но мне нужно узнать. Крышка начала открываться, но потом застряла. Я подергала ее. Один конец вроде поддался, а вот второй — никак. Я провела пальцами по краю, пытаюсь найти, что ее держит. И наткнулась на кусок бумажки.

Я потянула, и бумажка порвалась. В руках у меня остался только уголок. На нем было что-то написано от руки, но на оторванном клочке были только фрагменты слов. Я нащупала бумажку, все еще зажатую под крышкой, и снова потянула. При этом другой рукой я пыталась приподнять крышку. Один рывок, и бумажка освободилась... и крышка тоже. Она отлетела и упала мне на колени. Я даже не успела подумать, хочу ли туда заглядывать — я уже смотрела внутрь.

— Бумаги? — спросила Рэ.

— Похоже на какие-то... папки.

Я взяла папку с надписью «2002» и вытянула из нее стопку листов. Пробежала глазами первый.

— Налоги на собственность. — Я пролистала остальные. — Это просто всякие документы, которые им надо было сохранить. Они положили их в коробку типа сейфа и поставили ее сюда. Заперта была только первая дверь, так что мы не особо-то и подглядываем.

— Вряд ли это то, что хотел показать тебе призрак. Значит, тут должно быть что-то еще.

Минут десять мы ползали вокруг, но нашли только дохлого крота. Тот смердел так, что меня чуть не вырвало.

— Пойдем, — сказала я, скрестив руки на груди. — Тут ничего нет, а я замерзаю.

Рэ посветила мне фонариком в лицо. Я отдернула голову, чтобы свет не бил в глаза.

— Не надо нервничать, — сказала Рэ. — Я просто хотела сказать, что тут совсем не холодно.

Я взяла ее руку и положила ее на свою.

— Мне холодно. Вот мурашки, чувствуешь?

— Я и не говорила, что ты не мерзнешь...

— В общем, я ухожу. Оставайся, если хочешь.

Я поползла к выходу. Когда Рэ схватила меня за ногу, я дернулась так, что она чуть не упала.

— Да что с тобой такое? — спросила она.

Я потеряла руки. Нервы мои были напряжены до предела. Челюсть ныла — я только сейчас поняла, что все это время стискивала зубы.

— Я просто... сначала все было нормально, но сейчас... Я просто хочу выбраться отсюда.

Рэ подползла ко мне ближе.

— Ты вся в поту. Пот и мурашки. И глаза блестят, как будто у тебя лихорадка.

— Может, так и есть. Может, мы...

— Здесь что-то есть, ведь так?

— Нет, я... — Я огляделась по сторонам. — Может быть. Я не знаю. Просто... мне надо уйти отсюда.

— Ладно. — Рэ вручила мне фонарик. — Пошли.

Но как только мои пальцы коснулись фонарика, его свет начал тускнеть. Уже через несколько секунд он лишь слабо поблескивал.

— Скажи мне, что просто сели батарейки, — прошептала Рэ.

Я тут же отдала фонарик ей. Свет снова вспыхнул, но всего на мгновение. Потом он и вовсе потух, погрузив нас в полную темноту. Рэ выдала ругательство. Чирк. И лицо Рэ осветилось оранжевым пламенем спички.

— Я знала, что в один прекрасный день они мне понадобятся, — сказала Рэ. — А теперь...

Она замолчала. Взгляд ее был прикован к пламени. Она смотрела на него, как ребенок, зачарованный костром в лесу.

— Рэ!

— Ах, да, прости! — Она встряхнулась. Мы почти доползли до двери, когда я услышала, как открылась дверь в подвал.

— Спички! — прошептала я.

— Точно.

Рэ загасила спичку. Не помахав, не подув на нее, а просто накрыв пламя рукой. Потом она отбросила за спину обгоревшую спичку и коробок.

— Девочки? — окликнула нас миссис Талбот с верхней ступеньки. — Вы уроки сделали?

Уроки! Симон и Дерек. Я посмотрела на часы. 7.58.

Я вылезла из люка в кладовку.

Глава 24

Я знала, что Рэ разочарована тем, что мы нашли — или, точнее, чего не нашли. Я испытывала некую вину, словно фокусник, которому не удалось развеселить публику. Но Рэ ни разу не усомнилась в том, что я видела призрака и что он велел мне открыть дверь. И я была благодарна ей за это.

Я вернула ключ на место, вымыла руки, потом разыскала миссис Талбот и сказала ей, что иду наверх, заниматься математикой с Дерекком, и что Симон будет с нами. Она поколебалась, но не долго, и разрешила мне пойти на их половину.

Я забрала у себя в комнате недавно доставленный учебник по математике и пошла на половину мальчиков. Дверь была открыта. Симон развалился на кровати и читал комиксы. А Дерек скукожился над слишком маленьким для него письменным столом и делал уроки.

Их комната была зеркальным отражением нашей. Стена Симона была увешана листочками — я подумала, что это картинки, вырезанные из журналов с комиксами. Но присмотревшись, поняла, что это рисунки. Некоторые были черно-белые, но в основном цветные — наброски лиц, эскизы сцен и полноценные картины. Выполнены они были в странной технике — и не совсем аниме, и не комиксы. Симон не раз получал на уроке замечания за то, что рисует. Теперь я поняла, над чем он трудился.

Стена над кроватью Дерек была абсолютно голой. На тумбочке стопками высились книжки, а на кровати валялись раскрытые журналы. На краю письменного стола ютилось какое-то хитроумное устройство, напичканное проводами и рычажками. Наверное, это какой-то школьный проект, предположила я.

Я постучала по косяку.

— Привет. — Симон закрыл журнал и сел на кровати. — А я только-только сказал Дереку, что надо бы сходит вниз и выяснить, не чинят ли наши нянечки препятствий тебе.

Я покачала головой.

Дерек поставил стоймя свой учебник математики на тумбочку у кровати.

— Я в душ. Начинайте без меня.

— А разве нянечки не услышат льющуюся воду?

Он лишь пожал плечами и откинул волосы назад. Они легли вялыми патлами, а под лампочкой еще и заблестели жиром.

— Скажешь, что я уже был в душе, когда ты пришла. Я всего на пару минут.

Он направился к двери, обойдя при этом меня как можно осторожнее. Так что я даже задумалась, так ли сильно ему требовалось в душ? Но приняться и выяснять я не стала.

Если он моется перед сном, это его проблемы. Кари мне рассказывала, что раньше тоже всегда принимала на ночь ванну. Но ей пришлось перейти на утренний душ, иначе к обеду ее волосы превращались в патлы. Когда Дерек проходил мимо, я не удержалась и сказала:

— А почему бы тебе не принимать душ утром?

— Я принимаю, — буркнул он и вышел.

Симон отложил свой журнал.

— Входи, я не кусаюсь.

Он откинулся на кровати, так что пружины скрипнули. Потом похлопал рукой по краешку.

— Можно было бы сказать, что девушка в моей кровати — это впервые... но боюсь показаться полным неудачником.

Я сложила свои книги на столик, пытаюсь скрыть густой румянец, проступивший на щеках. Один учебник я раскрыла, чтобы выглядело так, будто мы занимаемся. Я взглянула на обложку учебника Дерек и едва сдержала вздох.

Алгебра и тригонометрия. Университетский курс.

Я пролистала учебник.

— Если ты что-нибудь из этого понимаешь, то ты намного умнее меня, — сказал Симон.

— Я думала, Дерек в десятом классе.

— Да, но не по алгебре. И не по геометрии. И не по химии, физике и биологии. По естественным наукам он всего лишь в двенадцатом.

Всего лишь в двенадцатом?..

Похоже, говоря, что никто не усомнится в том, что мы занимаемся математикой, Дерек имел в виду, что помощь понадобится не ему. Отлично. Мало того, что Дерек считал меня ветреной блондиночкой, вздрагивающей при каждом шорохе, он еще, видимо, возомнил, что я недостаточно умна.

Я положила его учебник на место.

— Слушай... надеюсь, Тори не устроила тебе скандал из-за вчерашнего? — спросил Симон.

Я покачала головой.

Он выдохнул и сложил руки за голову.

— Хорошо. Не знаю, что с ней такое. Я ей ясно дал понять, что она меня не интересуется. Поначалу я даже старался быть деликатным, отказывая ей. Когда она не поняла намека, я прямо сказал, что не интересуюсь. Сейчас я откровенно груб с ней, но она все равно не желает отступить.

Я повернулась и внимательно посмотрела на него.

— Наверное, очень непросто, когда ты кому-то нравишься, а он тебе — нет.

Симон рассмеялся.

— Единственный человек, которого Тори по-настоящему любит, это Тори. А я — всего лишь временная игрушка, пока она не сможет вернуться к своим капитанам футбольных команд. Таким девчонкам, как Тори, надо, чтобы рядом всегда был парень — причем любой. А здесь я для нее единственный вариант. Питер был слишком юн, а Дерек — Дерек не в ее вкусе. Поверь мне, стоит появиться любому другому парню, и она тут же забудет о моем существовании.

— Я в этом не очень-то разбираюсь. Мне кажется, она на самом деле...

— Я тебя умоляю! Неужели я похож на приманку для див? — Он повернулся на бок и подпер голову рукой. — Ну, конечно, когда мы с Дерексом попадаем в новую школу, я получаю изрядную дозу внимания от девочек из высшей клики. — Он изобразил голосом тонкий фальцет: — «Эй, Симон, я тут типа подумала, может, ты... ну... мог бы после школы помочь мне с уроками. А то эта математика — ну прям как китайский язык. А ты же китаец, да? Уверена,

ты в этом силен». — Он закатил глаза. — Во-первых, мой отец — кореец, а мама — шведка. Во-вторых, я в математике полный пень. И терпеть не могу часы с кукушкой, катание на лыжах и шоколадные фигурки.

Я подавилась смешком.

— Это, скорее, о швейцарцах.

— Да? А что тогда характерно для шведов?

— Не знаю. Может, тефтели?

— Ну, это я люблю.

— А что еще ты любишь?

— В школе? Историю. Не смейся. И в английском я неплох. Я пишу смешные хокку, а это, между прочим, японские стихи.

— Я знаю. — Я посмотрела на рисунки на стене. — Вот в рисовании ты точно силен. Твои картины чудесны.

У него сразу загорелись глаза.

— Не знаю насчет «чудесны», но спасибо. Вообще-то по рисованию у меня не так уж все блестяще. В прошлом году еле-еле на троечку натянул. Я разозлил учительницу, потому что все время сдавал ей комиксы. Я выполнял задания, но использовал технику своих рисунков. А она думала, что я просто издеваюсь над ней.

— Это несправедливо.

— Ну, когда я после нескольких предупреждений продолжал сдавать свои рисунки, я, наверное, и впрямь немного издевался. Или просто из упрямства это делал. В общем, в школе у меня далеко не все так блестяще — твердый хорошист. А вот Дерек — гений. У меня лучше всего с физкультурой. Мне нравится кросс, бег с препятствиями, баскетбол, футбол...

— О, а я играла в футбол. — Я замолчала. — Давно. Очень давно. Мы тогда за мячом носились, как стайка шмелей.

— Надо будет дать тебе пару уроков, чтобы ты могла все вспомнить, и мы организуем с тобой команду. Футбольный клуб Лайла.

— Очень маленький клуб.

— Нет, очень эксклюзивный клуб.

Последний раз я вот так, с глазу на глаз разговаривала с парнем, наверное, еще тогда, когда думала о них не как о парнях, а просто как о других детях.

— К вопросу об эксклюзивном клубе, — сказала я. — Я думала, вы пригласили меня к себе, чтобы дать ответы на некоторые вопросы.

— А моего общества тебе недостаточно? — Он в притворной обиде вскинул брови, но его выдавал озорной блеск в глазах. — Ну ладно, ты терпела довольно долго. Так что ты хочешь

знать?

— Все.

Мы улыбнулись друг другу.

— Значит, так: ты — некромант, а я — волшебник. Ты разговариваешь с мертвыми, а я накладываю заклинания.

— Ты здесь именно поэтому? Ты что-то сделал?

— Нет. — Он помолчал, и на его лицо нашла тень. — Вернее, да, кое-что сделал, но это не имело отношения к магии. Кое-что произошло. С Дер... — Он оборвал себя на полуслове. Из личного дела я знала, почему Дерек оказался здесь, но признаваться в этом, конечно, не собиралась. — В общем, кое-что случилось, а потом мой отец исчез. Это очень долгая история. А краткая ее версия состоит в том, что мы здесь застряли до тех пор, пока кто-нибудь не решит, что с нами делать дальше.

И пока Дерек не «вылечится», добавила я про себя. Именно поэтому на Симона нет личного дела и ему не надо ходить на терапию. Он здесь не из-за каких-то проблем с психикой. Когда их отец сбежал, власти поместили Дерек сюда и решили, что Симону лучше быть с братом.

— Хорошо, а что еще есть? Какие виды... — Я никак не могла подобрать слово.

— Сверхъестественных способностей? Разные типы называются расами. Их не так много. Самые крупные — это некроманты, волшебники и ведьмы. Ведьмы — это женщины, способные накладывать заклинания. Похожи на волшебников, но все же другая раса и не такая сильная. Во всяком случае, так говорят. Кто еще? Полудемоны. Но не спрашивай меня про них, потому что я почти ничего не знаю. Дерек знает про них побольше. Ах, да, еще шаманы. Они хорошие целители и могут проецироваться в астрал.

— В астрал?

— Покидать свое тело. И передвигаться, как духи. Очень удобно списывать на контрольных и пробираться в женскую раздевалку... для тех, кто любит такие вещи...

— Ясно. Ты сказал, что Дерек знает больше о полудемонах. Он и есть полудемон?

Симон посмотрел в сторону коридора и прислушался, льется ли еще вода в душе.

— Будем считать, что ты вытянула это из меня, ладно?

— Что?

Симон повернулся на бок, задев при этом мое колено. Он понизил голос.

— Насчет Дерек. Кто он такой. Если он спросит, скажи, что ты вытянула это из меня.

Я выпрямилась. Во мне стало подниматься раздражение.

— Так Дерек не желает, чтобы я знала, кто он такой? Тот самый парень, который ткнул меня носом в некроманта и требует, чтобы я приняла это в себе? Если он не хочет...

— Хочет. И скажет. Но это... все гораздо сложнее. Если ты не спросишь, он не скажет. Но если

спросишь...

Он отвел глаза, словно умоляя облегчить его задачу.

Я вздохнула.

— Отлично. Вот я и спрашиваю. Кто такой Дерек? Один из этих полудемонов?

— Нет. Для этого даже подходящего названия-то нет. Думаю, это можно назвать геном сверхчеловека, но это слишком высокопарно.

— Точно.

— Поэтому их так и не называют. Парни типа Дерека обладают... особыми физическими способностями, можно так сказать. Они очень сильные, как ты могла убедиться. Имеют более тонкие органы чувств.

Я покосилась на учебник математики.

— Умные?

— Нет, это просто Дерек такой. Во всяком случае, так считает мой отец.

— А твой отец... он — тоже волшебник? И он знает других таких, как мы?

— Да. У людей со сверхъестественными способностями есть что-то вроде сообщества. Пожалуй, сеть будет даже более точным словом. Ты познакомишься там с другими, можешь общаться с ними, получать то, чего не получишь от обычного мира. Мой отец раньше активно во всем этом участвовал. Сейчас уже не так. Кое-что случилось.

Он на какое-то время замолчал, потом снова перевернулся на спину.

— Мы обо всем этом поговорим попозже. Это длинная история. А если коротко, то отец раньше был вовлечен в это сообщество. Он работал на исследовательский центр, где доктора и ученые со сверхъестественными способностями пытались облегчить жизнь таким, как мы. Отец — адвокат, но адвокаты там тоже были нужны. Вот так у нас и появился Дерек.

— Появился?

Симон скорчил рожу.

— Я не так выразился. Словно отец принес домой бездомного щенка. Хотя, по сути, так оно и было. Видишь ли, такие, как Дерек, — очень редкий тип. Мы все — очень редкие. Но он — особенно. И эти люди — на которых работал мой отец, — они воспитывали его. Его еще младенцем то ли бросили, то ли отдали в приют, и они хотели убедиться, что он не попадет в какой-нибудь обычный детский дом. Для него это было бы катастрофично. Когда бы он достиг лет двенадцати, он начал бы швырять людей направо-налево. Вот только научная компания плохо приспособлена для воспитания детей. Дерек почти ничего не рассказывает о жизни там, но мне кажется, это почти то же самое, что расти в больнице. Моему отцу это не понравилось, и они разрешили ему забрать Дерека домой. Это было... странно. Он словно никогда раньше не бывал на людях. Школа, торговый центр и даже обычный проспект ужасно пугали его. Он не привык к такому количеству людей, к шуму...

Он замолчал, снова повернув голову в сторону коридора. Трубы загудели — выключили воду.

— Потом, — одними губами сказал Симон.

— Он только что вышел из душа. Он не может слышать...

— О, поверь мне, может.

Я вспомнила, что Симон говорил об «усиленных органах чувств» Дерек. Теперь я понимала, почему Дерек всегда слышал то, что ему слышать было не положено. Впредь надо быть осторожнее.

Я откашлялась.

— Так, значит, есть волшебники, ведьмы, полудемоны, некроманты, шаманы и другие очень редкие виды, типа Дерек. Правильно? Меня не ждет встреча с оборотнями и вампирами?

Симон рассмеялся.

— Это было бы круто.

Может, и круто, но я с удовольствием оставлю оборотней и вампиров Голливуду. Поверить в магию, в духов и даже в перемещения в бестелесной оболочке можно. Но превращение в животных и высасывание крови — это уже за гранью моего понимания.

У меня на языке вертелись десятки вопросов. Где отец ребят? Что это за люди, на которых он работал? Почему он от них уехал? А как же мама Симона? Но Симон сказал, что об этом позже. Требовать подробности личной жизни было бы неприличным.

— Так, значит, здесь нас трое таких? Сразу в одном месте? Это, должно быть, неспроста.

— Дерек считает, что любые сверхъестественные способности — как его или твои — трудно объяснить, и люди списывают это на психические заболевания. Некоторые дети в подобных пансионах обладают сверхъестественными способностями. Но большинство — нет. Поговори об этом с Дерек, он объяснит лучше.

— Ладно, тогда вернемся ко мне. Чего эти духи хотят от меня?

Симон пожал плечами.

— Наверное, помощи.

— В чем? Почему я?

— Потому что ты можешь их слышать, — сказал Дерек, входя в комнату и вытирая на ходу волосы. — Какой смысл обращаться к тому, кто тебя не слышит?

— Положим, так.

— Я тебя не за этим позвал.

Я сердито зыркнула на него, но он стоял ко мне спиной и аккуратно складывал полотенце.

Дерек продолжил:

— Как ты думаешь, сколько некромантов разгуливает по улицам нашего города?

— Откуда мне знать?

— Ну, если бы их было полно, то ты, вероятно, о них услышала бы, так?

— Полегче, братишка, — пробормотал Симон.

— На всю страну их, может, сотня наберется. — Дерек с трудом всадил расческу в свои волосы. — Ты когда-нибудь встречала альбиноса?

— Нет.

— С точки зрения статистики у тебя в три раза больше шансов встретить альбиноса, чем некроманта. Теперь представь, что ты призрак. Для тебя увидеть некроманта — это все равно что, находясь на необитаемом острове, увидеть над собой самолет. Ты попытаешься привлечь его внимание? Конечно. А что до того, чего они хотят... — Дерек развернул стул и сел на него верхом. — Кто знает? Если бы ты была призраком и вдруг натолкнулась на живого человека, который может тебя слышать, ты бы наверняка тоже чего-то от него захотела бы. Чтобы узнать, чего они хотят, тебе придется у них спросить.

— Легче сказать, чем сделать, — тихо отозвалась я.

Я рассказала им о призраке в подвале.

— Может, там все же есть что-то такое? Что-то, чего вы не нашли? Что-то очень важное для него? — Дерек лениво поскреб щеку, потом поморщился и отдернул руку. — Может, какая-то бумага или вещица, которую он хочет передать своей семье?

— Или ключ к его убийству, — добавил Симон. — Или к сокровищу.

Дерек пригвоздил его взглядом, потом покачал головой.

— Скорее всего, это что-нибудь совершенно глупое, типа письма, которое он забыл отдать жене. Что-то малозначимое.

Но для меня это не было ни глупым, ни малозначащим. Скорее, романтичным. Призрак, застрявший здесь на много-много лет ради того, чтобы передать письмо жене — теперь уже, скорее всего, старушке в доме престарелых. Не совсем мое кино, но глупым я бы его не назвала.

— Что бы там ни было, — сказала я, — все это очень спорно, потому что до тех пор, пока я на таблетках, я не могу вступить с ними в контакт и спросить.

Дерек стер капельку крови с расцарапанной щеки и ругнулся. Раздражение сквозило и в его голосе, когда он резко ответил:

— Ну так прекрати их принимать.

— Да я бы с удовольствием. Но после того, что случилось вчера ночью, они собираются делать анализы мочи.

— Ого. Сурово. — Симон замолчал, но через несколько секунд щелкнул пальцами. — У меня идея. Может, не самая удачная, но... что, если тебе брать таблетки, крошить их и подмешивать потом, ну... в мочу.

Дерек хмыкнул.

— А что?

— Ты ведь в прошлом году сдавал химию?

— Ладно, гений, а ты что предлагаешь?

— Я подумаю. Надо снять ее с таблеток. Мне плевать, чего хочет этот самый призрак, но он может быть нам полезен. И пока он будет кровно заинтересован в ней, Хло сможет кое-что выведать у него. Она пока отсюда никуда не собирается... если только ее не сгрузят.

Симон выразительно посмотрел на него.

— Не смешно, братишка.

Дерек запустил пятерню в мокрые волосы.

— А я и не шучу. Не так-то просто скрыть, что ты видишь призраков. Это не то что с твоими заклинаниями. Сегодня утром я кое-что услышал из разговора доктора Джил и доктора Давыдова. — Дерек покосился на меня. — Я шел мимо и услышал...

— Она уже знает про твой слух.

Дерек зарычал на брата, но Симон только пожал плечами и сказал:

— Она вроде как догадалась. Она же не тупая. Ладно, неважно. В общем, ты слышал...

Дерек запнулся и прислушался.

— Кто-то идет.

— Мальчики? Хло? — позвала с лестницы миссис Талбот. — Пора кушать. Спускайтесь.

Симон крикнул в ответ, что мы сейчас спустимся.

— Секундочку, — задержала я парней. — Так ты слышал беседу докторов. О чем?

— О тебе. И о том, подходит ли тебе Лайл.

Глава 25

Дерек пытается меня напугать? Еще несколько дней назад я бы без раздумий ответила «да». Но сейчас я понимала, что он просто честен. Он это услышал и передал, не пытаюсь смягчить удар, просто потому что ему не пришло это в голову.

Но его слова прибавили мне решимости получить ответ хотя бы на один вопрос. Когда нянечка заглянула к нам в комнату и объявила, что пора гасить свет, я спросила:

— Миссис Талбот?

— Да, милая? — отозвалась она.

— Мы уже можем позвонить Лизе? Мне очень хочется поговорить с ней. Объяснить насчет той последней ночи.

— А нечего объяснять, дорогая. Лиза стыдится, что так напугала тебя. Думаю, ты можешь позвонить ей в выходные.

— В эти выходные?

Она вошла в комнату и прикрыла за собой дверь.

— Доктора сказали мне, что у Лизы есть сложности с адаптацией в новом месте.

Рэ чуть не подскочила с кровати.

— А что такое?

— Это называется посттравматический стресс. Последняя ночь здесь оставила тяжелый след в ее душе. И доктора в новой клинике не хотят, чтобы Лизе об этом напоминали.

— А что, если я не стану об этом упоминать?

— Даже просто разговор с тобой может напомнить ей это, милая. А к воскресенью, уверяют они, с ней все будет в порядке. В крайнем случае, на следующей неделе.

Ледяные пальцы страха сдавили мне горло.

«Не сейчас, дорогая»...

Может, в выходные.

Может, на следующей неделе.

Может, никогда.

Я посмотрела на Рэ, но вместо нее представила Лизу — как она сидела на краешке кровати и шевелила пальцами, заставляя танцевать оранжевых жирафов на своих носках.

Мертвая Лиза.

Лиза-призрак.

Это, конечно, было нелепо. Даже если бы я смогла придумать, зачем пансионату Лайл убивать детей, то как же тогда с их семьями? Это ведь не бездомные дети. У них есть родители, которые, несомненно, заметят, если их ребенок исчезнет. Заметят и поднимут шумиху.

«А ты уверена? А как же тогда родители Рэ? Такие внимательные, всегда приезжают навестить ее? А отец Симона и Дерекка? Человек-невидимка».

Я перевернулась на бок и накрылась подушкой, как будто это могло заглушить внутренний голос.

Потом я вспомнила о том, что рассказывал мне Симон. Проекция астрального тела. Существует особая раса, способная покидать свое тело и телепортироваться. Может, некроманты могут видеть и эти самые телепортируемые тела? Думаю, могут, ведь призраки —

это та субстанция, которая покидает тело после смерти или во время астрального проецирования.

Так вот кто у нас Лиза! Как он там их называл? Шаман. Она переносит сюда свое астральное тело, а я ее вижу. Тогда понятно, почему ее я могла видеть и слышать, а призрака — нет. И ее полтергейст тогда объясняется. Лиза, сама того не сознавая, выходила в астрал и швыряла все эти предметы.

Наверное, в этом все дело. Должно быть, в этом.

— Вот, держи, — шепнул мне Дерек и сунул в руку банку с крышкой. После уроков он отвел меня в сторонку, и теперь мы стояли у подножия лестницы на их половину. — Отнеси это к себе в комнату и спрячь.

— Это же... банка.

Он хрюкнул, злясь, что я такая тугодумка — не могу сразу догадаться, почему так важно спрятать пустую банку у себя в комнате.

— Это для твоей мочи.

— Для чего?

Он закатил глаза и что-то прорычал сквозь зубы. Потом наклонился ко мне поближе и на ухо пояснил:

— Для мочи. Пи-пи. Сообразила? Для анализов.

Я поднесла банку к глазам.

— Я думала, они дадут мне тару поменьше.

На этот раз он совершенно отчетливо издал злобный рык. Быстро оглянулся. Потом потянулся к моей руке, но остановился и вместо этого просто махнул, чтобы я следовала за ним. Шагая через две ступеньки, Дерек за пару мгновений поднялся вверх и сердито оглянулся на меня, не понимая, чего я так плетусь.

— Ты сегодня принимала лекарства? — шепотом спросил он.

Я кивнула.

— Ну, тогда собери и храни ее в этой банке.

— Хранить?.. Что?

— Да мочу свою! И если завтра ты отдашь им из сегодняшней, будет выглядеть так, будто ты все еще принимаешь таблетки.

— Ты хочешь, чтобы я разливала ее... по дозам? В их пробирки?

— А есть идеи получше?

— Нет, но... — Я подняла банку и задумчиво посмотрела на нее.

— Господи боже! Собирай мочу или не собирай мочу — мне все равно.

Из-за угла выглянул Симон, недоуменно приподняв брови.

— Только собирался спросить, чем это вы тут занимаетесь, но, пожалуй, лучше воздержусь.

Дерек согнал меня с лестницы вниз. Я сунула банку в рюкзак. Мне, конечно, совсем не хотелось пускать ее в ход. Но если меня коробит от мысли, что придется собирать свою мочу, это только доказывает, что я действительно маленькая легкомысленная девчонка, какой Дерек меня и считал.

Глава 26

Я все же воспользовалась банкой, как бы нелепо это ни казалось. На сегодня я уже сдала свой «образец». Я спрятала банку за коробками с чистящими средствами под раковиной. Чистка туалетов тоже входила в наши повседневные обязанности по дому, поэтому я надеялась, что нянечки под раковину даже не заглянут.

В тот день в классе мы не очень-то много успели. Нет, мы честно старались, но мисс Ванг не особо нам помогала. Была пятница, и перед ней уже маячили выходные, поэтому она просто выдала каждому задания, а потом раскладывала пасьянс у себя на ноутбуке.

Рэ почти все утро провела на терапии — сначала с доктором Джил, потом на особом сеансе с доктором Давыдовым. Поэтому когда мисс Ванг отпустила нас на обед, мне пришлось коротать время с Симоном и Дерекком. Лично я ничего против не имела. Мне еще так много надо было у них узнать. А расспрашивать их тоже оказалось не так-то просто. Мы не могли обсуждать эти темы в медиакомнате.

Самым логичным было бы пойти во двор, но в саду работала мисс Ван Доп. Поэтому Симон предложил мне помочь закончить стирку. Дерек сказал, что проберется к нам попозже.

— Так вот, значит, где бродит наш штатный призрак, — сказал Симон, обходя помещение прачечной.

— Думаю, да, но...

Симон поднял руку, заставив меня замолчать, потом присел на корточки и стал разбирать последнюю корзину белья.

— Можешь даже не объяснять, что сейчас призрака здесь может и не быть. И я не стану просить тебя вступить с ним в контакт. Вот придет Дерек, он может. Но не давай ему указывать тебе, что и как делать.

— Я ничего ей не указываю. — Голос Дерекки раздался раньше, чем появился он сам. — Хло достаточно просто сказать «нет». Язык-то у нее есть?

Отлично. Этот парень заставляет меня чувствовать себя полной дурой, даже когда говорит, что я не обязана позволять ему ставить меня в дурацкое положение.

— Если они решат перевести тебя, что ты будешь делать?

Симон скомкал в руках рубашку.

— Ради бога, Дерек, да не собираются они...

— Они думают об этом. Ей надо иметь план на этот случай.

— Да? — Симон сунул рубашку в кучу с цветным бельем. — А вот ты? Если вдруг пройдет слух, что они хотят перевести тебя, у тебя на этот случай есть план?

Они обменялись взглядами. Лица Симона я не видела, но отметила, как Дерек сжал зубы.

Я поднялась и взяла приготовленное для стиральной машинки белье.

— Если они решат меня перевести, то не вижу для себя особого выбора. Я же не могу отказаться.

— И ты просто так сдашься? Пойдешь, как послушная девочка?

— Полегче, братишка.

Дерек поднял оброненные мною вещи и подошел к машинке.

— Они не разрешают тебе поговорить с Лизой, да?

— А что?

— Тори сегодня утром просила. Я слышал. Талбот сказала ей «нет» и повторила то же самое, что ответила вчера вечером тебе. — Он вырвал у меня из рук коробку с порошком, взял с полки мерный стаканчик и помахал им у меня перед носом. — Вот это очень полезная штукавина.

— Она сказала, что я могу позвонить Лизе в выходные.

— Все равно немного странно. Ты практически не знала ее, но первая просишься позвонить?

— Это называется внимание к другим. Слышал о таком?

Дерек оттолкнул мою руку от кнопок на панели машинки.

— Цветное стирают холодной водой. Иначе у тебя все покрасится. — Он посмотрел на меня. — Видишь? Я внимателен к другим.

— Ну конечно. Ведь тут, в основном, твои вещи.

Симон фыркнул от смеха.

— Что касается Лизы, — продолжила я, — то я просто хотела убедиться, что с ней все в порядке.

— А почему ей не быть в порядке?

Дерек, конечно, посмеется над моей глупостью, если я расскажу, что считаю Лизу мертвой, убитой. Как ни странно, но именно это мне и нужно было сейчас — чтобы кто-нибудь убедил меня в том, что моя голова слишком забита сюжетами фильмов.

Я рассказала ребятам все до того момента, как проснулась и увидела на кровати Лизу, беззаботно болтающую ногами.

— Значит, — перебил меня Дерек, — Лиза вернулась из дальних далей, чтобы показать свои прикольные носочки?

Я пересказала им Лизин сон и поведала о нашей встрече на чердаке.

Когда я закончила, Симон сидел на полу, во все глаза глядя на меня и бездумно крутя в руках рубашку.

— Это и впрямь очень похоже на призрака.

— То, что она призрак, еще не значит, что ее убили, — сказал Дерек. — Может, она попала в аварию по пути в больницу. И если это так, то понятно, что они не хотят нам сразу об этом говорить.

— А может, она и не мертва вовсе, — добавила я. — Могла она спроецировать свое астральное тело? Шаманы ведь это делают? И этим можно объяснить, что она двигала предметы. Это был вовсе не полтергейст — это ее собственный дух, или... не знаю, как это работает. Вы говорили, что наши способности проявляются в период созревания, так? И если мы к тому моменту еще не знаем, кто мы такие, то попадаем вот в такие места. Приют для подростков со странными проблемами.

Дерек пожал плечами, но спорить не стал.

— Можно ли так объяснить то, что она швыряла предметы? Могла она выскакивать из своего тела, сама того не зная?

— Я... я не знаю. — Признание прозвучало медленно, как бы нехотя. — Мне надо обдумать это.

* * *

Мы почти доедали десерт, когда снова появилась мисс Талбот.

— Ребята, я знаю, что у вас после обеда свободное время, и мне очень не хочется вмешиваться. Но я вынуждена задержать вас в этой половине дома, чтобы дать Виктории побыть наедине с ее мамой. Пожалуйста, не заходите в класс до начала занятий и не играйте в медиаконнате. Вы можете посидеть в гостиной или пойти во двор.

Если бы меня попросили дать кому-то побыть наедине еще неделю назад, я бы обязательно постаралась держаться подальше. Это элементарная вежливость. Но после нескольких дней, проведенных в Лайле, на запрет «Не ходи туда» я уже не спешила отвечать «Хорошо», а задавалась вопросом «Почему?» и решала непременно выяснить подоплеку. В этом доме знание — сила. А я учусь быстро.

Вопрос заключался вот в чем: как подобраться поближе к кабинету доктора Джил и подслушать разговор Тори с ее мамой. Хотелось выяснить, зачем для дружеской беседы мамы с дочкой нужна такая секретность? Можно было бы, конечно, попросить человека с супер-тонким слухом, но мне не хотелось быть чем-то обязанной Дереку.

Миссис Талбот разрешила нам, девочкам, подняться к себе в комнаты. А вот парням — нет, потому что их путь лежал мимо кабинета доктора Джил. И это навело меня на мысль. Я пошла вверх, через комнату миссис Талбот прошла в примыкающую к ней комнату мисс Ван Доп, а потом спустилась по их лестнице.

Мой отважный маневр был тут же вознагражден.

— Поверить не могу, что ты так со мной поступила, Тори. Ты даже не представляешь, как ты меня подвела. Когда я приезжала в воскресенье, ты услышала, что нянечки говорили о Хло Сандерс, и тут же разболтала все остальным ребятам.

Я не сразу поняла, о чем говорила мама Тори. За эту неделю произошло столько всего. И тут до меня дошло: Тори рассказала всем, что я вижу призраков. Рэ говорила, что мама Тори как-то связана с пансионом Лайл, поэтому нянечки, видимо, рассказали ей о новенькой девочке и ее «галлюцинациях». А Тори подслушала.

— Мало того, ты еще и дулась на всех из-за того, что отсюда перевели ту девочку.

— Лизу, — прошептала Тори. — Ее зовут Лизой.

— Я знаю, как ее зовут. Вот чего я не знаю, так это почему ее перевод сорвал тебя с катушек?

— Сорвал с катушек?

— Ну, конечно! Ты сидела, надувшись, в своей комнате, потом поссорилась с Рэчел. Злорадствовала по поводу рецидива у новенькой. Твои лекарства не действуют, Виктория? Я же просила тебя обязательно сказать мне, если новые таблетки тебе не помогут...

— Они помогают, мама. — Голос Тори был каким-то глухим, словно она плакала.

— Ты их еще принимаешь?

— Я всегда их принимаю. Ты же знаешь.

— Если ты их принимаешь, тебе должно становиться лучше. А вся последняя неделя свидетельствует об обратном.

— Но это не имеет никакого отношения к моей проблеме. Все из-за этой новенькой. Она меня просто бесит. Маленькая мисс Паинька. Все время пытается выставить меня дурой, доказать, что она лучше. — Тори перешла на фальцет. — О, Хло такая хорошая девочка. О, Хло отсюда быстро выпишется. О, Хло так старается. — Она снова перешла на свой нормальный голос. — Я очень стараюсь. Намного сильнее, чем она. Но доктор Давыдов уже приезжал побеседовать с ней.

— Марсель всего лишь пытается мотивировать вас.

— Я и так замотивирована. Думаешь, мне очень нравится торчать тут рядом с этими придурками и неудачниками? Но я не просто хочу выйти отсюда — я хочу поправиться. А Хло на это наплевать. Она соврала, когда сказала всем, что больше не видит призраков. Хло Сандерс — просто маленькая двуличная су... — Она проглотила конец слова и вместо этого закончила: — ведьма.

Меня раньше никогда так не называли, даже за глаза.

Но я действительно солгала. Я сказала одно, твердо веря в другое. Это же и есть двуличность, разве нет?

— Я понимаю, что тебе не нравится эта девочка...

— Я ее ненавижу. Она появляется и делает так, чтобы мою лучшую подругу перевели отсюда, она выставляет меня душой перед докторами и нянечками, она уводит у меня парня... — Тори остановилась и закончила уже почти неслышно: — В общем, она это заслужила.

— Что ты сказала насчет парня? — Слова ее мамы прозвучали резко и требовательно.

— Ничего.

— Ты что, связалась с кем-то из здешних мальчиков, Тори?

— Нет, мама, ни с кем я не связалась.

— Не смей разговаривать со мной таким тоном. И высморкайся. Я тебя почти не понимаю из-за твоего хлюпанья. — Пауза. — Я тебя последний раз спрашиваю: что ты сказала насчет твоего парня?

— Просто... — Тори вздохнула так громко, что даже я с лестницы услышала. — Просто мне нравится тут один парень, и Хло это знает. Поэтому она преследует его и делает все, чтобы выставить меня перед ним душой.

Преследую?

— И кто этот мальчик? — Мама Тори теперь говорила так тихо, что мне приходилось напрягать слух, чтобы расслышать.

— Да, мам, это неважно. Просто...

— Не надо мне мамкать. Я имею право знать... — Ее голос упал еще на полтона. — Только не говори мне, что это Симон, Тори. Даже не смей мне этого говорить. Я же предупреждала тебя, чтобы ты держалась подальше от этого мальчика...

— Почему? Он нормальный. Он даже лекарства не принимает. Он мне нравится и... Мам! Что ты делаешь?

— Пытаюсь привлечь твое внимание. Я велела тебе держаться подальше от Симона и хочу, чтобы ты меня слушалась. У тебя уже есть парень. И не один, если я не ошибаюсь. Совершенно чудесные мальчики, которые ждут, когда ты выйдешь отсюда.

— Ага, можно подумать, это случится в обозримом будущем.

— Это случится, когда ты решишь, что пора. Ты хоть представляешь, какой это позор для члена совета директоров — послать сюда собственного ребенка? Так вот, я тебе скажу, мисс Виктория, это пустяки по сравнению с тем, что этот ребенок вынужден оставаться здесь даже после двухмесячного лечения.

— Ты мне уже об этом говорила. Сто раз говорила.

— Видимо, мало, раз ты до сих пор ничего не предприняла по этому поводу. Например, не пошла на поправку.

— Я стараюсь. — Тори чуть не взвыла от обиды.

— Это все твой отец виноват — избаловал тебя. Ты никогда в жизни ни за что не боролась. Даже не знаешь, как это — добиваться чего-то.

— Мама, я стараюсь...

— Ты не знаешь, что значит стараться. — В голосе мамы Тори было столько злобы, что даже я поежилась. — Ты избалована, ленива, эгоистична. И даже не представляешь, как ты меня позоришь, выставляя в глазах коллег непутевой матерью. Ты подрываешь мою профессиональную репутацию...

В ответ Тори только душераздирающе всхлипнула. Я обхватила руками колени.

— И перестань беспокоиться из-за Хло Сандерс. — Мама Тори перешла на шепот. — Она отсюда не выйдет так скоро, как ей хочется. Ты думай о Виктории Энрайт и обо мне. Дай мне возможность гордиться тобой, Тори. Это все, о чем я прошу.

— Я постараюсь... — Тори остановилась. — Я сделаю это.

— Игнорируй Хло Сандерс и Симона Бэ. Они не стоят твоего внимания.

— Но Симон...

— Ты меня слышала? Я не хочу, чтобы ты подходила к этому мальчику. От него сплошные проблемы — от него и от его братца. Если я только услышу, что вас двоих видели наедине, считай, что все кончено. Я добьюсь его перевода отсюда.

Жизненный опыт. Можно им хвалиться, брать на себя обязательства всячески расширять его, но все же человек не может выйти за рамки опыта собственной жизни.

Как можно воспринять опыт, который никак не связан с твоей жизнью? Можно увидеть его, почувствовать, представить, каково было бы пережить это самому, но это все равно, что увидеть все в кино и воскликнуть: «Слава богу, это случилось не со мной!»

Послушав маму Тори, я поклялась никогда больше не отзываться дурно о тете Лорен. Да мне просто повезло, что у меня есть тетушка, чья единственная вина состояла в том, что она слишком заботилась обо мне. Даже когда она разочаровывалась во мне, она все равно вставала на мою сторону. Обвинять меня в том, что я позорю ее, — да ей бы в жизни не пришло такое в голову.

Назвать меня ленивой только зато, что я не очень-то стараюсь поправиться? Угрожать переводом мальчика, который мне нравится?

Я поежилась.

Тори на самом деле очень старалась поправиться. Рэ называла ее королевой таблеток. Теперь я поняла — почему.

Как смеет родитель обвинять ребенка в том, что тот не может преодолеть душевное заболевание? Это все равно что винить ребенка с отставанием в развитии в том, что он не выбился в отличники. Каким бы ни было «заболевание» Тори — это не ее вина, и болезнь ей неподконтрольна.

Тори пропустила занятия после обеда, что и неудивительно. Правило о том, что нельзя отсиживаться у себя в комнате, к ней, по-видимому, не относилось. То ли из-за ее состояния, то ли из-за положения ее мамы. В перемену я проскользнула наверх, к ее комнате. Из-за

закрытой двери доносились сдавленные рыдания.

Я стояла в коридоре, слушала плач Тори, и мне очень хотелось что-нибудь сделать для нее.

В кино я бы зашла к ней в комнату, успокоила ее и, может, мы бы даже стали друзьями. На экране я видела такое десятки раз. Но опять же, это совсем не то же самое, что столкнуться с подобной ситуацией в реальной жизни. И раньше я этого не понимала.

Тори ненавидит меня.

От этой мысли у меня внутри все сжалось. Раньше ко мне никто не испытывал ненависти. Я была из тех, о ком говорили: «Хло Сандерс? Да нормальная девчонка». Меня и не любили, и не ненавидели — скорее, почти не задумывались обо мне.

Заслужила ли я ненависть Тори — это другой вопрос, но я не пыталась оспорить ее обвинения. Я действительно вломилась сюда и заняла ее место. Я стала «образцовым пациентом», место которого она так стремилась занять.

Зайди я сейчас к ней в комнату, она увидит во мне не сочувствующего человека, а победителя, который пришел поглумиться, и возненавидит меня еще больше. И я не стала входить к ней — оставила рыдать в одиночестве.

По окончании перемены миссис Талбот объявила, что уроков сегодня больше не будет. Зато нам предстоит редкая вылазка во внешний мир. Отправлялись мы не так далеко — всего лишь в крытый бассейн в квартале отсюда — пешком можно идти.

Отличная идея. Вот только если бы у меня был купальник.

Миссис Талбот предложила позвонить тете Лорен, но мне не хотелось отвлекать ее отдел из-за такого пустяка, тем более что ее только вчера вызывали сюда из-за моего срыва.

Правда, я осталась дома не одна. Дереку надо было идти на сеанс с доктором Джил. Мне показалось это несправедливым, но когда я заикнулась об этом Симону, тот сказал, что Дереку все равно запрещены выходы в город. Полагаю, это разумно, учитывая причину, по которой он здесь оказался. В тот день, когда я прибыла и всех ребят вывели в город, чтобы дать мне время адаптироваться, он, наверное, вынужден был, не высовываясь, сидеть в своей комнате.

Когда все ушли, я воспользовалась тем, что нянечек не было, и отправилась к себе в комнату послушать музыку. Пробыла я там всего несколько минут, когда кто-то постучал в мою дверь. Я вытащила из уха наушник. Снова стук. Я точно знала, что призраки стучать не могут, поэтому просто крикнула, чтобы входили.

Дверь открылась. На пороге стояла Тори... сама не своя. Темные волосы стояли дыбом, как будто она до этого бесконечно ерошила их пятерней. Рубашка помялась и выбилась из джинсов.

Я села на кровати.

— Я думала, ты пошла плавать со всеми.

— У меня судороги. Тебя это не смущает? — Слова ее были короткими, рублеными, с легким оттенком обычного высокомерия, но звучали гораздо мягче. — В общем, неважно, я же к тебе

не за тушью зашла. Ее у тебя все равно нет. Я пришла сказать, что можешь забирать Симона себе. Я решила... — Она отвела взгляд. — Он меня не интересует. Все равно он не мой типаж. Слишком... юный. — Она сжала губы. — Незрелый. В общем, бери его себе.

Меня так и подбивало ответить: «Ну, спасибо», но я видела, как тяжело ей это дается. Симон ошибался — он действительно ей очень нравился.

— И вообще, — Тори откашлялась, — я пришла объявить перемирие.

— Перемирие?

Нетерпеливо махнув рукой, Тори шагнула в комнату и закрыла дверь.

— Пора прекращать нашу нелепую войну. Ты не стоишь моего... — Она умолкла и опустила плечи. — Больше никакой вражды. Тебе нужен Симон? Забирай его. Считаешь, что видишь призраков? Это твоя проблема. Мне от тебя нужно только одно — чтобы ты сказала доктору Джил, что я извинилась перед тобой. Они должны были отпустить меня в понедельник, но теперь не отпускают. И все из-за тебя.

— Я не...

— Я еще не закончила. — В ее тоне снова сквозила прежняя сварливость. — Ты скажешь доктору Джил, что я перед тобой извинилась и что ты просто раздула все на голом месте. Я считала, что это забавно, что ты видишь призраков, а ты неправильно меня поняла. Но с тех пор я была с тобой мила.

— Насчет «отдать» мне Симона... Мне не...

— Это первая часть сделки. В чем состоит вторая часть? Я покажу тебе то, что ты хочешь увидеть.

— И что же это?

— В этом, — она махнула рукой в сторону подвала, — грязном подполе. Я спускалась в прачечную, чтобы узнать, когда наконец мне постирают джинсы, и услышала, как вы с Рэ что-то там искали.

— Не понимаю, о чем ты...

— Да ладно, брось. Дай-ка я угадаю. Брэди сказал Рэ, что там что-то есть, так?

Я понятия не имела, о чем это она, но на всякий случай кивнула.

— Это шкатулка со всяким старым хламом. — Она презрительно скривилась. — Брэди мне показывал. Он думал, что меня такое может заинтересовать. Он сказал, что это что-то типа антиквариата. Просто блеск. — Она поежилась. — И когда я не стала восхищаться, типа «Ух ты, как это так мило и романтично! Обожаю гнилые ожерелья, спрятанные в грязном подвале», он, должно быть, рассказал об этом Рэ. Если хочешь, я тебе покажу.

— Можно. Давай сегодня вечером...

— Думаешь, я рискну опять впасть в немилость? Я покажу тебе сейчас, чтобы потом еще успеть помыться. И не надейся, что сможешь найти это без меня. Не найдешь.

Я колебалась.

Она сжала губы.

— Отлично. Не хочешь мне помогать? Очень мило с твоей стороны.

Она направилась к двери.

Я спустила ноги с кровати.

— Подожди. Я иду.

Глава 27

Я влезла по лестнице, толкнула дверцу и заглянула в темный проем. Потом отпрянула и обернулась к Тори.

— У Рэ был фонарик. Ничего не видно. Раздраженный вздох.

— Где он?

— Не знаю. Я думала, ты...

— Откуда мне знать, где они держат фонарики? Думаешь, я тут шныряю по ночам? Или читаю грязные журналы под одеялом? Давай, лезь... — Она замолчала. Губы искривились в презрительной усмешке. — Ах, да. Ты, наверное, боишься темноты?

— Откуда ты...

Она дернула меня за штанину.

— Спускайся, мелюзга. Я пойду первой... и разгоню злобных призраков.

— Не надо, я сама.

Просто надо дать глазам привыкнуть к темноте. Вот сейчас нужна Рэ с ее спичками. Погоди-ка. Спички. Она же кинула их куда-то сюда. Я пощупала вокруг, но на грязном земляном полу коробок было не отыскать.

— Алле? — донесся снизу голос Тори. — Ты там застыла от ужаса, что ли? Давай, двигай или пусти меня.

Я поползла вперед.

— Поверни налево, — скомандовала Тори, влезая вслед за мной. — Это на полпути к стене.

Мы проползли метров шесть, когда она скомандовала:

— Поворачивай направо. Видишь ту колонну?

Я прищурилась и с трудом разглядела столб, поддерживающий потолок.

— Это прямо за ним.

Я подползла к столбу и стала щупать вокруг него.

— За ним, а не рядом. Ты хоть что-то можешь? Дай я сама.

Она потянулась к моей руке, обхватила ее и дернула на себя, так что я потеряла равновесие.

— Эй! — вскрикнула я. — Ты чего?

— Больно? — Ее пальцы впились сильнее. Когда я попыталась вырвать руку, Тори двинула мне коленом в грудь, и я от боли согнулась пополам. — Ты хоть знаешь, какие неприятности ты навлекла на меня, Хло? Ты приезжаешь сюда, делаешь так, чтобы Лизу перевели, уводишь у меня Симона, а теперь еще и разрушаешь мою надежду выбраться отсюда в ближайшее время. Что ж, теперь выбирайся отсюда сама, как знаешь. У тебя билет в один конец — в психушку. Давай посмотрим, насколько ты действительно боишься темноты.

Она подняла что-то прямоугольное. Сломанный кирпич? Размахнулась. Затылок взорвался болью, и я упала лицом вниз, ощутив привкус земли во рту, прежде чем все померкло.

Несколько раз я приходила в себя, и мой внутренний голос вопил: «Надо встать!», но затуманенный мозг заверял: «Это все таблетки», и я снова погружалась в беспамятство.

Наконец я вспомнила, что не принимала сегодня таблеток, и очнулась. Рядом слышалось тяжелое дыхание. Я лежала, в голове еще был полный туман, сердце бешено колотилось. Я попыталась крикнуть: «Кто здесь?» Но губы не слушались.

Я дико дернулась, но подняться не смогла. Я не могла шевельнуть ни руками, ни ногами и едва дышала. Неистово борясь за каждый вдох, я вдруг поняла, кто был источником тяжелого дыхания. Я.

Я заставила себя лечь смирно и успокоиться. Что-то прилипло к моим щекам и оттягивало кожу, когда я пыталась шевельнуться. Скотч. Мне заклеили рот.

Руки были связаны у меня за спиной, а ноги... я вгляделась в темноту, пытаюсь рассмотреть, что с ногами. Но дверь была закрыта, поэтому я ничего не видела. Тогда я пошевелила ногами и почувствовала, что их что-то крепко держит у лодыжек. Связаны.

Вот ведь сумасшедшая сучка!

Никогда не думала, что назову так кого-нибудь, но для Тори никаких других слов не находилось.

Она не просто заманила меня в эту дыру и отключила. Она еще и связала меня, и заклеила рот.

Она сумасшедшая. Абсолютно сумасшедшая.

Что ж, поэтому она и заперта в этом заведении. Душевнобольная. Читай вывески, Хло. Сама дура, если забыла, где ты.

И вот теперь я застряла здесь, связанная и немая, в темноте. Остается только ждать, пока кто-нибудь найдет меня.

А меня найдут?

Ну, конечно. Не оставят же они меня здесь гнить.

«Ты могла пробыть без сознания несколько часов. Может, они уже перестали искать? Они могут подумать, что ты сбежала».

Неважно. Как только Тори до конца насладится своей шуткой и мекьтью, она даст знать, где меня искать.

«А ты уверена? Она же сумасшедшая. Ее волнует только одно — как бы избавиться от тебя. Может, она решит, что будет лучше, если тебя никогда не найдут. Несколько дней без воды...»

Прекрати.

Они решат, что сюда кто-то вломился. Связал бедную Хло и оставил в этом мерзком месте. Отличная будет история. Последняя история про Хло.

Смешно. Они найдут меня. Рано или поздно. Но я-то не собираюсь так просто лежать тут и ждать, когда придет спасение.

Я перевернулась на спину и попыталась приподняться. Не удалось. Тогда я повернулась на бок и стала корчиться и кататься по земле, пока не поднялась на колени.

Ну вот. По крайней мере, я могу немного продвинуться вперед. Если бы мне удалось добраться до дверцы! Это будет небыстро, конечно, но...

— Хло?

Мужской голос. Доктор Давыдов? Я попыталась ответить, но смогла выдать только приглушенное «ух-ху».

— ...твое имя... Хло...

Голос приблизился, и я узнала его. Это же подвальный призрак.

Я внутренне подобралась и попыталась оглядеться. Правда, в такой кромешной тьме я бы все равно ничего не увидела.

Кромешная тьма.

— ...расслабься... придут за тобой...

Я еще подвинулась вперед и ткнулась носом прямо в столб. От боли в глазах взорвался сноп искр и выступили слезы. Я наклонила голову и упала на бок.

Вставай.

Какой смысл? Я едва могу двигаться. Я не вижу, куда ползу. Здесь так темно.

Я подняла голову, но, конечно, ничего не увидела. Призраки могут быть повсюду, могут окружать меня...

Ой, да прекрати! Они же призраки. Они ничего не могут тебе сделать. Они не могут «прийти за тобой».

— ...призови их... ты должна...

Я закрыла глаза и сосредоточилась на дыхании. Дыхание и ничего другого. Так можно заглушить этот голос.

— ...помочь тебе... послушай... этот дом...

Как бы я ни была испугана, но как только услышала слова «этот дом», да еще произнесенные так настойчиво, я невольно вслушалась.

— ...хорошо... расслабься... сконцентрируйся...

Я снова налегла на свои узы, пытаюсь подняться.

— Нет, расслабься... придут за тобой... используй время... вступи в контакт... я не могу... должен рассказать... их историю... очень важно...

Я ловила каждое слово, пытаюсь понять, что он говорит. Расслабься и сконцентрируйся? Похоже на то, что советовала Рэ. Когда я была с ней, это сработало, во всяком случае, мне хватило, чтобы увидеть, как что-то мелькнуло.

Я закрыла глаза.

— ...хорошо... расслабься... призови...

Я зажмурилась и попыталась представить, как вступаю с ним в контакт. Попробовала нарисовать его. Напрягалась так, что заломило в висках.

— ...дита... не так...

Его голос стал громче. Я сжала кулаки, заставляя себя пробиться сквозь барьер и вступить в разговор с мертвым...

— Нет! — вскричал призрак. — Не надо!..

Я вскинула голову и открыла глаза.

«Ты здесь?» — мысленно спросила я, потом попробовала произнести это вслух, но опять раздалось лишь «ух-ху-ху».

Минуты две прошли в полной тишине. Вот тебе и пробилась сквозь барьер. Да я, наверное, оттолкнула его еще дальше, так что теперь не достанешь.

Что ж, во всяком случае, эта интерлюдия дала мне время успокоиться. Мое сердце уже не билось по-кроличьи быстро, и даже темнота уже не так пугала. Если бы только удалось подползти к двери и заколотить в нее...

А в каком направлении дверь?

Придется выяснять самой.

Я двинулась в направлении тончайшей полоски света. Тут пол подо мной тряхнуло, и я упала.

Когда я выпрямилась, путы у меня на руках немного ослабли. Я выкрутила запястья, пытаюсь

развести руки как можно шире. Не знаю, каким узлом Тори завязала веревку, но завязала она плохо, и теперь узел распускался.

«Богатенькие девчонки», — вот что сказала бы Рэ.

Мне удалось освободить руки. Когда я потянулась к ногам, толчок повторился — на этот раз гораздо сильнее, и мне пришлось ухватиться за столб, чтобы не упасть.

Землетрясение?

С моим везением можно было в этом не сомневаться. Я немного подождала, потом снова занялась веревкой, стягивающей мне ноги. Она была перекручена и завязана узлами в нескольких местах. Такое ощущение, что узлы уже были на ней до того, как Тори ее нашла. Найти нужный узел в темноте — это...

Какой-то хруст оборвал все мои мысли. Похоже, кто-то ступил на земляной пол. Но призраки не производят при движении никаких звуков. Я прислушалась. Вот снова — треск, хруст, как будто кто-то бросил на пол пригоршню гальки.

Я с трудом сглотнула и продолжила бороться с узлом.

А что, если здесь, кроме меня, есть еще кто-то живой? Кто-то, кто может причинить мне вред?

Какое-то царапанье позади меня. Я подскочила, ударившись боком об столб. Я не вскрикнула только потому, что рот был заклеен. Я всматривалась в темноту, а сердце колотилось так сильно, что я сама его слышала.

Бумк-бумк-бумк.

Это не мое сердце.

Звук доносился слева. Для шагов слишком мягкий. Больше похоже на то, что кто-то ползет ко мне.

— Прекратите!

Я думала, что произнесла это мысленно, но слова, приглушенные скотчем, сами вырвались у меня из глотки. Глухие удары стихли. Зато раздался какой-то гортанный звук, похожий на рык.

Господи! Здесь не кто-то, а что-то. Какой-то зверь.

Крот. Мы с Рэ вчера видели дохлого крота.

Крот? Рычит? И топает так сильно, что слышно на другом конце подвала?

Просто замри. Если замереть, он тебя не найдет.

Это хищник! Идиотка! Это хищники и динозавры не найдут тебя, если не шевелиться. Но здесь не Парк юрского периода!

Я подавилась истеричным смехом и постаралась проглотить его, сведя все до тихого всхлипа. Глухие звуки стали теперь гораздо ближе и громче, и к ним примешался какой-то новый звук. Клацанье.

Клик-клацк-клик-клацк.

Что это?

«Ты собираешься сидеть здесь и ждать?»

Я потянулась к скотчу, закрывавшему мне рот, но никак не могла отодрать его. Пришлось сдаться и снова заняться веревкой на ногах. Пальцы скользили по ней так быстро, что их стало саднить. У каждого узла я притормаживала и искала свободный конец веревки. Не найдя, двигалась дальше, пока...

Вот он. Свободный конец.

Я трудилась над узлом, тянула то за один конец, то за другой, надеясь, что где-то он наконец поддастся. Я полностью сосредоточилась на этой задаче, отрешившись от всех внешних звуков.

Мне как раз удалось просунуть палец под одну из петель узла, и тут позади меня что-то загремело. Затем последовало шуршание и снова клик-клацк.

В нос мне ударил густой запах плесени. А потом по моей руке скользнули чьи-то ледяные пальцы.

Во мне что-то... оборвалось. Тоненькая струйка сбежала у меня по ноге, но я даже не заметила этого. Я сидела, застыв, стараясь не шевелиться и даже не дышать, так что у меня даже заныла челюсть.

Я следила за этим шуршащим, гремящим, тикающим существом, а оно кружило вокруг меня. К этому присоединился еще один звук — долгий, глухой всхлип. Мой всхлип. Я пыталась сдержать его, но это было выше моих сил. Я сидела, скорчившись, парализованная страхом настолько, что в голове не осталось ни единой мысли.

И тут оно снова дотронулось до меня. Длинные, холодные, сухие пальцы — или что там у него было — коснулись моей шеи сзади. Непередаваемый чмокающе-хлюпающе-шуршащий звук заставил мои волосы встать дыбом. Этот звук повторялся, пока не вылился в слово. Чудовищно исковерканное слово, которое не могло слететь с уст человека. И это единственное слово повторялось бесконечно.

— Помоги. Помоги. Помоги. Помоги.

Я дернулась вперед, чтобы оказаться подальше от этого существа. Но ноги у меня все еще были связаны, и я упала лицом вниз. Я тут же поднялась на четвереньки и поползла к маячившей впереди дверце.

Шипение и клацанье доносились теперь с другой стороны.

Еще один.

Господи, да кто они такие? Сколько их здесь?

Неважно! Ползи!

Наконец я дотащилась до дверцы. Пальцы скользнули по доскам люка. Я толкнула, но она не поддалась.

Заперто.

Я собралась с силами и ударила кулаком в дверь. Я колотила, кричала и звала на помощь.

Холодные пальцы обвилились вокруг моей лодыжки.

Глава 28

Моя рука наткнулась на что-то. Коробок спичек.

Я схватила его и стала судорожно открывать. Дрожащей рукой я вынула спичку, перевернула коробок, пальцами нащупывая полоску с серой. Вот она.

— Помоги. Помоги. Помоги мне.

Я на мгновение замерла, а потом стала брыкаться и пинаться, пытаюсь вырвать связанные ноги из ледяных пальцев. При этом я выронила спичку. Пришлось искать ее наощупь.

Возьми другую!

Я так и сделала. Снова нащупала полоску серы, крепко зажала спичку в руках и... поняла, что понятия не имею, как ее зажигать. В лагере только вожатые разжигали костер. Сигареты я не курила и не разделяла увлечение других девчонок свечами.

Ты наверняка уже делала это.

Возможно. Но я не помню...

Какая разница! Ты ведь видела, как это делают в кино? Неужели так трудно?

Я снова сжала спичку и чиркнула ею... она сломалась. Я вытащила другую. Сколько там еще осталось? Не так уж много.

На этот раз я взяла спичку поближе к головке. Чиркнула. Ничего. Я чиркнула еще раз, и головка загорелась, опалив мои пальцы. Но я не бросила спичку. Пламя разгорелось поярче, но света все равно давало мало. Я хорошо видела свою руку, а вот дальше — темнота.

Хотя нет, вот справа что-то видно. Двигается по полу. Я могла различить лишь смутную тень, подползающую ко мне. Нечто большое и длинное. Ко мне потянулось что-то, похожее на руку. Бледная, почти белая рука, вся в пятнах, с длинными пальцами — ее отчетливо было видно на фоне грязного земляного пола.

Руки вытягивались вперед, впивались в землю и подтягивали за собой тело. Я видела одежды — рваные хламиды. В нос бил запах грязи и плесени.

Я подняла спичку повыше. Существо подняло голову — череп, с которого свисали клочья почерневшей плоти и грязных сухих волос. Пустые глазницы обратились в мою сторону. Челюсти разомкнулись, зубы клацнули, когда оно попыталось заговорить. Но раздался опять только душераздирающий гортанный стон:

— Помоги. Помоги мне.

Я закричала так протяжно и громко, что мне показалось, вот-вот лопнет голова. Все, что у меня еще оставалось в мочевом пузыре, потекло наружу. Я бросила спичку на пол. Та зашипела и погасла. Но прежде я успела увидеть, как костяная рука потянулась к моей ноге, а сзади к первому трупу уже подтягивался второй.

Пару секунд я просто сидела, сжавшись от ужаса. Мои крики теперь были уже не громче всхлипа. Потом эта костяная рука обвилась вокруг моей ноги, холодные костяшки впились в плоть, а обрывки одеяния защекотали голую ногу. Я не могла видеть этого, но отчетливо представляла, и одного этого было достаточно, чтобы привести меня в чувство.

Я брыкнулась и высвободила ногу. Когда я пнула существо, раздался сухой треск, как будто что-то лопнуло. Я отползла чуть в сторону. Кто-то произносил мое имя и просил остановиться.

Я попыталась сорвать скотч, которым был заклеен рот, но все никак не могла нащупать край ленты. Тогда я бросила это пустое занятие и поползла. Я ползла изо всех сил и так долго, пока наконец клацанье и шипение не затихли где-то вдалеке.

— Хло! Остановись. — Надо мной нависла темная фигура, подсвеченная каким-то бледным светом. — Это...

Я пнула со всей силы. Существо зашипело от боли и чертыхнулось.

— Хло!

Пальцы сомкнулись у меня на руке. Я размахнулась свободной рукой. Меня схватили и вздернули на ноги.

— Хло, это я, Дерек.

Не знаю, что я сделала после этого. Наверное, упала в его объятия, но я предпочитаю не вспоминать об этом. Вот что я отчетливо помню, так это как он сорвал ленту с моего рта. Тут снова послышались глухие удары и клик-клацк.

— Т-т-там...

— Мертвецы, я знаю. Наверное, они были захоронены здесь. Ты случайно подняла их.

— П-п-подняла?

— Потом. Сейчас тебе надо...

Глухие удары послышались снова, и я увидела призраков — как они ковыляют и хромают ко мне. Услышала шорох их сгнивших одежд и ссохшейся плоти. Бряканье их костей. Их души, заключенные в мертвых телах...

— Хло, сфокусируйся!

Дерек схватил меня за руку и подтянул к себе, так что я видела его белые зубы, когда он говорил. У него из-за спины пробивался бледный свет, который я заметила раньше. Дверца была открыта и пропускала ровно столько света, что можно было различить очертания наших фигур.

— Они тебе ничего не сделают. Это не пожирающие мозг зомби из фильмов ужасов, поняла? Это просто мертвые тела, в которые вернулись души.

Просто мертвые тела? В них вернулись души? Я отослала людей — точнее, их призраков — обратно в их тела? Я попыталась представить, каково это — вернуться в свое разложившееся тело и застрять там...

— Я-я-я-я должна отослать их обратно.

— Вот-вот, в этом и состоит основная идея.

Из-за стресса весь сарказм из его слов улетучился. Перестав дрожать, я почувствовала, как напряжен он сам, как подрагивают его руки, которыми он крепко удерживал меня за плечи. И поняла, что он сам из последних сил старается сохранить спокойствие. Я потерла ладонями лицо. В нос мне ударил запах влажной земли и плесени.

— Ладно. И как мне отослать их назад?

Тишина. Я подняла голову.

— Дерек?

— Я... я не знаю. — Он встряхнулся и расправил плечи. В его голос вернулась привычная угрюмость. — Ты призвала их, Хло. Уж не знаю, как ты это сделала, но теперь отменяй это. Сделай все наоборот.

— Я ничего не...

— Просто попробуй.

Я закрыла глаза.

— Ступайте назад. Назад, в свою загробную жизнь. Я отпускаю вас.

Я повторяла эти слова, так сильно сосредоточившись, что от усердия у меня пот потек по вискам. Но глухие шаги раздавались все ближе и ближе.

Я снова закрыла глаза и попыталась представить себе кино, в котором юному неопытному некроманту надо отправить души обратно в загробный мир. Заставила себя представить мертвецов. Мне виделось, как я взываю к их душам, освобождая их от ненужных земных уз. Представила, как их души взлетают...

— Помоги. Помоги.

В горле у меня тут же пересохло. Голос раздался прямо у меня за спиной. Я открыла глаза.

Дерек ругнулся и еще крепче ухватил меня за плечи.

— Не открывай глаза, Хло. Просто помни, что они не могут причинить тебе вреда.

Костлявый палец ткнулся мне в локоть. Я подскочила.

— Все в порядке, Хло. Я здесь. Продолжай.

Я застыла. Костяшки пальцев трогали мою руку, скользили по ней, гладили, щупали. Кость царапнула меня по коже. Что-то прошуршало — это мертвец подобрался поближе. Его запах...

— Представляй себе.

— Я так и делаю.

— Не так!

Я закрыла глаза — что, в общем-то, не имело смысла, поскольку все равно ничего не было видно, — но мне стало легче. Пальцы ползли и тыкали меня в спину, дергали рубашку. Мертвецы пытались заговорить, но у них получалось лишь гах-гах-гах.

Я стиснула зубы и постаралась абстрагироваться. Это не так-то просто, когда знаешь, кто именно тебя трогает и кто прижимается сбоку...

Хватит уже!

Я сосредоточилась на дыхании Дерека. Медленные, глубокие вдохи через рот. Он из последних сил старался оставаться спокойным.

Глубокие вдохи. Глубокие вдохи. Найти тихое местечко. Придумать его.

Постепенно звуки, запахи и ощущения внешнего мира поблекли. Я зажмурилась и позволила себе провалиться в свое воображение. Сосредоточилась на телах, представляя, как вытягиваю из них души, освобождаю их, словно голубей из клеток, и запускаю в небо, к солнцу.

Я прокручивала эту картинку — освобождаю души, желаю им всего доброго, прошу прощения и отпускаю. Как-то смутно до меня доносился голос Дерека — он говорил, что у меня все отлично получается, — но его голос плыл где-то вдалеке, на грани моего сознания. Настоящий мир сейчас был здесь — где я исправляла свою ошибку, обращая вспять...

— Они ушли, Хло, — прошептал Дерек.

Я остановилась. Я все еще чувствовала костяные пальцы, сжимавшие мне ногу, и тело, прислонившееся ко мне, но призраки уже не двигались. Когда я дернулась, труп упал к моим ногам — пустая оболочка рассыпалась.

Дерек протяжно выдохнул и взъерошил пятерней волосы. Через мгновение он, словно вспомнив о чем-то, поинтересовался, как я.

— Жить буду.

И еще один дрожащий глубокий выдох. Потом он посмотрел на труп.

— Похоже, нам тут предстоит работенка.

Глава 29

Под «работенкой» он имел в виду уборку. Точнее, захоронение мертвецов. Единственное, что могу сказать: я была рада, что даже при открытой дверце там было слишком темно, чтобы как следует разглядеть эти трупы.

Могилы были мелкие, едва ли несколько сантиметров земли над телом. Так что мертвецы смогли процарапать себе путь наверх, как только души вернулись в их тела. Но я старалась не

думать об этом.

Можно было с уверенностью сказать, что они были захоронены здесь давно, наверное, раньше, чем Лайл стал пансионом. И это были взрослые люди. На данный момент это все, что мне надо было узнать.

Пока мы работали, я спросила Дерека, как он меня нашел. Он ответил, что как только узнал, что Тори тоже осталась, сразу понял, что она что-то задумала, и решил посмотреть, как у меня дела. Как именно он меня нашел, он не сказал, только промычал что-то насчет того, что проверил «очевидные места», когда понял, что меня нигде нет.

Теперь вставал следующий вопрос: что делать с Тори?

— Ничего, — ответила я, вытирая об себя руки, после того как разровняла вторую могилку.

— Что?

Приятно было для разнообразия услышать этот вопрос от него.

— Я собираюсь вести себя, как будто ничего не случилось.

Он поразмыслил над этим и кивнул.

— Да. Если ты выдвинешь против нее обвинения, обстановка только еще накалится. Лучше игнорировать ее и надеяться, что она сдастся.

— Молиться, что она сдастся, — пробормотала я, подползая к двери.

— Там внизу есть чистая одежда? — спросил Дерек.

— Да, в сушилке что-то осталось. А что?.. Ах, да. Наверх в грязной одежде лучше не подниматься. — Я спустилась по лестнице. — В сушилке, в основном, твоя одежда, так что...

— Хло? Дерек? — В прачечной стояла миссис Талбот. — Что вы тут делаете? Дерек, ты помнишь, что тебе нельзя... — Ее взгляд упал намою перепачканную одежду. — Господи боже мой! Что с тобой случилось?

Бесполезно было отрицать, что мы залезали в подвал. Она ведь застучала нас в тот момент, когда мы выходили из кладовки. Я сдвинула ноги, надеясь, что миссис Талбот не заметит мокрых следов. От удара кирпичом затылок дико болел, и я говорила с трудом, надеясь, что Дерек вступит в разговор. Но он молчал. Одно спасение за день, похоже, его лимит.

— Я тут стирала, а Д-дерек спустился вниз. Он искал...

В комнату вошла доктор Джил. Мой взгляд переметнулся на нее.

— Продолжай, Хло.

— Ему нужна была рубашка. Я-я спросила про пятновыводитель, потому что нигде не могла найти его. И открыла кладовку, чтобы поискать там. А Дерек сказал, что эта кладовка обычно з-заперта. Вот. Там мы нашли лестницу и дверцу в подземный ход. И нам стало любопытно.

— Да уж, ручаюсь, вас разбирало от любопытства. — Доктор Джил сложила руки на груди. —

Дети вашего возраста очень любопытны, ведь так?

— Наверное. Мы обследовали...

— Само собой, — опять вставила свой комментарий доктор Джил.

И тут я поняла, о чем она думала.

Пока я начала оправдываться, мне пришло в голову, что она дала нам прекрасную отговорку. Стоит мне только потупить глазки и сказать: «Да, вы нас поймали», они получают свое объяснение и не полезут проверять, а значит, не найдут наспех перезахороненные трупы.

Будь это Симон, я бы призналась не задумываясь. Но Дерек? Я не настолько умелый враль.

Но это и не имело значения. Чем больше я все отрицала, тем больше они убеждались, чем мы там баловались. Доктор Джил вообще уже все для себя решила. Конечно, если вы находите юношу и девушку в темном, уединенном месте, неужели и правда у кого-то возникнут сомнения, чем они там занимались?

Даже миссис Талбот в это поверила. Это было видно по тому, как она неодобрительно сжала губы, выслушивая мой жалкий лепет.

А Дерек? Он так и не сказал ни слова.

Как только нас отпустили, я поторопилась наверх, чтобы сменить джинсы, пока никто не заметил, что я описалась. Ощупав голову, я обнаружила две огромные шишки — одну от удара Тори, вторую — от столкновения со столбом.

Там, внизу, я показала одну шишку доктору Джил в надежде, что это подтвердит мою версию о том, что мы просто обследовали подпол — видите, я даже ударилась лбом. Но она глянула лишь мельком, дала мне таблетку от головной боли и велела прилечь в медиакомнате. Тетя Лорен уже ехала сюда.

— Не знаю, что и сказать, Хло.

Голос тети Лорен был чуть громче шепота. Это были ее первые слова с того момента, как она приехала. Чуть раньше я слышала, как она ругалась с доктором Джил и нянечками, желая узнать, почему они не обеспечили мою безопасность. Но сейчас, рядом со мной, весь ее гнев куда-то улетучился.

Мы были одни в кабинете доктора Джил. Точно так же, как до этого Тори с ее мамой. И хотя я знала, что встреча не закончится угрозами и синяками, что-то подсказывало мне, что чувствовать я буду себя ничуть не лучше.

Тетя Лорен сидела прямо, словно кол проглотила. Руки сложены на коленях, а пальцы непрерывно крутят изумрудное кольцо.

— Я знаю, тебе пятнадцать. И если у тебя еще не было серьезных отношений, тебе любопытно, как это происходит. И в таком месте, как это, где ты отрезана от друзей и семьи, живешь бок о бок с мальчиками, искушение поэкспериментировать...

— Все было не так. Вообще ничего такого не было. — Я повернулась к ней. — Мы нашли этот

подпол, и Дерек захотел посмотреть, что там, а я согласилась, подумав, что это будет забавно.

— И ты полезла туда за ним? После того, что он с тобой сделал в прошлый раз? — Она застыла, и разочарование в ее глазах сменилось ужасом. — О, Хло, я поверить не могу! Неужели ты подумала, что его грубость и нападки — свидетельство того, что ты ему нравишься?

— Что? Конечно, нет! Дерек не... Он просто ошибся в прошлый раз. Он не собирался причинить мне боль. Это было просто недопонимание.

Она потянулась ко мне и взяла меня за руку.

— Хло, милая, нет, нельзя попадаться на эту удочку. Нельзя его оправдывать.

— Оправдывать?

— Может, это первый мальчик, который сказал тебе: «Ты мне нравишься», и я знаю, как это приятно. Но он — не единственный, кто тебе это скажет. Просто он первый, кто набрался храбрости это сказать. Он старше. Он воспользовался ситуацией. В школе, я уверена, девчонки на него даже не глядели. А тут он оказался наедине с красивой, молодой, впечатлительной девушкой, загнанной...

— Тетя Лорен! — Я вырвала у нее руку. — Господи, да не...

— Ты можешь найти парня лучше. Гораздо лучше.

По выражению неприязни на ее лице я поняла, что она сейчас думает не о том, как Дерек обошелся со мной. И я почувствовала странный прилив злости.

Дерек не виноват, что у него такая внешность. И он явно отдавал себе в этом отчет — и в том, как другие реагировали на него. Он же не нарочно старался вызвать к себе отвращение. И взрослый человек должен бы это понимать. Тетя Лорен, наоборот, должна бы сейчас читать мне лекцию о том, что нельзя судить о человеке по его внешности.

Если у меня и была мысль признаться тете Лорен в том, как все было на самом деле, то она быстро испарилась. Она смотрела на Дерек и видела в нем мерзавца, который напал на ее племянницу. И что бы я ни сказала, ее не переубедить, потому что он и выглядел мерзавцем. И как бы я ни уверяла ее, что действительно вижу призраков, она бы не поверила, потому что у меня все признаки шизофреника.

— Ты мне ничего не скажешь, Хло?

— Ну как же? — Я сама услышала лед в своем голосе. — Я пыталась. Но ты же уже все для себя решила.

Она поерзала на стуле и придвинулась на краешек, чтобы быть поближе ко мне.

— Мне бы хотелось выслушать твою версию.

— То, что я здесь, в этом доме, то, что я «больна», — еще не значит, что я сильно изменилась за эту неделю. Неделю назад ты бы сразу заподозрила, что в этой истории что-то не так. Ты бы попросила моих объяснений до того, как стала бы обвинять в чем-то. А теперь? — Я поднялась. — Теперь я просто сумасшедшая девочка.

— Хло, я не думаю...

— Я отлично понимаю, что ты думаешь, — перебила я и вышла из кабинета.

Тетя Лорен попыталась догнать меня, что-то объяснить, но я не слушала. Я была слишком зла, слишком уязвлена. Подумать, что я миловалась в грязном подвале с первым же парнем, который проявил ко мне интерес? Такое больно ранит.

Одному богу ведомо, чем, по ее мнению, мы там занимались. Больше чем уверена, что воображение увело ее куда дальше стадии первого сладкого поцелуя. Подумать, что я так стремительно перейду от «никогда не встречалась с мальчиками» к «валялась в грязи с незнакомцем»? Это очень обидно. Оскорбительно даже. Я была в ярости.

Тетя Лорен вообще не знает меня? А если она не знает, то кто тогда знает?

Когда стало ясно, что я не собираюсь «успокаиваться» и разговаривать со своей тетей, наступило время для следующей фазы. Суд. Меня вместе с Дерексом снова вызвали в кабинет доктора Джил. Доктор Джил и доктор Давыдов исполняли роль судей и присяжных. Суд был закрытый. Даже тетю Лорен туда не допустили.

Я уже не пыталась объяснять, что мы делали в том подвале. Я уже прошла стадию, когда мне хотелось кричать: «Господи, да поверьте же мне, я не такая!» Если они считают, что мы с Дерексом обжимались в грязи, то, по крайней мере, они не полезут туда и не обнаружат следы беспорядка.

Что бы там ни думала тетя Лорен, но Дерекса, казалось, точно так же, как и меня, пугала даже мысль об этом. Когда доктор Джил пыталась выудить у него признание, он только бормотал «как вам угодно» и сидел, скрестив руки на груди. Челюсти упрямо сжаты. Как и я, он понимал, что спорить бесполезно, но и признаваться в чем бы то ни было не собирался.

— Это уже не первый раз, когда вы двое... сталкиваетесь, — подвела итог доктор Джил. — И у меня такое чувство, что не последний. Мы должны в корне пресечь это. И единственный способ это сделать — перевести одного из вас. Кто-то должен будет уехать.

— Я поеду. — Я услышала эти слова и не сразу поняла, что это сказала я.

Я что, с ума сошла? Добровольно согласиться на перевод?

Но брать свои слова назад я не стала. Если один из нас должен уехать, пусть это буду я. Как бы ни было мне страшно переходить в какое-то другое заведение, разлучать Симона и Дерекса мне тоже не хотелось.

И все же я ожидала, что Дерекс вступится. Не знаю почему — уж точно не из рыцарства. Но было бы правильно возразить хотя бы символически. Просто из вежливости... Думаю, именно поэтому он этого и не сделал.

— Никто никуда не поедет, — мягко заявил доктор Давыдов. — Пока что я делаю вам обоим предупреждение. Но не вздумайте дать мне повод вернуться к этому разговору. Понятно?

Ну конечно.

Глава 30

Когда доктора отпустили нас, мы с Дерексом вместе вышли в холл. Я попыталась приотстать,

завозившись с воображаемым пятном на юбке и дав ему время уйти вперед. Это избавило бы нас от неловкости. Но Дерек остановился, скрестив руки на груди и терпеливо барабанил пальцами по бицепсам.

Он спас меня. Я должна быть благодарна ему. Я и была благодарна. Но в тот момент... не знаю. У меня болела голова, и я все еще переживала такую реакцию своей тети.

— Что ты там трешь? — спросил он наконец.

— Пятно.

— Нет там никакого пятна.

Я выпрямилась и поправила рубашку.

— Это потому что я его очистила.

Я попыталась обойти его сбоку. Но он не пустил.

— Нам надо поговорить, — шепнул он.

— Ты думаешь, это сейчас уместно?

— Симон будет с нами, — сказал он. — Через пять минут. Во дворе.

* * *

Я действительно думала, что лучше, чтобы нас с Дерексом не видели вместе, даже если рядом будет Симон. Поэтому через пять минут я удобно устроилась на диванчике в медиакомнате, вставив в уши наушники и пытаюсь забыться в музыке.

Тут над моей головой промелькнула тень, и я подпрыгнула.

Надо мной стояла Рэ.

— Спокойно. Это всего лишь я.

Я вынула из ушей наушники.

Рэ кинула свой свитер на спинку стула.

— Так что случилось?

— Не то, что все думают.

— Ну.

Она уселась на другой конец дивана, подогнув ноги под себя и положив на колени подушку. Рэ ждала интересной истории. Она знала меня меньше недели, но понимала, что мы с Дерексом в этом подполе не развлекались.

— Я попозже тебе расскажу, — сказала я. — В комнате.

— Но ты расскажешь, правда?

Я кивнула.

— Ладно. Как все прошло?

Я рассказала ей про беседу с докторами и про тетю Лорен.

— Одно дело, когда чужие люди думают, что ты сделал то, чего сделать никак не мог. Они-то хоть тебя не знают. Но когда так считает человек, который уж точно должен тебя знать и понимать? — Я покачала головой.

— Да, я тоже с таким сталкивалась. В школе, если я делала что-то не так, меня вызывали в кабинет куратора, и он читал мне лекцию о соблазнах улицы и о том, как важно оставаться в школе. Но, простите, разве в моем личном деле есть хоть какой-то намек на то, что я могу связаться с шайкой? Или что я не придаю большого значения школе? У меня твердые четверки, и я никогда не прогуливаю уроки — так что идите читать лекции кому-нибудь другому.

Рэ прижала подушку к груди.

— Я себя убеждала: да ладно, они тебя совсем не знают. Но такую же ерунду я слышу и от своей мамы. Каждый раз она напоминает мне о моей подруге Трине. Та убежала из дома в четырнадцать лет, связалась с какой-то шайкой, и ее застрелили во время уличной перестрелки. Но алле? Какое это имеет отношение ко мне? Мы с Триной перестали дружить не просто так. Мы с ней совсем разные.

— Наверное, они желают нам добра. Но это очень больно слышать.

— Хуже всего то... — Ее взгляд скользнул куда-то поверх моей головы. — Что тебе надо?

Дерек обогнул кресло и встал прямо передо мной.

— Я, по-моему, ясно сказал «через пять минут». — Он постучал по циферблату.

— Сказал. А я ответила, что это не самая удачная идея.

— Нам надо с тобой поговорить.

Рэ начала подниматься.

— Мне позвать нянечек?

Я махнула рукой, чтобы она села, потом повернулась к Дереку.

— Нет.

Он сунул руки в карманы, покачался на пятках и наконец выдал:

— Симон хочет с тобой поговорить.

— А у Симона ноги есть? — спросила Рэ. — А рот? Ты что, его верный святой Бернарду, который ходит и передает послания своего хозяина?

Дерек повернулся спиной к Рэ.

— Хло? — В его голосе послышались нотки мольбы, и моя решимость начала таять. — Хло, пож... — Он задержался на последнем звуке, растянув его. Я подумала, что он вот-вот скажет «пожалуйста». И если бы он это сказал, я бы сдалась, несмотря на свою решимость избегать опасных ситуаций. Но через мгновение он проглотил звук, развернулся и вышел.

— Пока! — крикнула ему вслед Рэ. — Всегда приятно побеседовать с тобой! — Она повернулась ко мне. — Так ты расскажешь мне, к чему все это?

— Обещаю. Ну, как вы поплавали?

— Да нормально. Приятно вырваться отсюда хоть ненадолго. Но особого веселья там, конечно, не было. Симон наматывал круги по дорожке, а я едва бултыхаюсь по-собачьи. Так что каждый плавал сам по себе. Ничего нового. Правда, у них там есть клевая горка, я...

Она снова глянула поверх моей головы и предупредила меня кивком головы.

— Привет, — сказал Симон.

Он присел на подлокотник, и я потеснилась, давая ему место. Там, правда, сидела Рэ, так что двигаться особо было некуда, и бедро Симона прижалось к моему плечу.

— Я... — начала было я.

— Не хочешь выходить на улицу, — закончил он за меня. — Ничего страшного. Мы можем спрятаться от Дерека и тут. Посмотрим, как быстро он нас отыщет.

— Я оставлю вас... — начала Рэ, вставая со своего места.

— Нет, останься, — попросил Симон. — Я вовсе не хотел мешать вашей беседе.

— Ты и не помешал. Но у меня есть домашние дела, так что мне лучше пойти заняться ими.

Когда она ушла, я отодвинулась. Симон тут же скользнул на диван рядом со мной. Я оставила ему достаточно места, но он все равно сел близко, правда, не касаясь меня. Я смотрела на узкую полоску дивана, разделявшую нас, не зная, что делать или говорить дальше.

Надо мной витал ужас, пережитый в подвале. Его немного заглушали шок, боль и смятение от последующего разговора с докторами и тетей Лорен. Но сейчас они стали понемногу рассеиваться, и ужас снова придавил меня, и воспоминания вернулись.

— Мне ужасно жаль, — сказал Симон. — Насчет Тори. Я знаю, она разозлилась, когда увидела нас вместе, я попытался поговорить с ней и образумить. Но, похоже, сделал только хуже.

— Ты тут ни при чем. У нее проблемы.

Он коротко рассмеялся.

— Да, можно и так сказать. — Через минуту он посмотрел на меня и спросил. — Ты в порядке?

Я кивнула.

Он наклонился ко мне, прижавшись плечом к плечу, и прошептал на ухо:

— А я бы на твоём месте был перепуган до чертиков.

Я наклонила голову, и прядка волос упала вперед.

Свободной рукой он потянулся поправить ее, но остановился. Откашлялся, но ничего не сказал.

— Было даже интересно, — сказала я спустя какое-то время.

— Да уж. Такое хорошо смотреть в кино, но вот в реальной жизни... — Наши глаза встретились. — Совсем не так приятно, да?

Я кивнула.

— Не так.

Он повернулся, сев в уголок дивана.

— Какой твой любимый фильм? Про зомби?

Я подавилась смешком, и в этот момент тяжесть пережитого вдруг стала уменьшаться. Мысли стали понемногу приходить в порядок. Я постараюсь забыть о том, что случилось, и быть сильной и мужественной, как Дерек. Поднимать мертвых из могил? Подумаешь, делов-то! Отослать их обратно, захоронить — да пожалуйста! Что там у нас дальше?

Но сделать это было не так-то просто. Я все так же видела их, чувствовала их смрад, ощущала прикосновения. Внутри все сжималось от пережитого ужаса. А потом я вспомнила, что сотворила с ними и какой ужас испытали они. Для меня сейчас лучше всего было бы немного отстраниться. Не забыть — нет, просто отодвинуть в сторону, переключившись на кино.

И вот мы с Симоном стали говорить о фильмах про зомби, спорить и обсуждать их достоинства и недостатки. Хотя, судя по рейтингу, ни он, ни я смотреть эти фильмы не должны — они не для детей.

— Да там лучшие спецэффекты! — заявил Симон.

— Ну конечно. Если побольше всего взрывать, то можно прикрыть даже самые огромные дыры в сюжете.

— Сюжет? Ты о чем? Это же ужастики.

Симон уже переместился на пол, где изображал особенно нелепую «сцену смерти». Я лежала на диване и смотрела на него.

— Дай-ка угадаю, — сказал он. — Ты снимешь первый в мире ужастик в жанре арт-хаус и представишь его на фестивале в Сандунах.

— Во-первых, Сандэнс. А во-вторых, нет. Если мне придется поставить хоть один фильм арт-хаус, — я содрогнулась, — лучше пристрелите меня сейчас.

Симон заулыбался и сел.

— Тут я с тобой солидарен. Меня тоже, пожалуйста, избавьте от арт-хауса. Правда, я и не собираюсь ни сценарии писать, ни фильмы ставить. Ну а ты чем хочешь заниматься? В смысле, писать или снимать?

— Если получится, и то, и другое. Сценарий — это душа истории, но если ты хочешь, чтобы она воплотилась в жизнь, надо быть и режиссером, потому что в Голливуде режиссер — это король. А сценаристы? Да их едва замечают.

— Так, значит, режиссер на вершине?

— Нет, на вершине — студия. Режиссер — король. А студия — бог. Им надо только то, что можно продать. То, что заполнит их четыре сектора.

— Сектора?

— Ну да, четыре основные демографические группы. Мужчины и женщины с разделением на молодых и пожилых. Задействуй все четыре — и у тебя на руках блокбастер... и довольная студия. Но с фильмом про зомби такого никогда не случится, как бы хорошо его ни сделали.

Симон перевернулся на живот.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я, может, и прозябаю в Буффало, но связь-то у меня есть. Я получаю журнал «Варьете», «Кинодраматургия», еще кое-какие профессиональные киножурналы, читаю профессиональные блоги... Если хочешь работать в этом бизнесе, его надо знать. И чем раньше узнаешь, тем лучше.

— Бог мой. Я еще даже не знаю, кем вообще хочу быть.

— Я могу нанять тебя для обеспечения всех спецэффектов с туманом.

Он рассмеялся и посмотрел поверх моей головы.

— Привет, братишка. Надышался свежим воздухом?

— Мне нужно поговорить. — Дерек посмотрел на нас. — С вами обоими.

— Тогда бери стул. На данный момент тема беседы — фильмы про зомби. — Симон глянул на меня. — Мы ведь еще не закончили ее обсуждать?

— Думаю, нет.

— Фильмы про зомби? — медленно повторил Дерек, словно ослышался. Лицо у него потемнело, и он понизил голос. — Вы что, забыли, что сегодня произошло?

— Нет. Именно поэтому мы об этом и говорим. — Симон улыбнулся. — Вроде как.

Дерек еще чуть понизил голос.

— Хло в опасности. В серьезной опасности. И вы тут сидите и лясы точите про ужастики?

— Лясы? Точим? Отличное выражение. Сразу настраивает на нужный лад. Ты что хотел этим сказать? Я прекрасно знаю, что случилось, и что это может значить для Хло. Но небо не рухнет, если мы не обсудим это сию же секунду. — Он потянулся. — А сейчас, думаю, нам всем не помешает освежиться.

— Освежиться? — Дерек подошел к Симону. — Да ты, по-моему, только этим и занимаешься

все время.

Я встала.

— Я-я-я... пожалуй, пойду посмотрю, не помочь ли Рэ.

Симон сел.

— Подожди. Мы почти закончили. — Он повернулся к Дереку. — Так ведь?

— Конечно. Давай. Не принимай ничего всерьез. Уверен, в любую секунду сюда примчится папа и спасет нас всех. А что, если он сам в беде? Если ему нужна помощь? Ну, тогда ему не повезло, потому что это потребует от тебя усилий, а ты очень занят... прохлаждаешься.

Симон вскочил на ноги. Дерек не двинулся с места. Несколько секунд они прожигали друг друга взглядами, потом Симон подтолкнул меня к выходу.

— Пойдем.

Я засомневалась, но он одними губами произнес:

— Пожалуйста.

Я кивнула, и мы оба вышли.

Глава 31

Мы шли по коридору, и я смотрела на Симона. Лицо у него словно застыло и ничего не выражало. Поймав мой взгляд, он через силу улыбнулся, чтобы подбодрить меня и показать, что ничуть на меня не злится.

— Миссис Талбот? — позвал он. — Можно мне пойти погулять? Покидать мяч в кольцо, пока не стемнело?

— Конечно, дорогой.

Мы ждали у двери. Она вышла из кухни, вытирая полотенцем руки, и нажала на пульте код. Только после этого повернулась и увидела, что Симон не один.

— А, Хло... Не думаю, что вам двоим стоит...

— Это всего лишь баскетбол, миссис Талбот. — Симон толкнул дверь и придержал ее для меня. — Если надо, вы можете последить за нами в окно.

— Ладно... только никуда не уходите. Чтобы я вас все время видела.

Но Симон уже закрыл за нами дверь и быстрым шагом направился к площадке, так что мне пришлось бежать за ним вприпрыжку, чтобы не отстать. Потом я оглянулась. Дверь закрыта, и миссис Талбот за нами не следит.

Симон огляделся.

— Ты видишь мяч?

— Он, наверное, в сарае, — ответила я. — Пойду принесу...

Он взял меня за локоть.

— Не надо. Если, конечно, ты и впрямь не хочешь поиграть...

Я покачала головой. Симон отвел меня к скамейке в центральной части сада.

— Талбот все равно видит нас из окна. — Он вздохнул. — Дерек знает, на какие кнопки во мне нажимать. И что хуже всего? Я ведь понимаю, что он манипулирует, но все равно ведусь на это. Глупо, глупо, глупо.

Какое-то время он ничего не говорил, только осматривал двор.

— Дерек хочет, чтобы мы с ним отправились на поиски отца.

— Как? Сбежали отсюда? Вы не можете...

— Да это не так сложно. — Симон уселся на скамейку. — Когда тебя воспитывают, как воспитывали нас, сверхъестественных, это... совсем иначе. Совсем другие правила игры. Без этого просто никак. И если случается беда, надо мчаться.

— Но тебе не хочется бежать отсюда?

— Еще как хочется. Я думаю об этом с той самой секунды, как попал сюда. Отец где-то там... и может, попал в беду, а я сижу тут, в пансионе? Хожу на уроки? Болтаюсь на улице с Дерекком? Веду себя как ни в чем не бывало? Да меня это просто убивает, Хло. Дерек прекрасно знает, как я хочу отсюда вырваться.

— А где ваш папа?

Он потряс головой.

— Мы не знаем. Он просто... Понимаешь, что-то пошло не так, и он просто исчез, а мы оказались здесь. Это длинная история...

— Тогда она может подождать.

— Спасибо. В общем, суть в том, что он исчез, и я уверен, он это сделал не по собственной воле. А мы застряли здесь, ждем, когда нас выпустят. И что потом? Куда нам идти? У нас нет бабушки, или дядюшки, или друга семьи, готового взять нас к себе. Нас отправят в приют, и тогда придется бежать оттуда. Так какой смысл дожидаться?

— Понятно. Вы хотите бежать сейчас, но не можете.

— Можем. У Дерекка есть план. — Он рассмеялся. — Поверь мне, у него всегда есть план. Но это план побега для одного — для меня. Он не бежит. Отказывается напрочь.

— Что? Он внушает тебе чувство вины из-за того, что ты не бежишь, а сам остается?

— Да, знаю. Не хочу, чтобы ты подумала, что я просто его защищаю, но у него есть на то причина. Причина дурацкая, но для него это много значит. И бесполезно пытаться его переубедить. Он просто... боится.

— Боится?

Симон разглядывал свои руки.

— Все очень сложно. Но идея Дерекса заключается в том, чтобы я отправился на поиски отца. Папа научил меня, как входить с ним в контакт. Заклинания. Но я не могу бросить Дерекса.

— Не можешь?

— Точнее, не хочу. Я волнуюсь за папу, но он может о себе позаботиться гораздо лучше, чем Дерекс.

Должно быть, вид у меня был скептический, потому что Симон тут же пояснил:

— Знаю, кажется, что он может за себя постоять, и чаще всего так оно и есть, но в некоторых ситуациях... — Он покачал головой. — Все очень непросто. Если я смотаюсь, а что-то пойдет не так, то, боюсь, он просто... сдастся.

— Я не понимаю.

— Я знаю. — Он снова принялся разглядывать свои руки. — Знаю, что все это кажется бессмыслицей, но...

— Все очень непросто.

— Да. Но... — Он вздохнул. — Но я уже начинаю думать, что пришло время воспользоваться шансом. Дерекс прав. Просто сидеть и ждать бессмысленно. Теперь надо еще и о тебе подумать. Тебе надо отсюда выбираться.

— Правда? — Это прозвучало как писк.

— Дерекс прав. Как бы мы ни старались скрыть твои способности, они не как у меня. Их не спрячешь. Особенно когда живешь, словно под микроскопом.

— Если добиться, чтобы меня перевели в больницу, то может проскочить.

— А что, если это не просто перевод? — Он посмотрел на меня, в его глазах билась тревога. — Мне не дает покоя то, что ты рассказала про Лизу. Может, она действительно шаман? Или, если она умерла, то это был несчастный случай? Зачем им убивать детей, которые не идут на поправку? Звучит безумно, но даже Дерекс встревожился.

— Дерекс? Но он сказал...

— Знаю, что он сказал. Но когда я разговаривал с ним позже, он уже не так рьяно все отметал. Даже сам задал несколько вопросов. А для Дерекса это почти равнозначно согласию. Но тебе все равно нужна помощь. Допустим, ты будешь твердить, что все в порядке, и тебя скоро отпустят. Что ты будешь делать? Как ты научишься снова вести нормальную жизнь?

Нормальную. Какое простое и даже скучное слово. Забавно, как оно засверкало для меня сейчас, словно медное колечко на карусели — такое яркое, манящее, вот только недоступное.

Выход отсюда — еще не решение всех проблем. Тетя Лорен всегда будет начеку, будет наблюдать и ловить любое проявление «ненормальности» с моей стороны, боясь, что мне надо снова вернуться в Лайл или еще куда похуже.

Но побег?

Я знаю, что сказал бы Дерек. Я даже представила выражение презрения и разочарования у него на лице. Я уже не та Хло Сандерс из школы искусств. И даже не Хло Сандерс-шизофреник. Если Хло Сандерс, некромант, будет жить по старым правилам, она вполне может окончить дни в обитой войлоком комнате, воя о голосах, которые никто, кроме нее, не слышит.

Я не страдала наивностью. Я же читала новости и прекрасно знала, что случалось с детьми, которые убегали из дома. Их ждала вовсе не та чудесная жизнь, полная свободы, как они себе представляли. Сколько уйдет времени на то, чтобы найти отца Симона? Как мы будем жить все это время? Что будем есть? Где будем спать? У меня есть немного денег, но надолго ли их хватит? Что будет, когда наши портреты появятся в новостях? Когда каждый полицейский и просто сознательный гражданин начнут искать нас?

Конечно, можно укрыться здесь, зажмуриться и молиться, что ничего плохого-то и не случилось. Или же взять все в свои руки. И действовать.

Ждать помощи от пропавшего отца Симона казалось мне не самым надежным планом. Но если выбраться отсюда, то можно разыскать Лизу. Это должно быть несложно. В Буффало не так много больниц. А если она не в больнице, то что это может означать для всех нас? Что мы в опасности? Нельзя же все время затыкать уши и делать вид, что все в порядке.

— Если ты соберешься бежать отсюда, я с тобой, — сказала я.

— Это необязательно. Я просто хотел сказать, что мне надо бежать — ради отца, Дерек, а теперь и ради тебя. Когда я разыщу отца, он нам поможет.

— А кто поможет тебе? Там, в мире?

Он улыбнулся.

— У меня есть смертельное заклинание вызова тумана.

— Тебе понадобится помощь. Дерек бы, конечно, был тебе куда полезнее, но придется обойтись моим обществом. Я с тобой.

Глава 32

Я ждала в ванной комнате мальчишек, спрятавшись за шкаф. При каждом шорохе в коридоре сердце у меня начинало гулко ухать, подсказывая, что я собиралась совершить величайшую глупость в своей жизни.

Но я не ошибалась. Как и Дерек, я вполне могла сложить два и два и получить ответ. Я вытерла вспотевшие ладони о джинсы и взглянула на часы, молясь, чтобы я пришла к правильным выводам. Хотя в какой-то степени мне хотелось и ошибиться.

Ровно в 8.00 дверь в ванную распахнулась. Дерек включил свет и прикрыл дверь. Повернувшись к зеркалу, он наконец заметил меня и вскрикнул от удивления, что при любых других обстоятельствах меня несказанно порадовало бы.

— Ты с ума сошла? — прошипел он. — Что ты тут делаешь?

Я молча прошла мимо него и заперла дверь.

— Если ты хочешь обсудить план, то здесь не место, — сказал он.

Я все так же молча пересекла комнату, подошла к ванне и включила холодную воду, чтобы она заглушала наш разговор, но при этом не наполняла комнату паром. Дерек вертел головой, следя за моими перемещениями.

— Отлично, — пробормотал он. — Теперь они подумают, что мы и душ принимаем вместе. Может, сразу скажем им, что смываем грязь после подвала и хотим сэкономить эту воду?

Я встала перед ним.

— Ты заманил меня в ловушку.

Он открыл рот, но в кои-то веки не нашелся что сказать и просто скривился.

— Все это время я пыталась понять, зачем ты помогаешь мне? Зачем тебе так нужно было, чтобы я поняла, что я — некромант? Почему тебя волнует, выкинут меня отсюда или нет? Зачем так подставлять свою шею ради меня, как ты сделал это сегодня?

— Я просто хочу...

— ...помочь. Ну конечно. Ты несносный и заносчивый, но внутри ты добрый парень, который просто хочет помочь собрату сверхъестественному. Так и поверила. Должна быть какая-то другая причина. И сегодня я ее нашла. Симон.

Он скрестил руки на груди.

— Да. Симон попросил меня быть с тобой повежливее. И что? Можно мне теперь помыться? Одному?

— Ты хочешь, чтобы Симон сбежал. Чтобы отыскать вашего отца. Но без тебя он не побежит. Ему нужно было дать повод совершить побег прямо сейчас. И ты его дал. Обреченная дамочка в отчаянии.

— Не понимаю, о чем ты, — пробормотал он, но взглядом со мной постарался не встречаться. Все оставшиеся у меня сомнения смыло волной гнева.

— Как кстати я подвернулась, юная некромантка, такая наивная и потерянная. Отличная наживка. Надо было просто подталкивать нас друг к другу, всячески подчеркивать, какая я беспомощная, и он рано или поздно достал бы свои сверкающие доспехи. Отличный план. Но в нем все же кое-чего не хватает. Ставки. Во всех знаменитых триллерах главному герою нужно три вещи: цель, мотивация и ставки. Цель: найти вашего пропавшего отца. Мотивация: помочь юной цыпочке-некромантке. А вот ставок нет. И тебе потребовалось ввергнуть дамочку в настоящее отчаяние. А что, если ее переведут в настоящую психбольницу? Где она окажется вне пределов досягаемости Симона, и значит, он не сможет ей помочь? Или того хуже, где она умрет — жертва какого-то коварного плана? И вот ты попросил Тори...

— Нет! — Он вскинул руки. В его глазах был настоящий испуг. — Я к этому не имею никакого отношения. Даже если бы Тори приблизилась ко мне на расстояние, достаточное для ведения беседы, — а она, как ты, наверное, заметила, этого не делает, — я бы на такое не пошел. И я не делал ничего такого, чтобы вынудить их перевести тебя.

— Ладно, значит, ты просто воспользовался ситуацией.

Я дала ему время ответить. Он промолчал, и никаких других доказательств мне не требовалось.

— Когда я впервые рассказала тебе про Лизу, ты сразу отмел все мои предположения. Но ты понял, что это может сыграть тебе на руку, и в разговоре с Симоном уже сменил тон. Ты посеял зерна сомнений и подождал, пока они дадут всходы. Вот поэтому ты и не возразил, когда я предложила, чтобы перевели именно меня. Тебе именно это и нужно было. Ты манипулировал ситуацией и лгал...

— Я ни в чем не солгал.

Я пригвоздила его взглядом.

— Ты действительно слышал, как доктора вчера обсуждали мой перевод?

Дерек сунул руки в карманы.

— Я слышал, как они говорили о тебе, и они вроде как предполагали...

— Ладно, ты не соврал. Ты просто преувеличил.

Дерек выругался.

— Ты действительно в опасности. Чем больше я думаю о Лизе...

— Прекрати нести чушь, Дерек. Ты своего добился. Симон собрался в бега. Я иду с ним. Ты прав. Ему надо выбираться отсюда и искать отца. Конечно, ты мог бы избавить нас от всего этого, если бы отправился с Симоном сам. Но это ведь может быть опасно. А он — не твой отец, так что это, в общем-то, не твоя проблема...

Он рванул ко мне так быстро, что я невольно отшатнулась, но с места не сошла. А это не так-то просто, когда такая масса нависает над тобой, сверкая глазами.

— Вот, значит, как ты думаешь, Хло?

Я постаралась не отводить глаз.

— Я не знаю, что думаешь ты, Дерек, — сказала я спокойно — во всяком случае, очень на это надеялась. — Симон говорит, что у тебя есть причина не бежать. И причина дурацкая, на его взгляд. Так что это, скорее всего, просто отговорка. Может, ты просто не хочешь напрягаться?

— Отговорка? — Он горько рассмеялся. Потом медленно, словно через силу отступил от меня. — Ты читала мое личное дело?

— Я...

— Я знаю, что читала — в ту самую ночь, когда вы с Рэ делали вид, что просто устроили набег на кухню.

— Только из-за того, что ты сделал. Я должна была знать...

— Насколько я опасен. Я тебя не обвиняю. Но ты получила ответ на свой вопрос. Ты совершенно точно знаешь, насколько я опасен.

Я сглотнула.

— Я...

— Ты знаешь, что я сделал, и все равно считаешь, что меня можно выпускать на улицу? — Он скривился. — Я там, где мне самое место.

У меня сжалось горло от чего-то, что я увидела в его глазах, в его лице, услышала в его голосе. Я покосилась на душ. Упругие струи воды барабанили в дверцу, заполняя повисшую тишину.

Через минуту я посмотрела на Дерек.

— Должно быть, у тебя была веская причина сделать это.

— Неужели? — Когда я попыталась отвести взгляд, он шагнул в сторону, чтобы остаться в поле моего зрения. — Ты этого хочешь, Хло? Услышать, какие у меня были причины? Мои отговорки? Что парень навел на меня пушку, и если бы я не впечатал его в стену, он бы пристрелил меня? Ну так вот, все было не так. Тот паренек никогда больше не сможет ходить, и у меня нет оправдания. Это я виноват. Я виноват во всем. Наш отец пропал, Симон попал сюда из-за меня. Я...

Он резко замолчал, сунул руки в карманы и устремил взгляд куда-то поверх моей головы. Желваки его ходили ходуном.

Через мгновение он продолжил:

— Так что, да, я хочу, чтобы Симон выбрался отсюда, и сделаю для этого все. Но я вовсе не хочу подвергать тебя опасности. Ты тоже от этого что-то получаешь. Так что у тебя нет повода жаловаться.

Я лишь смотрела на него. Все надежды на то, что я стала его понимать, улетучились. Стоило мне только заметить какие-то проблески, как он тут же выхватывал это, оставляя синяки и шрамы, кричавшие о том, что я дура, если надеялась на что-то большее.

— Значит, никакой опасности? — медленно проговорила я. — Я убегая. Из дома, от семьи. От своей жизни.

— Ты будешь с Симоном. И не делай вид, что это будет так трудно.

— Что?

— Ты поняла, что я имею в виду. Несколько дней наедине с Симоном? Это круто. И для него это много значит. Сбежать вместе с ним? Да он такого никогда не забудет.

У меня округлились глаза.

— Господи, ты и впрямь так думаешь? Правда? Как здорово! Ручаюсь, он даже предложит мне стать его девушкой, и мы сможем слать друг другу любовные письма — я из своей колонии для несовершеннолетних, а он — из своей, и может, они позволят нам танцевать на совместных дискотеках...

Дерек зыркнул на меня.

— Ты меня действительно считаешь идиоткой? — спросила я, потом подняла руку. — Нет, не

отвечай. Пожалуйста. Я открою тебе большой секрет: обзавестись парнем не стоит первым пунктом в моем списке важных дел.

— Хорошо...

— Когда все это закончится, не удивлюсь, если Симон вообще не пожелает меня больше видеть. Захочет просто оставить все это в прошлом. И знаешь что? Пускай. Потому что мне надо выяснить, что случилось с Лизой. И я хочу помочь Симону, потому что это правильно, а не потому что он мне так сильно нравится. Я, может, и не гений, как ты...

И снова в его глазах появился недобрый огонек.

— Я не...

— Но я достаточно умна, чтобы понимать, что это будет не романтическое путешествие. Я убегаю. Мне предстоит жить на улице. И если даже мы найдем вашего отца, это еще не значит, что он сможет наладить мою жизнь. — Я подумала о тете Лорен, и мне стало грустно. — Не уверена, что ее вообще можно наладить.

— И я, значит, должен быть тебе благодарен, что ты бежишь?

— Я не говорила...

К Дереку вернулось прежнее настроение.

— Тебе надо выбраться отсюда ничуть не меньше, чем Симону. Может, даже больше. Ты пока не видишь опасности, которая тебе угрожает, но я-то вижу. И волнуюсь.

— Волнуешься? Обо мне?

Он пожал плечами.

— Конечно. Я озабочен. Ты сама знаешь. — Говоря это, он даже не смог взглянуть мне в глаза. — Да. Ты нам нужна. Но ты ведь тоже хочешь помочь собрату. — Он искоса взглянул в мою сторону. — Мы должны держаться вместе.

— Не смей.

— Что?

Он снова отвел глаза. Взгляд его начал блуждать по всей комнате.

— Ты прав, — сказала я. — Мне нужна помощь. Моя жизнь разваливается на куски. Может быть, когда-нибудь, оглянувшись назад, я пойму, что это самая большая ошибка в моей жизни. Но сейчас я не вижу другого решения. Я нужна тебе как дамочка в отчаянии? Ладно. Только не говори, что ты делаешь это ради меня. Ко мне это не имеет никакого отношения. И не смей делать вид, что имеет.

Я повернулась и вышла из ванной.

Глава 33

Меня волновал вопрос: будет ли у меня после побега время на сон? Потому что здесь, в Лайле, спать мне почти не приходилось.

В ту ночь я была так измотана, что не было даже сил полежать и позлиться на Дерек или поразмышлять о том шаге, который собиралась предпринять. Я едва коснулась подушки и тут же погрузилась в сны, заполненные воем полицейских сирен и лаем преследующих нас овчарок. Мне снился мальчик, прикованный к больничной койке, и мальчик, запертый в групповом пансионате. А еще призраки, запертые в разлагающихся телах. Снились зомби, взывающие о помощи, и девочка, кричавшая: «Я не хотела!» А какой-то мальчик ей отвечал: «Я тоже этого не хотел. Но это неважно».

Сны кружились и сливались вместе, пока один из них не вырвался на свободу. Образ, ранее закрывавшийся другими, более сильными и звучными, сейчас отделился и спросил: «А как же я?»

Я проснулась и села в кровати. Какое-то время я сидела в полной темноте, перебирая запутанные обрывки воспоминаний, вопросы, которые они поднимали, и ответы, которые обещали.

Потом я соскочила с кровати.

Я постучала в дверь спальни.

— Дерек?

В ответ только смачный храп.

Я снова постучала и уже громче позвала:

— Дерек?

Стоя на ледяном полу, я поджимала пальцы и терла озябшие руки. Надо было прихватить свитер. И носки.

Вообще не надо было сюда приходить. Я отчитала парня, эффектно ушла... а теперь приползла назад умолять его поговорить со мной.

Вот вам прекрасный образец, как можно запороть всю сцену.

Только я подняла руку, чтобы снова постучать, как дверная ручка повернулась. Дверь скрипнула, открываясь, и я подняла голову, готовая тут же извиниться за ночное вторжение. Мой взгляд уперся в грудь. Голую грудь, которая принадлежала совсем не мальчику... Она была широкая и мускулистая. И только россыпь угрей говорила о том, что это все же не грудь взрослого мужчины.

По дому Дерек всегда ходил в свободных свитерах и мешковатых джинсах. И если бы я пыталась представить себе, как он выглядит под ними — а я этого, конечно же, не делала — то, наверное, мне бы нарисовалось упитанное тело с намеком на излишний вес. Ведь должна же куда-то откладываться вся та еда, которую он поглощал в немереных количествах. И, похоже, она откладывалась — только не в жир.

Щеки у меня зарделись. Взгляд скользнул с груди ниже, и я поняла, что Дерек стоит передо

мной в одних трусах.

— Хло?

Я перевела взгляд, к счастью, на этот раз остановив его на его глазах.

Он пялился на меня.

— Хло? Что?..

— Ты мне должен.

— А? — Он потер глаза, зевнул и повел плечами. — Который час?

— Поздно. Или рано. Неважно. Мне нужна твоя помощь, а ты мне должен. Одевайся и спускайся вниз через пять минут.

Я развернулась и направилась к лестнице.

Пойдет ли Дерек за мной? Вряд ли, учитывая, что днем его «встретимся через пять минут» я проигнорировала.

Вообще-то я планировала не отступать от его двери, пока он не согласится мне помочь. Но я не ожидала, что он предстанет передо мной почти голым. Это заодно напомнило мне, что я и сама в одной пижаме. Спустившись вниз, я взяла свитер, который Рэ днем оставила в медиакомнате. Я как раз натягивала его на ходу и чуть не врезалась в Дерек.

На нем теперь были тренировочные штаны и футболка. Он стоял посреди коридора и яростно чесал руку.

— Блохи? — поинтересовалась я.

Шутка была всего лишь нелепой попыткой снять напряженность после нашего последнего разговора и никак не заслуживала того злобного взгляда, которым он меня наградил.

— Давай уже покончим с этим, — сказал Дерек. — Я не в лучшем настроении.

Я хотела спросить, чем оно отличается от его обычного состояния, но прикусила язык, кивком пригласила в медиакомнату и прикрыла дверь. Немного повернула голову, прислушиваясь к звукам спящего дома.

— Мы тут в безопасности, — сказал Дерек. — Просто говори потише. Если кто-нибудь пойдет сюда, я услышу.

Я прошла через комнату и остановилась в пятне лунного света. Дерек прошел за мной, и только тут я как следует разглядела его. Лицо у него было бледное, а щеки пылали румянцем, причем не от угревой сыпи. Волосы прилипли к покрытому потом лбу, а покрасневшие глаза блестели, он, казалось, с трудом фокусировал взгляд.

— У тебя лихорадка, — объявила я.

— Возможно. — Он пригладил волосы. — Наверное, съел что-то.

— Или вирус подцепил.

Дерек покачал головой.

— Я не... — Он оборвал себя на полуслове, но потом все же закончил: — Я не болею. Во всяком случае, нечасто. Это часть моего... состояния. Скорее всего, какая-то реакция. — Он снова почесал руки. — Неважно. Просто раздражительнее обычного, как сказал бы Симон.

— Тебе надо вернуться в постель. Забудем о том, что я говорила.

— Нет, ты права. Я перед тобой в долгу. Что тебе нужно?

Я хотела возразить, но было видно, что он уже все для себя решил.

— Подожди, — сказала я и поспешила в холл.

Он шепотом возмутился:

— Хло! — сопроводив это потоком вялых богохульств. Как видно, ему не хватало сил даже как следует выругаться.

Я вернулась со стаканом воды и четырьмя таблетками тайленола.

— Две сейчас, две попозже, если не...

Он закинул все четыре таблетки в рот и залпом выпил полстакана воды.

— ...а можно и все сразу.

— У меня очень быстрый обмен веществ, — пояснил он. — Это тоже часть моего состояния.

— Я знаю многих девчонок, которые позавидовали бы тебе в этом.

Он промычал что-то нечленораздельное и допил воду.

— Спасибо, но... — Он встретился со мной взглядом. — Ты не обязана быть милой со мной, только потому что я неважно себя чувствую. Ты злишься. И у тебя на это есть все основания. Я использовал тебя и, что самое ужасное, попытался сделать вид, что это не так. На твоём месте я бы не принес воды, разве для того, чтобы вылить мне на голову.

Он повернулся и поставил стакан на стол. Или лихорадка уже затронула его мозг, или я все еще сплю и мне это снится. Слишком уж это походило на признание вины. Может, даже на завуалированное извинение.

Он повернулся ко мне.

— Ладно, так что ты хочешь?..

Я поманила его к дивану. У Дерека на лице мелькнуло раздражение — устраиваться поудобнее не входило в его планы. Но когда я села на стул напротив него, он плюхнулся на диван. Если я не могу тотчас отправить его в постель, то пусть хотя бы отдохнет, пока я буду говорить.

— Ты ведь кое-что знаешь о некромантии? — начала я.

Дерек пожал плечами.

— Я не специалист.

— Но ты знаешь больше, чем я, Симон или кто-либо еще, с кем я могла бы поговорить сейчас. Скажи, как некроманты входят в контакт с умершими?

— Ты имеешь в виду того парня из подвала? Если он там, то ты должна сама его увидеть. И тогда просто начинаешь с ним разговаривать, как со мной.

— Я имею в виду конкретного человека. Я могу это сделать? Или же я ограничена в контактах только теми, с кем сталкиваюсь?

Дерек замолчал. Когда он заговорил, голос у него был непривычно мягким.

— Если ты хочешь поговорить со своей мамой, Хло...

— Нет. — Получилось очень уж резко. — Я даже не думала... Вернее, да, думала, что, возможно, когда-нибудь... потом. Я бы хотела... — Я услышала свой лепет со стороны и вздохнула поглубже. — Это связано с нашим положением.

— Ты имеешь в виду Лизу?

— Нет. Я-я-я... наверное, надо попробовать вступить с ней в контакт. Просто чтобы убедиться. Но я сейчас не об этом. Не думай, зачем мне это надо.

Дерек откинулся на диванные подушки.

— Если бы я знал, зачем, мне было бы проще ответить.

Возможно, но я не собиралась раскрывать ему карты, пока не соберу достаточно фактов, чтобы обосновать свою теорию.

— Если я все же могу войти в контакт с определенным человеком, то как я должна это делать?

— Ты можешь, но это непросто, и в твоем возрасте нет никаких гарантий. Точно так же, как Симон со своими заклинаниями... ты пока на уровне подмастерья.

— И могу натворить что-нибудь случайно, например поднять мертвых.

— Не совсем. — Он рассеянно почесал руку. Его шкряб-шкряб заполнили тишину в комнате. — Из того, что я слышал, поднятие мертвых — одна из сложнейших штук и требует определенного ритуала. — Он покачал головой и перестал чесаться. — Может, я ошибаюсь. Я же говорил, я не специалист.

— Тогда вернемся к вопросу — как. Как именно можно вызвать определенного призрака?

Дерек откинул голову на спинку дивана, поглядел в потолок, потом кивнул — больше для себя.

— Если я не ошибаюсь, есть два способа. Можно использовать персональные вещи.

— Типа как охотничья собака?

Дерек издал какой-то звук, подозрительно похожий на смех.

— Да. Что-то вроде того.

— А второй способ? — Я старалась не показывать, как важно мне знать ответ на этот вопрос, как сильно я рассчитывала, что правильно угадала.

— Ты должна быть возле могилы.

Сердце у меня заколотилось, и я не сразу смогла заговорить.

— У могилы. Это если считать, что именно там захоронено тело. Важно ведь тело, а не место, где лежит надгробие.

Он отмахнулся от моего уточнения. В нем снова угадывался прежний Дерек.

— Да, тело. Это и есть самый сильный способ.

— Тогда, думаю, я знаю, чего хочет тот призрак в подвале.

Я рассказала Дереку, как тот призрак уговаривал меня «войти в контакт», «вызвать» их и «выслушать историю».

— Он имел в виду похороненных людей. Именно поэтому он хотел, чтобы я нашла этот самый подпол. Чтобы я могла подобраться как можно ближе к тем призракам.

Дерек потянулся почесать спину.

— А зачем?

— Из его слов я поняла, что это как-то связано с Лайлом. Они что-то могут мне рассказать.

— Но эти тела были похоронены тут гораздо раньше, чем Лайл стал пансионатом. И если этому призраку что-то известно, почему он не расскажет тебе сам?

— Не знаю. Он сказал... — Я попыталась припомнить. — Он вроде бы сказал, что не может сам войти с ними в контакт.

— Тогда откуда он знает, что они могут сказать тебе что-то важное?

Хороший вопрос. Именно поэтому я и обратилась к Дереку. Только он мог разрушить мои предположения, показать уязвимые места в моих рассуждениях и подсказать, что нужно выяснить, прежде чем делать какие-то далеко идущие выводы.

— Не знаю, — ответила я наконец. — Как бы они ни попали туда, я больше чем уверена, что умерли они не своей смертью. Ты, наверное, прав, и это может быть никак не связано с нами. А этот призрак просто потерялся во времени. Или же хочет, чтобы я разрешила загадку их смерти. — Я поднялась. — Как бы там ни было, я намерена выслушать то, что они могут мне рассказать. Во всяком случае, хочу попробовать.

— Подожди.

Он поднял руку, и я приготовилась к новым возражениям. Что это пустая трата времени. К тому же весьма опасная, учитывая, что нас уже поймали там вместе. И нельзя забывать, что в последний раз, когда я пыталась вступить с ними в контакт, я вселила их души в мертвые тела. И если я снова сделаю это, то на его помощь в перезахоронении могу не рассчитывать.

Дерек с трудом поднялся.

— Нам нужен фонарик. Я схожу за ним. А ты прихвати нашу обувь.

Глава 34

Нога моя — босая ли, обутая или в носках — не ступит в эту дыру до тех пор, пока я не переговорю с первым призраком и не получу для себя ответы на все вопросы, поднятые Дерекком.

Мы спустились в прачечную. Дерек занял наблюдательный пост сбоку, прислонившись спиной к сушилке. Я по-турецки уселась на пол, закрыла глаза и сосредоточилась.

Все случилось довольно быстро — призрак словно бы ждал моего появления. Но я по-прежнему видела лишь какие-то обрывочные картинки и слышала отдельные слова. Я сказала об этом Дерекку, потом добавила:

— Я перестала принимать таблетки, когда ты дал мне ту банку, но, наверное, они все еще у меня в крови.

— ...не лекарства... — прорвался призрак. — ...блокировано...

— Что заблокировано?

— Заклинание... призраки... блокировано...

— Заклинание, которое блокирует призраков? — догадалась я.

Это привлекло внимание Дерекка. Он подался вперед.

— Он сказал, что его блокирует заклинание? Какого рода?

Я уже собралась перевести, но, очевидно, призрак и сам его слышал и ответил:

— Магический... ритуал... важно.

— Это важно?

— Нет... не важно, — с усилием повторил призрак.

Я передала это Дерекку, а тот что-то проворчал про неудобство такого способа коммуникации. Он яростно почесал руки, потом сказал:

— Скажи ему, пусть произносит по одному слову за раз. Повторяет его, пока ты не поймешь и не повторишь за ним. Так будет медленно, но, по крайней мере, мы не упустим...

Он замолчал, проследив за моим взглядом. Кожа у него на плече... двигалась. Сморщивалась.

— Что за?.. — начал он, потом зарычал от раздражения и энергично встряхнул руку. — Мышечные спазмы. В последнее время они у меня часто случаются.

Он поразглядывал свою руку, потом хорошенько ударил по ней кулаком, пытаюсь привести ее в чувство. Я хотела предложить ему обратиться с этим к доктору. Но потом сообразила, что

такому, как Дерек, это очень непросто сделать. Его мышцы сжимались и разжимались по собственной воле. Побочный эффект его состояния, подумала я. Мышцы развиваются ускоренными темпами. Как и весь его организм, продирающийся через период созревания.

— Ладно, главное, чтобы через одежду не видно было, как тебя морщит, и чтобы ты не позеленел.

— Что? — Дерек сморщился, но потом до него дошло. — А, «Невероятный Халк». Ха-ха. Невероятно тупой фильм. — Он потер руку. — Ладно, не обращай на меня внимания, лучше займись своим призраком.

Призрак услышал предложение Дерекка произносить по одному слову. Дело пошло куда лучше, хотя очень напоминало игру в шарады, когда он повторял и повторял одно слово до тех пор, пока я не понимала его и не произносила за ним вслух с детским восторгом.

Начала я с вопросов о самом призраке и выяснила, что сам он при жизни был некромантом. Он был в больнице, когда меня туда привезли. Был по каким-то своим делам, связанным с запретом призракам докучать душевнобольным. Я не очень поняла. Но это и неважно.

Призраки сразу видят некроманта. Поняв, что я не сознаю, кто я такая, он подумал, что мне понадобится помощь. Но войти в контакт со мной он не успел — меня перевели. И тогда он последовал за мной в пансион Лайл. Вот только тут против призраков установлен какой-то блок. Он подумал, что это какое-то заклинание, но когда Дерек оспорил такое умозаключение, он признал, что причина может быть в чем угодно — от используемых стройматериалов до особенностей географического положения. Единственное, что он знал точно, — это что войти со мной хоть в какой-то контакт можно в двух местах в доме: в подвале и на чердаке.

Насчет захороненных в подполе он знал два факта. Первое: они были убиты. Второе: все они обладали сверхъестественными способностями. Сложив эти два факта вместе, он решил, что будет немаловажно узнать их истории. Сам он расспросить их не мог — он стал одним из них.

— Но они теперь не более чем скелеты и высохшая плоть, — сказал Дерек. — Как мумии. Что бы с ними ни случилось, вряд ли это как-то связано с нами.

— Может быть, — только и ответил призрак.

— Может быть? — Дерек вскинул руки и начал расхаживать взад-вперед. Он что-то бормотал себе под нос, но совершенно беззлобно — только недоумевал, какая связь между всем этим и почему он должен в этом разбираться в то время, когда ему надо лежать в постели и лечить свою лихорадку.

— Самюэль Лайл, — вдруг снова заговорил призрак. — Первый владелец этого дома. Знаете его?

Я сказала, что не знаю, и спросила у Дерекка.

— Откуда мне знать человека, который построил этот дом сотню лет назад?

— Шестьдесят, — поправил его призрак, и я перевела.

— Да неважно. — Дерек снова начал расхаживать. — Он вообще знает, какой сейчас год?

Я могла бы указать, что если призраку известно, сколько лет назад был построен дом, то он

наверняка знал, какой сейчас год. Но Дерек всего лишь ворчал. Из-за температуры ему было трудно сосредоточиться на этой загадке.

— Он был сверхъестественным, — сказал призрак. — Лайл. Волшебник.

Когда я повторила это вслух, Дерек замер на месте.

— Человек, построивший этот дом, был волшебником?

— Да, занимался черной магией. Алхимик. Ставил эксперименты. На других сверхъестественных.

По рукам у меня побежали мурашки, и я обхватила себя за плечи.

— Думаешь, именно так и умерли те люди из подпола? Этот волшебник, Лайл, ставил на них эксперименты?

— Откуда ему столько известно об этом волшебнике? — спросил Дерек. — Он же всего лишь последовал сюда за тобой, разве нет?

— Это всем известно, — ответил призрак. — В Буффало-то уж точно. Всем сверхъестественным. Все знали, где он жил. И держались от этого места подальше. А кто-то не держался.

Дерек покачал головой.

— Все равно не понимаю, как это связано с нами?

— Может, связано, — ответил призрак. — Может, нет. Надо спросить.

Дерек прошипел какие-то ругательства и ударил рукой об стену — так сильно, что даже я поморщилась. Я подошла к нему.

— Иди в кровать. Ты, наверное, прав. Я уверена, это неважно...

— Я этого не говорил. Просто... волшебник построил этот дом шестьдесят лет назад; в погребе захоронены сверхъестественные; теперь здесь мы, подростки-сверхъестественные. Пансион назван в его честь. Важно ли это? Или это просто название, данное в честь владельца усадьбы? Для совпадения слишком много. Но я никак не могу уловить связь.

— Я могу. Ступай к себе...

— Нет, он прав. Мы должны спросить. Я просто... — Дерек сунул руку под рубашку и почесал спину. — Я просто чувствую себя хреново, и это меня бесит. Но нам надо это сделать.

Призрак пошел за нами в подпол.

— Как мне не повторить ту же ошибку, что и в прошлый раз? — спросила я. — Как не вернуть их души в мертвые тела?

Тишина. Я досчитала до шестидесяти, потом позвала:

— Ау? Ты еще здесь?

— Будь спокойна. Сконцентрируйся. Но действуй мягко. Твоя сила. Слишком большая.

— У меня слишком большая сила?

Я не могла сдержать улыбку. Не могу с уверенностью сказать, что хотела обладать такой силой, но приятно осознавать, что я больше чем средненький некромант. Это все равно что пройти IQ-тест и выяснить, что ты умнее, чем думал.

— Твой возраст. Не должно бы получаться...

Тишина. Я терпеливо ждала следующего слова. Ждала. И ждала.

— Алле?

Призрак начал сначала, слово за словом.

— Слишком рано. Слишком много. Слишком...

На этот раз пауза затянулась.

— Что-то здесь не так, — сказал он наконец.

— Не так?

Дерек вышел из тени, откуда он молча наблюдал за мной.

— Что он говорит?

— Что-то насчет моей силы. Что она... какая-то неправильная.

— Слишком мощная, — сказал призрак. — Неестественная.

— Неестественная? — шепотом повторила я.

Дерек сверкнул глазами.

— Не слушай его, Хло. Итак, ты могущественная. Подумаешь! Все в порядке. Просто не торопись.

Призрак извинился. Дал еще несколько наставлений и сказал, что будет наблюдать «с другой стороны», на тот случай, если его присутствие в прошлый раз невольно усилило мою магию. Если он мне понадобится, он вернется. Еще раз предупредил, чтобы я не слишком усердствовала, и исчез.

Глава 35

Дерек снова отошел в сторонку, оставив меня одну посреди комнаты. Фонарик лежал сбоку. Как ни велик был соблазн использовать его вместо свечи, разгоняя тьму вокруг себя, я все же решила положить его рядом, направив луч в сторону. Если вдруг земля начнет шевелиться, Дерек успеет это заметить и предупредить меня раньше, чем я снова подниму мертвых.

В прошлый раз, чтобы высвободить дух из оболочки тела, я использовала прием визуализации. Сейчас я решила сделать то же самое. Я представила, как вытягиваю их души из эфира, подобно тому, как фокусник вытаскивает бесконечную ленту из рукава.

Несколько раз я видела, как что-то промелькивало мимо меня, но тут же снова исчезало. Я продолжала работать, медленно и настойчиво, борясь с соблазном приложить побольше усилий.

— Что тебе надо? — раздался женский голос совсем рядом со мной. Он был настолько отчетлив, что я схватила фонарик. Я была уверена, что нас застукала какая-нибудь нянечка.

Однако луч фонарика выхватил из темноты женщину в вязаном костюме. Во всяком случае, выше пояса она была одета именно в свитер. Она стояла, касаясь головой низкого потолка. Значит, она была «похоронена» по пояс в земле. Ей было около тридцати, волосы светлые, забраны в пучок. Резкие черты ее лица еще больше обострились от нескрываемого раздражения.

— Ну, некромант, что тебе угодно?

— Скажи ей, пусть она оставит нас в покое, — проскулил мужской голос откуда-то из темноты.

Я посветила в ту сторону фонариком, но смогла различить лишь неясные очертания фигуры у самой дальней стены.

— Я хочу всего лишь поговорить с вами, — сказала я.

— Ну, это и так понятно, — рубанула женщина. — Звала, тянула и доставала, пока не вытащила нас сюда.

— Я н-не хотела...

— Не можешь оставить нас в покое? Мало тебе было, что ты засунула нас обратно в тела? Ты хоть представляешь, каково это? Сидишь, наслаждаешься спокойным вечером и тут вдруг оказываешься в своем мертвом теле, похороненный. Приходится скрестись, выкарабкиваться наружу в ужасе, что тебя поработил какой-нибудь некромант-безумец, которому понадобились рабы-зомби.

— Я н-не хотела...

— О, ты слышал, Майкл? Она не хотела. — Женщина приблизилась ко мне. — Значит, если я случайно обрушу тебе на голову адово пламя, то это ничего, все в порядке, ведь я не хотела? У тебя есть сила, девочка, и лучше бы тебе научиться использовать ее правильно, пока кто-нибудь не решился преподать тебе урок. Призови меня еще раз, и я это сделаю!

Она начала растворяться.

— Подождите! Вы... — Я отчаянно пыталась вспомнить, как Симон называл женщин-волшебниц. — ...ведьма, верно? Что с вами случилось?

— Меня убили, если ты еще сама не догадалась.

— Из-за того, что вы ведьма?

Она рванулась ко мне так стремительно, что я даже отпрянула.

— Хочешь сказать, я сама навлекла это на себя?

— Н-нет... Самюэль Лайл — владелец этого дома — это он вас убил? За то, что вы ведьма?

Ее губы искривились в уродливой улыбке.

— Уверена, тот факт, что я была ведьмой, доставил ему дополнительную толику удовольствия. Мне следовало бы знать, что не стоит доверять волшебникам. Но я была наивной дурочкой. Отчаянно наивной. Самюэль Лайл обещал нам легкую жизнь. Мы все к этому стремимся, не так ли? Сила без цены. Сэм Лайл был продавцом иллюзий. Продавцом змеиного яда. Или сумасшедшим. — Она снова скривилась в улыбке. — Мы так и не поняли, кем же именно, верно, Майк?

— Сумасшедшим, — донесся шепот с другого конца. — Что он вытворял с нами...

— Да, но мы были добровольными подопытными. Во всяком случае, вначале. Видишь ли, девочка, любые научные изыскания требуют экспериментов, а для экспериментов нужны подопытные. Именно ими мы с Майком и были. Лабораторными крысами, принесенными в жертву ради иллюзий сумасшедшего.

— А как же я?

Женщина фыркнула.

— А что ты?

— Это как-то связано с тем, что меня здесь держат? Сейчас. Я здесь не одна такая. Нас несколько сверхъестественных здесь, в этом пансионе.

— Они ставят на вас эксперименты? Привязывают вас к кровати и прикладывают электрические провода, пока вы не откусите себе язык?

— Н-нет. Н-ничего такого нет.

— Тогда вознеси благодарные молитвы и прекрати преследовать нас. Сэм Лайл давно мертв и — если в мире есть справедливость — гниет сейчас в аду.

Она снова начала растворяться.

— Подождите! Мне нужно знать...

— Ну так выясни сама. — Женщина снова проявилась. — Если ты думаешь, что находишься здесь из-за умершего волшебника, то ты такая же сумасшедшая, как он. У меня нет для тебя ответов. Я всего лишь тень, а не оракул. Почему вы, ребята, оказались здесь, в доме, где я умерла? Откуда мне знать? Да и какая мне разница?

— Мне грозит какая-нибудь опасность?

Она снова скривила губы.

— Ты — сверхъестественная. Ты всегда в опасности.

— Миссия завершена, но мы ничего не достигли. Только еще больше вопросов, — сказала я, когда мы уже отряхивали в прачечной свою одежду. — Можешь наконец возвращаться в постель.

Дерек покачал головой.

— Уже не важно. Я все равно не усну.

— Из-за этого? Извини. Я не хотела...

— Я не спал, когда ты постучала. — Он стянул с себя носок и вытряхнул кучку земли в раковину. — Из-за этой лихорадки или что там у меня. Она выводит меня из себя, не дает спать. — И, словно по заказу, мышца на его правой руке начала дергаться. — Отчасти проблема вызвана тем, что мне не хватает физических нагрузок. Побросать мячик с Симоном — не считается. Мне требуется больше... пространства. Больше движения. Думаю, все из-за этого. — Он посильнее потер дергающуюся мышцу.

— Ты мог бы попросить поставить тренажеры. Они вроде к таким вещам хорошо относятся.

Дерек покосился на меня.

— Ты читала мое личное дело. Ты и впрямь думаешь, что они купят для меня гантели и боксерскую грушу? — Он оглядел прачечную. — Ты устала?

— После этого? Нет.

— Может, немного подышим свежим воздухом? Выйдем, погуляем?

Я рассмеялась.

— С удовольствием. Но есть одно маленькое препятствие в виде сигнализации на двери.

Дерек взъерошил пятерней волосы, вытряхивая мусор, который собрал макушкой об потолок в подполе.

— Я знаю код.

— Что?

— Думаешь, я стал бы толкать Симона к побегу, не зная кода сигнализации? Я могу нас вывести, нам не помешает пройтись, проверить маршрут побега и присмотреть укромные местечки, где можно прятаться. Меня почти не выпускают отсюда, поэтому не было возможности как следует осмотреть окрестности.

Я скрестила на груди руки.

— То есть ты можешь выйти отсюда в любой момент? И размяться, как того требуют твои мышцы? Но ты никогда этого не делаешь?

Дерек помялся.

— Никогда об этом не думал...

— Да нет, я уверена, думал. Но существует опасность, что при отключении сигнализации срабатывает какое-то оповещение. Или делается запись о том, что сигнализацию отключали. Поэтому ты никогда не пробовал. А теперь стоит. Если нас поймают, что ж, все равно все и так думают, что мы крутим роман. У нас, конечно, будут неприятности. Но совсем не такие, как если бы поймали нас с Симоном во время побега.

Дерек поскреб подбородок.

— Неплохая мысль.

— И она никогда не приходила тебе в голову.

Он ничего не сказал. Я вздохнула и направилась к лестнице.

— Хло, — окликнул он. — Подожди. Я...

Я обернулась.

— Ты идешь?

Глава 36

Через пять минут мы уже шагали по тротуару, и огни Лайла постепенно растворялись у нас за спиной. Мы обошли квартал и отметили для себя все маршруты, ведущие из дома. Мы были в той части Буффало, которую я совсем не знала. Здесь были сплошь старинные особняки на огромных участках земли, где так и ждешь на подъездной дорожке увидеть «Мерседес» или «Кадиллак». Но вскоре я поняла, почему не было дорогих машин: в нескольких кварталах к востоку отсюда высились заводские трубы.

А вот в нескольких кварталах на запад светились яркие огни, что говорило о том, что там располагался деловой район, и Дерек подтвердил мое предположение. Деловой район тоже был довольно старым и приличным, но каким-то скучным. Ни тебе ломбардов, ни секс-шопов, ни бистро, ни кофеен. После нечастых вылазок в город Симон рассказывал Дереку, что там располагались вполне обычные, традиционные офисные здания, много аллей и темных закоулков.

— Если вы доберетесь до этого делового райончика, считайте, вы свободны, — сказал Дерек. — Если не сможете, ступайте туда. — Он махнул в сторону фабрик. — Там промышленная зона. Уверен, вы легко найдете один-два заброшенных склада, где можно отсидеться какое-то время. — Он огляделся, осматривая местность. Ноздри его трепетали, когда он жадно вбирал в себя ночную прохладу, так приятно остужавшую его жар. — Ты запомнишь все это?

— Можешь повторить еще раз? Помедленнее? Может, даже запишешь для меня? Или зарисуешь?

Дерек проворчал:

— Я просто проверяю. Это же важно.

— Если ты сомневаешься в том, что мы справимся, есть очень простой выход: бежим с нами.

— Не начинай.

— Я всего лишь хотела сказать...

— Не стоит.

Он прибавил шагу, так что мне пришлось бегом догонять его. Понятно, что Симон не соврал — тема закрыта для обсуждения. Но я все равно не могла удержаться.

— Симон волнуется за тебя.

— Да? — Дерек остановился, повернулся и раскинул руки. — Как тебе кажется, со мной все в порядке?

— Нет. У тебя вид человека, который должен лежать в постели и лечить лихорадку. А не бродить...

— Я не брожу, — взорвался он. Получилось даже слишком резко. — Посмотри, где я? На улице. В нескольких кварталах от Лайла. За мной не гонятся полицейские машины. Если что-то пойдет не так, я смогу выбраться. Неужели ты думаешь, что Талбот или Вон Доп смогут меня остановить?

— Вопрос не в том, сможешь ли ты, а в том — станешь ли?

Он замолчал. Я была благодарна уже за то, что он не спешил дать мне ответ, который я хотела услышать. Но мне не нравилось, что ответ требует столь тщательного обдумывания. Симон говорил, что если что-то пойдет не так, Дерек просто с этим смирится. Он уже решил для себя, что его место в доме Лайла. Сбежит ли он, даже если ему будет грозить опасность? Или же он видит только опасность, которую представляет сам?

— Дерек?

Он сунул руки в карманы.

— Ага.

— Что ага?

Он вынул одну руку из кармана и яростно почесался, пока на руке не остались красные борозды от ногтей.

— Если мне будет грозить опасность, я сбегу и разыщу вас. Лады?

— Хорошо.

Проснувшись, я увидела у себя на кровати фигуру и сразу села. Имя Лизы уже готово было сорваться у меня с губ. Но это была Рэ. Он сидела, прислонившись к стене, подтянув колени к подбородку. Глаза у нее озорно сверкали.

— Думала, призрака увидела?

— Н-нет. Хотя. Может быть. — Я потеряла глаза и зевнула.

— Полагаю, не лучшая идея пугать того, кто видит призраков, а?

Я огляделась в комнате, отчаянно моргая. В окно просачивался бледный утренний свет. Я посмотрела на кровать Рэ и представила там Лизу — как она сидит и шевелит пальцами в лучах солнечного света.

— Лиза ничего после себя не оставила? — спросила я.

— Что?

Я села, откинув одеяло.

— Ты, когда переехала, ничего не находила?

— Только рубашку Тори. Но я пока не отдавала ей. Да Тори и сама не очень-то спешит вернуть тот зеленый свитер с капюшоном, который она взяла поносить у Лизы. Я видела ее в нем буквально пару дней назад. А что? Лиза наконец позвонила?

Я потянулась.

— Нет. Я просто... — Снова зевнула. — Еще рано, и мозг почти спит. Я что, пропустила, как постучала миссис Талбот?

— Нет. У нас еще минут пять есть. Я хотела поговорить с тобой до того, как все проснутся.

— Конечно, а что... — Я подскочила. — Вчера! Мы должны были поговорить. Я совсем забыла.

— Ты была занята. — Рэ пощипывала подол своей кукольной пижамы. — Так я получу приглашение?

— Приглашение?

— В великий побег. Ты ведь об этом собиралась поговорить со мной вчера? Вы с Симоном и Дерексом планируете его все последние дни.

Боюсь даже думать, что в тот момент отразилось у меня на лице. Шок, ужас, недоверие — уверена, все это было написано на нем крупными буквами, стирая последние ее сомнения.

— Я н-н-не...

— ...не понимаешь, о чем это я? — Она намотала нитку на палец и оторвала ее, не отрывая глаз от подола. — Тогда что ты собиралась мне сказать? Придумать какую-нибудь историю, чтобы сбить меня со следа?

— Н-нет. Я собиралась рассказать тебе, что случилось в подполе. С Дерексом. Я снова вступила в контакт с тем призраком.

— О.

Рэ отвела глаза. При других обстоятельствах моя история про зомби была бы захватывающей, но сейчас она надеялась услышать что-то совсем иное. Она бросила нитку на постель.

— Так, значит, меня не приглашают?

— Да нет н-н-никакого...

Рэ подняла руки.

— Я просто слышала, как Симон с Дерексом как-то раз обсуждали побег. Теперь пошли все эти разговоры о переводе тебя или Дерекса, а вы с Дерексом вдруг стали где-то шататься вместе...

— Это совсем не...

— Вчера ночью я проснулась, а тебя не было. Я спустилась вниз и как раз застала, как вы с

Дереком возвращались. Из того, что я услышала, было понятно, что вы не на прогулку при луне отлучались.

— Дерек никуда не бежит. — И это была правда, хотя не совсем та, о которой говорила Рэ.

Она снова прислонилась спиной к стене и подтянула к себе колени.

— А что, если я тоже соответствую требованиям вашего клуба? Это гарантирует мне приглашение?

— Что?

— Ваш клуб. Особых детей. Со сверхъестественными способностями.

Я издала смешок, больше похожий на скулеж испуганного пуделя.

— Со сверхспособностями? Да хорошо бы. Вот только в ближайшем обозримом будущем мои способности не принесут мне местечко на кабельном канале... разве что в качестве комической заставки. Настраивайтесь на нас и смотрите каждую неделю, как Хло Сандерс с воплями убегает от очередного призрака, ищущего ее помощи.

— Ладно, может, сверхспособности — это слишком сильно сказано. А что, если бы ты могла убрать любого со своего пути одним движением пальца? Полагаю, это вполне полезная способность.

Я встала с кровати и подошла к шкафу.

— Конечно. Но Дерек сделал совсем не это. Он меня схватил, понимаешь? Я чувствовала физический контакт.

— Я не про Дерека. За несколько дней до того, как Брэди перевели, они с Дерекком сцепились. Вернее, Брэди пытался вывести Дерека на ссору, но тот никак не реагировал. Брэди все лез и лез к нему, а когда попытался ударить его по лицу, Симон щелкнул пальцами и — вух — Брэди впечатался в стену. Я была там. Ни Дерек, ни Симон его пальцем не трогали. Поэтому я и хотела взглянуть на личное дело Симона.

— Ну, как видишь, на Симона нет личного дела. Он здесь из-за Дерека. Их отец исчез, а Дерека отправили сюда из-за его проблем. Симона просто поместили с ним до кучи.

— Как исчез их отец?

Я пожала плечами и вытащила из шкафа рубашку.

— Они об этом почти не рассказывают. А я не хочу слишком давить.

Раздался какой-то шум. Я оглянулась — Рэ проковыляла в свою постель.

— Ты слишком деликатная, — заявила она. — Я бы уже давно насела на них и выпытала все.

Я потрясла головой.

— Кажется, миссис Талбот идет...

— Да ладно тебе. Сегодня суббота. Мы можем спать сколько влезет, и ты так легко не

отделаешься. Я знаю, у Симона есть какая-то магическая сила, как и у тебя. И я почти уверена, у Дерека она тоже есть. Поэтому они так и держатся друг друга. Поэтому их отец и взял Дерека в дом.

Я посмотрела в зеркало и провела расческой по волосам.

— Откуда у меня такая уверенность? — продолжила Рэ. — Помнишь, я рассказывала тебе о своем диагнозе? Что он мне не подходит? Так вот, я тебе не все рассказала. Ты ведь не читала мое дело?

Я медленно повернулась, все еще держа в руках расческу.

Рэ продолжила.

— Согласно рапорту полиции, между мной и мамой вспыхнул скандал, и я подожгла ее зажигалкой. Вот только у меня в руках не было никакой зажигалки. Я просто схватила ее за руку, и у нее остались ожоги первой степени.

— Почему ты не?..

— Не сказала тебе? — перебила она. — Я ждала, пока ты получше узнаешь саму себя. Пока ты будешь готова поверить мне. Потом ты пришла к выводу, что видишь призраков, и я поняла, как будет выглядеть моя история. Как маленький ребенок, который завидует, что его друг едет в Диснейленд, и хочет показать, что он тоже какой-то особенный. Моя сила совсем не такая, как у тебя. Я не могу вызвать ее. Просто это случается, когда я злюсь.

— Как с Тори? Ты ведь обожгла ее?

Рэ прижала подушку к груди.

— Думаю, да. Но где доказательства? Она почувствовала ожог, и от него остался красный след, но ведь никто не видел, чтобы я поджигала ее рубашку. — Рэ расплылась в улыбке. — Забавно, правда? А тогда с мамой я просто соврала, что играла с зажигалкой, а когда потом накинулась на маму, забыла, что все еще держу зажигалку в руках. Никого не волновало, что вообще-то никакой зажигалки не было. Они видят только то, что хотят видеть. Приклеивают к этому ярлык; начинают лечить; и, если повезет, у тебя это просто проходит. Вот только наши способности — они не проходят.

Мой мозг отчаянно пытался переварить все это. Я знала, что надо что-то сказать. Вот только что? Признаться? Отрицать все?

Рэ скатилась с кровати, откинула свои локоны за спину и вытянула вперед руку. Я не шевельнулась, и тогда она спросила:

— У тебя там резинки? На полке?

— Да.

Я кинула одну ей, она собрала волосы в хвост и направилась к двери.

— Подожди, — окликнула ее я.

Она, не оборачиваясь, покачала головой.

— Тебе надо сначала переговорить с парнями.

— Я не...

Она все же обернулась.

— Нет, должна. Ты бы хотела, чтобы они разбалтывали твои секреты, не посоветовавшись с тобой? Поговори с ними. Потом возвращайся ко мне. Я все равно никуда отсюда не денусь.

Глава 37

Я завтракала с Тори. Уверена, вчера она ждала, что меня вынесут из дома, привязанную к носилкам, задыхающуюся и обезумевшую от ужаса после часов, проведенных в полной темноте со связанными руками и заклеенным ртом. А сегодня утром она спокойно сидела за столом и ела, устремив взгляд куда-то вперед, с абсолютно ничего не выражающим лицом. Похоже, она сдалась.

Если бы я рассказала докторам о том, что она сделала, ее бы вышибли отсюда, невзирая на влияние мамы. Может, когда я вышла из подпола и не стала на нее жаловаться, она осознала, как близко подошла к тому, чтобы ее перевели в другое место? Поняла, что ее дурное настроение могло стать фатальным для нее же самой?

Может, даже жалела о том, что сделала. Хотя, наверное, было бы слишком ожидать от нее такого. Во всяком случае, судя по выражению ее лица, можно было считать, что вражде между нами положен конец. Она избавилась от своей ненависти и увидела, насколько близко подошла к тому, чтобы совершить самую большую ошибку в жизни. Мне, конечно, было тяжело находиться с ней рядом, ведь я все время вспоминала, через что мне пришлось пройти из-за нее. Но я не собиралась ей мстить. Я просто сидела и заставляла себя есть, словно ничего не произошло.

Каждая ложка каши, которую я впихивала в себя, падала камнем в желудок. Мало того, что я должна была есть рядом с человеком, из-за которого чуть не погибла, так теперь мне еще надо решать, что делать с Рэ. Как я скажу о ней парням? Дерек, конечно же, начнет во всем обвинять меня.

Я настолько погрузилась в свои мысли, что ничего не замечала вокруг себя. И только когда я вышла из душа и услышала, как мисс Абдо, наша воскресная нянечка, спрашивает что-то о двери и новом замке, я вспомнила о нашем пробном побеге ночью. Неужели нас засекли?

— Доктор Давыдов требует поставить засов, — ответила миссис Галбот. — Не знаю, ставят ли их на внутренние двери. Но если не найдешь таких в магазине, мы позвоним Робу и попросим заменить дверь. После вчерашнего доктор Давыдов хочет, чтобы дети больше не имели доступа в тот злополучный подпол.

Так это о двери в подвал. Я с облегчением вздохнула и стала спускаться вниз. Я как раз дошла до конца лестницы, когда из столовой выглянул Симон.

— Так и думал, что это ты. Лови. — Он кинул мне яблоко. — Я знаю, ты любишь зеленые. Дерек их целый склад припас. — Он поманил меня. — Посиди, поешь с нами. Тебе понадобятся силы. Сегодня суббота, а значит, целый день придется выполнять работу по дому.

Когда я проходила мимо него, он наклонился и шепнул на ухо:

— Ты в порядке?

Я кивнула. Он закрыл за мной дверь. Я взглянула на пустой стол.

— Как Дерек? — тихо спросила я.

— Он на кухне, нагружается. Я слышал, у вас с ним было небольшое ночное приключение?

Дерек настоял, чтобы Симону мы сказали, что это была его идея снова вступить в контакт с призраком. Тогда, если Симона будут выгонять отсюда, вся вина падет на него, Дерека. Думаю, он просто пытался присвоить себе всю славу — мол, это он первым догадался, чего хочет мой призрак. Но судя по выражению лица Симона, он подозревал, что ему рассказали далеко не все. Поэтому я была даже рада, что он не считает меня виноватой в том, что его оставили спать.

Я уселась за стол. Вскоре вошел Дерек со стаканом молока в одной руке и соком — в другой. Симон потянулся за одним стаканом, но Дерек водрузил их оба перед своей тарелкой и проворчал:

— Принеси себе сам.

Симон вскочил, хлопнул Дерека по спине и пошел на кухню.

— Как ты? — шепотом спросила я.

Дерек покосился на закрывающуюся дверь. Ему не хотелось, чтобы Симон знал о его болезни. Мне это совсем не нравилось, и мы сцепились взглядами. Но по упрямому выражению лица Дерека я поняла, что вопрос закрыт.

— Я в порядке, — все же ответил он немного погодя. — Тайленол наконец подействовал.

Под глазами у него выступили темные круги, а белки покраснели. Но то же можно было сказать и обо мне. Лицо у него было бледное, и угри выступали ярче, чем обычно. Видно было, что он утомлен, но идет на поправку. В глазах уже не было лихорадочного блеска, и, судя по тому, как он набросился на кашу, аппетит его не покидал.

— Ну как, я прошел тест, доктор Сандерс? — пробурчал он.

— Полагаю, да.

Довольно хрюкнув, он положил себе в тарелку еще ложку сахара.

— Как я и говорил, просто какая-то реакция. — Он съел три полные ложки каши. Потом, не отрывая взгляда от тарелки, спросил: — Что не так?

— Я ни слова не сказала.

— Что-то случилось. Что?

— Ничего.

Он повернулся ко мне.

— Да?

— Да.

Он фыркнул и вернулся к своему завтраку. В этот момент в столовую вошел Симон.

— Видели список поручений на сегодня? — спросил он и вручил мне стакан апельсинового сока. Потом сам сел за стол и потянулся за сахарницей. Дерек выхватил ее у него из-под носа и положил еще пару ложек сахара себе в тарелку. Они обменялись взглядами. Симон залпом выпил полстакана сока и продолжил: — Нам поручено убирать листья. Ван Доп хочет, чтобы мы собрали всю прошлогоднюю листву...

Пока он говорил, Дерек снова поднял глаза и некоторое время буравил меня взглядом. Я отвернулась и откусила яблоко.

Суббота действительно оказалась днем домашних дел. В другой раз я бы стенала и ворчала, что лучше уж сидеть на уроках. Но сегодня все сложилось как нельзя лучше. Доктора Джил, мисс Ванг и мисс Ван Доп не было, мисс Абдо ушла в город по делам, а миссис Талбот разбиралась с документами, поэтому мы были, в общем-то, предоставлены сами себе, и мне представился повод оказаться на улице, с Симоном наедине — я просто предложила помочь ему убирать листву, пока Дерек наверху менял постель.

— У тебя появились сомнения, — сказал Симон, когда мы отошли от дома на достаточно большое расстояние.

— Что?

Он нагнулся и завязал шнурки.

— Сомнения насчет побега. И ты боишься сказать об этом Дереку, потому что он начнет давить на тебя.

— Дело не...

— Да нет, все в порядке. Я вообще удивился, что ты предложила бежать со мной. В хорошем смысле удивился, но... Если ты передумала, то это вполне нормально, и я тебя не виню.

Я пошла к сараю.

— Я бегу... если только у тебя не появилось сомнений насчет меня.

Симон открыл дверь, махнул, чтобы я ждала его снаружи, а сам зашел внутрь, в темноту. Оттуда вырвались клубы пыли.

— Наверное, надо сказать, что мне вообще-то не нужна ничья помощь. Но если честно... — Он там чем-то брэнчал и стучал, вытаскивая грабли, — то хоть я и не жду каких-то сложностей, но вторая пара глаз всегда кстати, если пускаешься в бега.

— Я, пожалуй, лучше буду этой второй парой глаз, чем останусь сидеть здесь и дожидаться, пока меня спасут, — сказала я, когда он вынырнул с двумя граблями в руках.

— Как Дерек, ты хочешь сказать?

— Нет, это камень не в его огород. — Я закрыла дверь в сарай и заперла его на засов. — Вчера ночью он мне рассказал, почему остается. Из-за того, что он натворил. Я, в принципе, и так догадывалась, потому что...

— Читала его личное дело?

— Я-я...

— Проверяла его, после того как он схватил тебя в подвале? Он догадался. Умный ход. — Симон махнул рукой в дальний угол сада, показывая, откуда мы начнем. Там прошлогодняя листва толстым ковром закрывала землю. — Не давай ему дразнить себя из-за этого. Он тоже твое дело читал.

Я пожала плечами.

— Что ж, это справедливо.

— Твое он читал раньше, чем ты его. Уверен, он умолчал об этом, когда ты признавалась.

— Да, он ничего не говорил.

Мы начали сгребать листву. Пару минут Симон молчал, потом посмотрел на меня.

— Полагаю, он не сказал и почему началась та драка?

Я покачала головой.

— Нет, он просто сказал, что пушку на него никто не наставлял. Больше ничего обсуждать не захотел.

— Это случилось прошлой осенью. Мы переехали в маленький городишко недалеко от Олбани. Не хочу ничего плохого сказать о маленьких городках, уверен, там очень приятно жить... некоторым. Но очагом культуры их не назовешь. В общем, отец получил работу в Олбани, а это было единственное место, где удалось снять квартиру до начала учебного года.

Он подгрел свои листья к куче, которую я начала собирать.

— Я болтался на заднем дворе школы и ждал, пока Дерек закончит разговаривать с учителем математики. Они пытались составить для него индивидуальную программу. Школа маленькая, к таким ребятам, как Дерек, непривычная. Да и к таким, как я, как оказалось.

Из-под корня дерева выскочила мышка. Симон присел и заглянул в норку — нет ли там еще кого-нибудь. Только потом стал сгребать листья вокруг.

— Я кидал мяч в кольцо, и тут подошли эти трое старшеклассников. Они приближались сзади, но я затылком чую опасность. Я не трус, чтобы бегать от каждого, но если им хотелось покидать мячик в кольцо, то я бы уступил, понимаешь?

Порыв ветра раскидал листья, лежавшие в куче. Симон вздохнул и опустил плечи. Я махнула ему, чтобы он продолжал, пока я соберу листья обратно.

— Вот только им не нужна была площадка. Им нужен был я. Похоже, у одного из них мамаша работала продавцом в магазинчике 7-Eleven, потом их сеть выкупила вьетнамская семья, и мамашу уволили. Случилось это год назад, но я со своей азиатской внешностью пришелся им

не по вкусу. Я указал им на то, что не все азиаты состоят в родстве и далеко не все из нас владеют сетью мелких магазинчиков.

Симон перестал махать граблями.

— Когда я сказал, что я не вьетнамец, один из них спросил, кто я. Я сказал, что американец, но в конце концов они получили то, чего ждали, — я признал, что мой дедушка из Южной Кореи. И конечно же, у одного из парней дядю убили в корейской войне. Если этот парень и ходил когда-то на уроки истории, то он их все проспал. Он думал, что это корейцы объявили войну Америке. Я его просветил на этот счет. Признаюсь, тут я немного сумничал. Отец всегда говорил мне, что если я не могу держать язык за зубами, то мне стоит попрактиковаться в защитных заклинаниях. И... — он снова взялся за грабли, а голос совсем упал, — ...он оказался прав. Я умничал, но не особо задираю их, понимаешь? Просто подкалывал. И тут один из них достает складной нож. Я как идиот таращусь на него, не понимая, что это такое. Мобильный телефон? MP3-плеер? И тут — вжик — выскакивает лезвие. Я решаю, что надо бежать, но уже поздно. Один из парней ставит мне подножку, и я падаю. Парень с ножом стоит надо мной, и я уже готовлю оглушающее заклинание. И тут из-за угла выскакивает Дерек. Он хватается парня с ножом, отбрасывает его в сторону, второго бьет в живот, а третий убегает сам. Второй поднимается — с ним все в порядке — и тоже убегает. А вот первый... тот, которого он откинул от меня...

— Он не поднимается, — шепотом закончила я за него.

Симон наколол лист на зубья граблей.

— Дерек прав. Пистолета там не было. Но знаешь что? — Он поднял взгляд на меня. — Если бы кто-то полез с пистолетом на Дерека, он бы не растерялся и отлично с этим справился. Но опасность грозила не ему, а мне. А для Дерека это огромная разница. Отец говорил, это в его природе... — Он начал энергично махать граблями, раздирая землю и свежую траву. — В общем, вот так все и случилось. Я слишком много умничал и не смог сам разобраться с кучкой неотесанных деревенщин. А теперь из-за этого Дерек здесь...

Он замолк, и я подумала, что, пожалуй, не один Дерек винит себя во всем случившемся.

— В общем, — продолжил Симон немного погодя, — ты ведь меня сюда вытащила не для того, чтоб об этом выслушивать? И если я буду и дальше болтать, Дерек нас быстро здесь вычислит. А у меня такое чувство, что ты не хочешь обсуждать это с ним.

— Да уж.

Я рассказала ему про Рэ.

— Я не знала, что сказать, и от этого стало только хуже. Но она застала меня врасплох. Теперь Дерек будет считать, что я проболталась или специально рассказала подружке все свои секреты. А я этого не делала, клянусь...

— Знаю. Ты не из таких. — Симон оперся на грабли. — Рэ права насчет Брэди. Я использовал против него заклинание. Это было глупо, безрассудно, но после того, что случилось с тем парнем, мне хотелось опередить Дерека, понимаешь? Когда я увидел, что Брэди полез на Дерека, я... я просто среагировал.

— Ты хотел разрядить обстановку.

— Точно. А если Рэ застучала вас, когда вы вчера возвращались, так это Дерек виноват. Это ему следовало смотреть получше. У него же слух и... — он остановился, — и глаза. Он прекрасно видит в темноте, лучше, чем мы. В другой ситуации он бы, конечно, заметил ее. Но, видимо, был слишком занят мыслями о побеге.

Да не занят — просто у него был жар, ему было плохо. Но этого я сказать не могла.

Симон продолжил.

— У него, к тому же, было плохое настроение. Он вчера сломал наш душ, слышала? — Он покачал головой. — Оторвал ручку напрочь. Пришлось сказать миссис Талбот, что она расшаталась. Но вот насчет Рэ придется ему сказать.

— Думаешь, она одна из нас? Сверхъестественная?

— Вполне может быть полудемоном. Но если это так, что это может означать для нас? То, что нас здесь четверо таких. Из пяти. Может, Лиза тоже, если она шаман. Это не может быть простым совпадением. — Он замолчал, задумавшись. — Ладно, об этом будем ломать голову позже. А сейчас меня больше волнует то, что она в курсе наших планов.

— Она не просто знает. Она хочет бежать с нами.

Симон вполголоса выругался.

— Она будет нам полезна, — сказала я. — Она лучше разбирается в жизни на улице, чем я.

— И чем я. Просто... — Он пожал плечами. — Уверен, Рэ — отличная девчонка, но меня бы больше устроило, если б мы бежали вдвоем — только ты и я.

Он посмотрел на меня. Сердце у меня забилося в два раза быстрее.

— Мне надо много о чем с тобой поговорить. — Он тронул меня за руку и наклонился так близко, что я почувствовала его теплое дыхание.

— А что там насчет Рэ? — послышался голос. Через лужайку к нам направлялся Дерек.

Симон чертыхнулся.

— Тебе никто никогда не говорил, что ты появляешься очень не вовремя?

— Вот поэтому я и не играю на барабанах. Так что случилось?

Я все ему рассказала.

Глава 38

Симон сомневался, что у Рэ имеются сверхъестественные способности. Конечно, существовали огненные полудемоны, но тогда к пятнадцати годам она должна уметь больше, чем просто оставлять следы, которые едва ли можно было квалифицировать, как ожоги первой степени. Нет, он не думал, что она врет, просто считал, что ей очень уж хочется самой в это поверить.

Я подозревала, что он прав. Ее бросили при рождении, потом вытеснили младшие отпрыски,

затем заперли сюда, в Лайл, с чужими людьми и забыли про нее. Конечно же, для Рэ быть особенной значит очень многое. Я видела это в ее лице в то утро — оно сияло от возбуждения.

Как ни странно, именно Дерек не спешил отместить эту идею. Он не сказал, что Рэ — полудемон, но его молчание говорило о том, что он рассматривает такую возможность. Ему все еще не давало покоя наше вчерашнее ночное приключение — то, что мы не смогли ни подтвердить, ни отменить существования какой-либо связи между нами, Самюэлем Лайлом и телами сверхъестественных, погребенных в подполе. Если Рэ все же полудемон, а Лиза, возможно, шаман, то вероятность нашего случайного попадания сюда стремилась к нулю.

Можно, конечно, поспорить, что пансион групповой терапии для подростков с проблемами — не самое необычное место, где можно встретить юных сверхъестественных, особенно таких, кто еще не осознал своего дара. Наши симптомы можно было вполне подвести под известные психиатрические заболевания. Поскольку всем известно, что невозможно разговаривать с мертвыми, обжигать людей голыми руками или отбрасывать человека и, не прикасаясь, ломать ему шею, то очевидным объяснением всему будет расстроенная психика. Тогда все сходится — галлюцинации, навязчивое стремление к огню и неконтролируемая агрессия...

Но вот в перепадах настроения Тори не было ничего паранормального. Питер здесь находился из-за каких-то проблем с повышенной возбудимостью или чем-то в этом роде и тоже не вписывался в схему.

И все же я не могла отделаться от мысли, что упустила что-то. Связь существует, просто моя голова слишком занята другими проблемами и не видит ее. Уверена, Дерек чувствовал то же самое.

Была Рэ сверхъестественной или нет, мы все сошлись во мнении, что ей лучше бежать с нами. Для Дерека вопрос состоял не в том, стоит ли брать ее с собой, а в том, можно ли позволить ей остаться. А что, если она отомстит, рассказав обо всем нянечкам? Я так не считала, но после нашего побега, если они насядут на нее, она расколется быстрее, чем Дерек.

Единственным условием Дерека было держать при себе информацию о наших способностях и детали побега. Во всяком случае, пока.

Я сказала об этом Рэ. И тут Дерек вдруг взорвал бомбу, которой никто не ждал: бежать надо сегодня ночью.

Поскольку сегодня была суббота, у нас оставался весь день на сборы, а домашние поручения давали отличный повод ходить по всему дому и собирать припасы. Мисс Ван Доп сегодня не было, а воскресная нянечка вряд ли заподозрит, что мы что-то затеваем. Лучше всего было бежать сейчас, пока не случилось еще чего-нибудь.

Как только у меня прошла первая паника типа «Господи, неужели прямо сегодня?!», я вынуждена была согласиться, что чем раньше мы сбежим, тем лучше.

Поэтому, пока Рэ стояла на стреме, делая вид, что убирается в женской ванной, я паковала вещи.

Мне много раз приходилось собирать вещи в летний лагерь, но это были цветочки по сравнению с сегодняшними сборами. По поводу каждой вещи приходилось задумываться, насколько она мне нужна, сколько места займет и сколько веса добавит, и не лучше ли обзавестись этим по дороге?

Щетку я оставила, а вот расческу взяла. Дезодорант? Определенно с собой. iPod и блеск для губ, может, и не столь жизненно важны в дороге, но они совсем крохотные и много места не займут. Мыло, зубную щетку и пасту придется купить потом, потому что нельзя, чтобы сейчас кто-нибудь заметил их отсутствие в ванной.

Дело дошло до одежды. Еще прохладно, особенно по ночам. И лучше не паковать теплые вещи, а надевать побольше. Я собиралась, как учила меня тетя Лорен, когда мы с ней неделю провели в Париже. На себя я надену джинсы с футболкой, пуловер с длинным рукавом и сверху толстовку. А в сумку возьму еще две футболки, свитер, три пары носков и белье.

Хватит ли этого? Сколько времени мы будем в бегах?

Я избегала этого вопроса, поскольку сама предложила бежать. Симон и Дерек считали, что нам довольно быстро удастся отыскать их отца. Симон владел особыми заклинаниями, и ему просто надо было поехать по разным районам Буффало и применить их.

Звучит довольно просто. Не слишком ли?

Я же видела их глаза. У Дерека — едва скрываемая тревога, у Симона — упрямая убежденность. Когда я немного надавила на них, они оба признали, что если найти отца не удастся, у них есть другие знакомые сверхъестественные, с кем можно будет связаться.

На случай, если мы не уложимся в несколько дней, у меня имелась банковская карта и папины деньги. У Симона и Дерека тоже были банковские карты, куда их отец перечислил деньги на экстренный случай — минимум по тысяче долларов, как им казалось. Нам надо было снять со счетов как можно больше, пока никто не сообразил, что мы сбежали, и не отследил нас по банковским картам. Этого должно хватить.

Что бы ни случилось, с нами все будет в порядке. А вот еще одна рубашка явно не помешает.

Рубашка... Это напомнило мне кое о чем...

Я сунула рюкзак под кровать и прокралась к комнате Тори. Дверь была приоткрыта. Сквозь узкую щель было видно, что кровать пуста. Я толкнула дверь.

— Есть кто?

Тори соскочила с кровати, на которой раньше спала Рэ, и сдернула с себя наушники.

— Давно стучишь?

— Я-я-я думала, ты внизу.

— А, и поэтому решила воспользоваться этим? Осуществить свой маленький мерзкий план?

Я вошла в комнату.

— Какой план?

— Тот, который составила со своей бандой. Я же вижу, как вы шепчетесь по углам и что-то затеваете против меня.

— Что?

Тори туго намотала на плеер провод от наушника, видимо, представляя, что затягивает его на моей шее.

— Думаешь, я идиотка? Ты не такая милая и невинная, какой хочешь казаться, Хло Сандерс. Сначала ты соблазнила моего парня.

— Парня? Соблазнила?

— Конечно. Похлопала своими голубыми глазками, и вот он уже бежит за тобой, как потерянный щенок.

— Что?

— А теперь, чтобы уж наверняка восстановить всех в доме против меня, ты втянула в это еще и Рэчел. Не думай, что я не заметила вашего сборища сегодня утром.

— И ты думаешь, у нас... заговор против тебя? — Я рассмеялась и облокотилась о комод. — Как ты с таким самомнением в дверь-то пролезает, Тори? Меня месть не интересует. И ты меня совсем не интересуешь. Понятно?

Тори придвинулась к краю кровати и спустила ноги на пол. Прищурилась, она процедила:

— Считаешь себя такой умной, да?

Я устало вздохнула.

— Ты когда-нибудь прекратишь? Как заевшая кассета, только и твердишь «я, я, я». Прямо весь мир вращается вокруг Тори. Неудивительно, что твоя маман считает тебя испорченной...

Я оборвала сама себя, но было уже поздно. На мгновение Тори словно застыла в движении, потом рухнула на кровать.

— Я не хотела...

— Что тебе нужно, Хло? — Она хотела добавить в голос язвительности, но вышло очень тихо, даже устало.

— Свитер Лизы, — сказала я, немного подумав. — Рэ сказала, ты брала у Лизы зеленый свитер с капюшоном.

Тори махнула в сторону комода.

— Он вон там, в среднем ящике. Если устроишь там бардак, будешь сама все перекладывать.

И все. Никаких тебе «Зачем он тебе понадобился?» или даже «Она что, звонила и спрашивала о нем?» Взгляд у Тори стал отсутствующим. Она под действием лекарств? Или просто ее перестало все это трогать?

Я нашла свитер. Отличная личная вещь для вызова духа.

Я закрыла ящик и выпрямилась.

— Ты получила то, за чем пришла, — сказала Тори. — А теперь беги играть со своими дружками.

Я прошла к двери, взялась за ручку, потом повернулась.

— Тори?

— Что?

Мне хотелось пожелать ей удачи, пожелать получить то, что она так ищет, к чему стремится. Сказать, что мне очень жаль.

За всем тем, что творилось в пансионе Лайла, за открытием, что как минимум трое подростков не должны были бы тут находиться, было так просто забыть о том, что некоторые все-таки оказались здесь не случайно. У Тори были проблемы. Нельзя ждать от нее нормального поведения обычного подростка и упрекать за то, что ей это не дается. Это все равно, что дразнить детишек, отстающих в умственном развитии. Ей требовались помощь, поддержка и участие, и она получала это только от Лизы.

Я сжимала в руках свитер Лизы и пыталась придумать, что бы такого сказать. Но что бы я сейчас ни сказала, выйдет неправильно, как-то снисходительно, что ли.

Поэтому я сказала единственное, что мне оставалось:

— Пока!

Глава 39

Я сунула свитер Лизы в свой рюкзак. Свитер занял слишком много места, но он был нужен мне. Он мог дать такой нужный мне ответ... когда я наберусь смелости задать его.

Времени на сборы оказалось даже слишком много. Мы сделали домашние задания, которые никогда не сдадим на проверку, помогли миссис Талбот придумать меню, которое нам не доведется отведать, и все это время отчаянно боролись с желанием собраться и еще немного пообсуждать наш план. Но и Рэ, и Тори заметили мои небольшие «совещания» с парнями, так что и нянечки тоже могут заподозрить, что за этим стоит нечто большее, чем игра гормонов.

Я предупредила остальных насчет Тори, но их, казалось, это совсем не волновало. Я ее не обманула — нам действительно не было до нее никакого дела. Абсолютно. Может, это ранило ее больше всего?

* * *

Вечер мы убили, посмотрев кино. Впервые в жизни я почти не обращала внимания на экран и, если бы минут через десять после титров меня попросили рассказать, что там происходило, я бы не смогла внятно ответить.

Дерек к нам не присоединился. Симон сказал, что брат так вымотан после бессонной ночи, что решил немного отдохнуть и набраться сил, чтобы голова была ясной. Я заволновалась, не вернулась ли его лихорадка.

Миссис Талбот спросила, куда делся Дерек, и Симон сказал ей, что брат неважно себя чувствует. Она поцокала языком и тут же удалилась играть в карты с мисс Абдо, не удосужившись даже подняться наверх и проверить. С Дерексом всегда было так — нянечки предоставляли его самому себе. Его габариты, видимо, заставляли их забывать о том, что он, в

сущности, еще ребенок. А может, учитывая его личное дело и диагноз, они просто хотели сталкиваться с ним как можно меньше.

Замечал ли он, как они относятся к нему? Уверена, да. От Дерека ничего не ускользало. И, возможно, это только усиливало его убежденность в том, что его место здесь.

Фильм шел своим чередом, а я все думала о Дерекe. Он так старался не выдать Симону, что плохо себя чувствует. И если уж Симон сам сказал, что Дерек «неважно себя чувствует», это должно было означать, что ему настолько плохо, что это уже нельзя скрывать.

Я выскользнула из медиакомнаты, взяла на кухне четыре таблетки тайленола, стакан воды и пошла наверх.

Я постучала в дверь. Тишина. Из-под двери пробивалась полоска света, но Дерек вполне мог уснуть, читая.

Или ему настолько плохо, что он даже ответить не может.

Я снова постучала, на это раз громче.

— Дерек? Это я. Я принесла таблетки и воду.

Опять тишина. Я взялась за дверную ручку. Она приятно холодила пальцы. Наверное, он все же спит. Или игнорирует меня.

— Оставлю их здесь.

И только я нагнулась поставить на пол стакан с водой, как дверь приоткрылась — ровно настолько, что я смогла увидеть босые ноги Дерека. Я выпрямилась. Он снова был в одних трусах, и я поспешно перевела взгляд на его лицо. Но от меня не ускользнуло, что его грудь и плечи поблескивают от пота. Мокрые волосы облепили лоб, глаза лихорадочно блестят, а рот приоткрыт. Дышал он тяжело и со свистом.

— Ты... — начала я.

— Буду в порядке.

Он облизал губы и поморгал, словно пытался сфокусировать взгляд и не мог. Я протянула ему стакан с водой, он взял и сделал большой глоток.

— Спасибо.

Я вручила ему таблетки.

— Ты уверен, что все будет нормально?

— Вполне.

Он придержал дверь ногой и почесал спину.

— Может, тебе стоит принять ванну? — предложила я. — Холодную. Чтобы снять жар. А сода снимет зуд. Я бы принесла...

— Не надо, все в порядке.

— Если тебе что-нибудь нужно...

— Нужно просто отдохнуть. Иди вниз, пока никто тебя не заметил.

Я направилась к лестнице.

— Хло?

Я обернулась. Он тяжело навалился на дверь.

— Симону ни слова, ладно? Насчет меня.

— Он знает, что тебе нездоровится. Тебе бы стоило сказать...

— Я в порядке.

— Да ни в каком ты не в порядке. И он это скоро и сам поймет...

— Не поймет. Я об этом позабочусь.

Он закрыл дверь.

В ту ночь Рэ никак не могла успокоиться. Ей все хотелось поговорить о рюкзаке, о том, что она взяла с собой, и правильно ли она выбрала вещи, не стоит ли взять еще что-нибудь...

Мне было жаль, но пришлось ее заткнуть. Она радовалась, как ребенок, который впервые идет в поход с ночевкой. И это было странно, ведь после того, что случилось с ее подругой, уж кто-кто, а Рэ должна бы понимать, что жизнь на улице — это не сказочное романтическое приключение.

Полагаю, что для нее это было не одно и то же. Ведь она бежит со мной и Симоном, а мы не из тех, кто мог бы стать Бонни и Клайдом. И вообще, это не проявление подростковой преступности, это — миссия. К тому же, как сказали Симон и Дерек, старые правила к нам не относятся.

— Потому что мы особенные. — Она хохотнула. — Звучит так нелепо. Но ведь все этого хотят — быть особенными.

Неужели? Я много какой хотела бы быть. Умной — да. Талантливой — определенно. Красивой? Ладно, признаемся, и это тоже. Но особенной?

Почти всю свою жизнь я была особенной. Дочь богатых родителей, которая так рано потеряла маму. Всегда новенькая в классе. Любительница драм, которая не мечтает стать актрисой. Для меня быть особенной — значит отличаться от всех, причем не в лучшую сторону. Я мечтала быть нормальной. Ирония ситуации заключалась в том, что все то время, когда я мечтала о нормальной жизни, она у меня была... Более нормальной жизни у меня уже никогда не будет.

Я смотрела на Рэ. Она лежала на животе, держа в руках спички, и пыталась голой рукой зажечь их. От усердия, граничащего с отчаянием, она даже высунула язык. Ей так хотелось иметь сверхъестественную способность! Вот у меня такая способность была, но меня это так мало заботило, что я бы с радостью отдала ее Рэ.

Так же у меня было и в школе. Другие девчонки слюной исходили, глядя на дизайнерские

джинсы в витрине, и считали, сколько им еще надо отнычаться с чужими детишками, прежде чем они смогут купить себе такие. А я сидела в своих моднейших джинсах, еще четыре пары в шкафу, и они для меня значили не больше, чем любые простейшие штаны. Я даже чувствовала себя виноватой, что не ценю того, что имею.

Но некромантия — это не пара дорогих джинсов, и я больше чем уверена, что без нее жизнь была бы гораздо лучше. Уж точно легче. А все же, проснись я завтра без способности разговаривать с умершими, почувствую ли разочарование?

— Кажется, она нагревается, — сказала Рэ, зажимая спичку между пальцами.

Я вылезла из-под одеяла.

— Дай-ка взглянуть.

— Нет. — Она отдернула руку. — Еще рано. Я должна сначала сама убедиться.

Была ли Рэ полудемоном? Дерек говорил, они умеют зажигать предметы голыми руками. В таком возрасте Рэ должна была уметь зажигать спички без проблем. Хотя, с другой стороны, он никогда не слышал, чтобы некромант вдруг одним прекрасным утром начал повсюду видеть призраков. Обычно это происходило постепенно.

По-моему, это относится ко всему развитию вообще. Вот в книгах пишут, что «в двенадцать у детей начинается процесс полового созревания, который завершается к восемнадцати годам». Но это все обобщение. Есть девочки вроде меня и парни вроде Дерека. Ни я, ни он не вписываемся в эту общую схему.

Может, у Рэ ее способности проявились позже обычного, как мои месячные, например? У меня сила проявилась, как созревание у Дерека, — сразу и в полную мощь?

Очевидно, полудемоны рождаются от человеческой матери и отца-демона, принявшего человеческий облик, чтобы посеять свое семя. Это укладывается в историю Рэ: мама отказалась от нее сразу после рождения, а отец вообще был неизвестен.

— Дым! — пискнула Рэ и тут же зажала себе рот. Она помахала спичкой. — Я видела дым. Клянусь! Знаю, знаю, надо еще многому учиться. Но это было так здорово!

Она вытащила из коробка еще одну спичку.

Так все-таки она полудемон или нет?

Я очень надеялась, что да.

Глава 40

Мы поставили будильник Рэ на три часа. Дерек уверял, что это самое спокойное время, когда вероятность, что нас заметят, меньше всего. В 2.45 мы отключили будильник, а в 2.50 уже вышли с рюкзаками из комнаты.

Я осторожно прикрыла нашу дверь, и в коридоре стало совсем темно. К лестнице мы шли, ориентируясь на тиканье старинных часов внизу.

Клянусь, в этот раз скрипела буквально каждая половица. Но как бы я ни вслушивалась, стараясь уловить какие-нибудь звуки из комнаты Тори и миссис Талбот, слышно было только тиканье часов.

Внизу сквозь задернутые шторы уже понемногу просачивался лунный свет, и можно было хотя бы различить очертания столов и стульев и не наткнуться на них. Я как раз сворачивала в холл, когда из тени выступила чья-то фигура. Я с трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть, чертыхнулась и собралась уже стукнуть Дерек. Но это был Симон. Один взгляд на его пепельно-бледное лицо — и все слова застряли у меня в горле.

— Что?..

— Дерек с тобой?

— Нет, а что?..

— Он пропал. — Он поднял повыше что-то блестящее, и я не сразу узнала часы Дерек. — Он поставил будильник на 2.45. Когда он сработал, я проснулся и обнаружил часы у себя на подушке. А его кровать была пустой.

Рэ взяла меня за руку.

— Но ведь Дерек не бежит с нами, верно? Мы можем идти.

— Он сказал тебе что-нибудь вчера вечером? — шепотом спросила я.

Симон покачал головой.

— Он спал. Я не стал его будить.

— Может, он в ванной? — прошептала Рэ. — Давайте, ребята, нам надо...

— Я смотрел во всех ваннах. И в комнате отдыха. И на кухне. Что-то здесь не так. С ним что-то случилось.

— Если бы что-то случилось, разве он оставил бы тебе будильник? Может... — Я пыталась найти логичное объяснение и чувствовала, как во мне поднимается волна паники, поскольку никакого объяснения не находилось. — Может, он боялся, что мы в последний момент утащим его с собой, и боялся, что кого-нибудь при этом разбудим?

— Кстати, об этом... — Рэ выразительно глянула на потолок.

Мы с Симоном переглянулись, и я поняла, что каким бы логичным ни казалось мое объяснение, Дерек точно знал, что Симон не уйдет, не убедившись, что с ним все в порядке.

— Ребята... — напомнила Рэ.

— Вы идите, — сказал Симон, — а я поищу...

— Нет, — перебила его я. — Я поищу.

— Но...

Я подняла руку, заставляя его замолчать.

— Что толку, если я убегу, а ты нет? Это ведь твой отец. И ты знаешь, как его искать.

Симон отвел взгляд.

— Что? — Рэ повернулась ко мне. — Забудь про Дерек, Хло. Он все равно не бежит. С ним все будет в порядке. Нам надо идти.

— Я его найду и догоню вас, — сказала я. — Встретимся за фабрикой, хорошо?

Симон покачал головой.

— Я за него отвечаю...

— Сейчас ты отвечаешь за то, чтобы найти отца. Ты не сможешь ни Дереку, ни мне, если не отыщешь его.

Молчание.

— Договорились?

Он хмурил брови, и видно было, что ему совсем не хочется вот так все бросать.

— Ты должен идти, — настаивала я.

Он взял меня за руку и крепко сжал ее. Наверное, я покраснела так, словно он поцеловал меня.

— Будь осторожна, — сказал он.

— Конечно. Я найду его, а потом разыщу вас.

— Я буду ждать.

Симон взял мой рюкзак. Если бы меня поймали с рюкзаком, это был бы полный провал. А если бы я припрятала его где-нибудь, то потом могло бы не представиться шанса забрать.

У нас был секретный код — Дерек записал его для нас вместе с подробными инструкциями на картах, нарисованных от руки. Можно было бы считать это доказательством, что Дерек не собирался присутствовать при нашем побеге. Но я-то знала, что Дерек просто был самим собой и ни в чем не полагался на случай.

Так почему же он исчез, зная, что Симон из-за этого может отложить побег? У меня в памяти мелькнуло, каким я видела его последний раз — весь в поту, едва держащийся на ногах — и тут я поняла, что случилось.

Если бы Симон увидел его в таком состоянии, он бы сразу догадался, насколько Дерек болен. А если бы догадался, то никуда бы не побежал. Это без вопросов. Поэтому Дерек сделал единственное, что ему оставалось, — спрятался где-то, оставил Симону будильник и понадеялся на то, что Симон все же убежит. Зыбкий шанс лучше, чем ни единого шанса.

Так где же Дерек? Для начала я направилась к подвалу. Дверь была закрыта, свет потушен. Но если Дерек прятался, то он бы и не оставил никаких улик. В прачечной было пусто. Дверь в кладовку заперта.

Прошлой ночью, когда мы ходили прогуляться, он хлебнул прохладного воздуха. Когда мы вернулись, жар вроде прошел, и я списала все на действие тайленола. Но, может, ему хватило просто ночной прохлады. Если он хотел по-быстрому прийти в себя, то вполне мог выйти на улицу в надежде немного остыть, чтобы предстать перед Симоном в приличном виде.

Я вышла на заднее крыльцо. Молоденький месяц как раз скрылся за тучами, и на улице было так же темно, как у нас наверху. Я видела свет в окнах соседей, но высокие деревья заслоняли их, оставляя лишь бледные отсветы.

Я обшарила взглядом весь двор, но увидела только белую коробку — это сарай. Сегодня было холоднее, чем накануне, и у меня изо рта вырывался пар. Из ночных звуков — только скрип веток, такой же размеренный и монотонный, как тиканье часов.

Я раза три осторожно прошлась по веранде и только потом решила спуститься по ступенькам. Теперь я уже различала гораздо больше: скамейку в саду, садовые кресла, скульптуру ангела и возле сарая какой-то шар размером с футбольный мяч.

Где-то рядом взвыл мотор, и я застыла. Но это всего лишь автомобиль проехал по улице. Я сделала три осторожных шага вперед и уже подумывала вернуться за фонариком. Но потом вспомнила, что Симон забрал единственный фонарик, о котором я знала.

Я огляделась. И даже открыла рот, чтобы тихонько позвать Дерека, но потом закрыла. Ответит ли он? Или будет прятаться дальше?

Когда я подошла поближе к шару, то поняла, что это большой белый кед. Дерека. Я подняла его и стала теперь уже дико оглядываться.

Ударил порыв ветра, настолько холодный, что у меня слезы выступили на глазах. Я потерла заледеневший кончик носа. Ветер стонал в деревьях. Потом стих... а стоны продолжились, такие тихие и протяжные, что у меня волосы встали дыбом.

Я медленно обернулась. Звуки стихли, потом раздался сдавленный кашель. Я развернулась в ту сторону, откуда он доносился, и увидела торчавший из-за сарая белый носок.

Я рванула туда. Дерек стоял там на четвереньках.

Голову и корпус почти не видно в тени. В воздухе стоял запах пота, а порыв ветра донес до меня еще и резкий, горьковатый запах, от которого у меня сжалось горло и непроизвольно возникли позывы к рвоте.

Все тело его напряглось в очередном приступе.

— Дерек? — прошептала я. — Это Хло.

Он застыл.

— Уходи. — Слова были почти неразличимы — просто какой-то утробный рык.

Я шагнула ближе и заговорила еще тише.

— Симон сбежал. Я уговорила его уйти, пообещала, что найду тебя.

Он изогнул спину и вытянул руки вперед, глубоко зарываясь пальцами в землю. Короткий стон, оборвавшийся бормотанием.

— Ты меня нашла. Теперь иди.

— Ты что, и правда думаешь, что я оставлю тебя вот так? — Я сделала еще шаг к нему. От запаха рвоты я инстинктивно зажала нос рукой и стала дышать ртом. — Если тебя рвет, значит, это не просто лихорадка. Тебе надо...

— Иди! — Это был уже грозный рык, и я невольно отступила.

Он уронил голову. Еще один стон, перешедший в тонкий высокий звук, похожий на всхлип. Дерек был в футболке, и его обнаженные бицепсы взбугрились от напряжения, когда он снова вцепился в землю. Руки потемнели, словно на них нашла тень, потом снова отчетливо выступили бледным пятном в темноте.

— Дерек, я...

Спина его снова изогнулась, да так высоко, что я отчетливо видела линию позвоночника. Футболка натянулась, мышцы ходили ходуном. Потом он как-то обвис, и дыхание с трудом вырывалось у него из глотки, словно шуршание сухих листьев.

— Пожалуйста. Уходи. — Слова прозвучали совсем невнятно, словно он произнес их, не разжимая рта.

— Тебе нужна помощь...

— Нет!

— Тогда я иду за Симоном. Я скоро...

— Нет!

Он повернулся, и я мельком увидела его лицо. Оно было напряженное, искаженное и... какое-то неправильное. Но он опустил голову прежде, чем я успела понять, что же в нем не так.

Его снова вырвало. Звук был таким диким и страшным, словно он выхаркивал свои внутренности. И снова Дерек выгнул дугой спину, а руки вытянулись так, что аж кости захрустели. Руки потемнели, потом снова стали бледными, мышцы и сухожилия дрожали от напряжения. Именно в этот момент из-за туч выглянул месяц, и когда его руки снова потемнели, я увидела пробивавшуюся на них щетину. Она едва пробила кожу и снова ушла внутрь. А руки... Пальцы были длинные и скрюченные, как когти. Он зарывался ими в землю, выгибая спину.

В моей голове всплыли слова Симона. «Парни типа Дерекса обладают... особыми физическими способностями — можно так сказать. Они очень сильные, как ты могла убедиться. Имеют более тонкие органы чувств».

А потом вспомнились мои легкомысленные слова: «Меня не ждет встреча с оборотнями и вампирами?» и то, как Симон рассмеялся: «Это было бы круто».

Он избегал вопроса, на который не мог дать ответ.

Дерек забился в конвульсиях, голова откинулась назад. Чудовищный стон пополам с воем вырвался сквозь стиснутые зубы. Потом голова упала, и его снова вырвало. На подбородке осталась струйка слюны.

— Дерек?

Когда рвотные спазмы утихли, я отважилась подойти поближе. Дерек отвернул голову в сторону.

— Я могу что-нибудь сделать?

Внутренний голос закричал: «Конечно. Беги отсюда как можно быстрее!»

Но это предупреждение я даже не стала воспринимать всерьез, потому что об этом и речи быть не могло. Это ведь не киношный монстр. Даже сейчас, когда на руках у него выступала шерсть, пальцы скрючились в когти, а вместо слов вырывался животный рык, я знала, что это все тот же Дерек, что бы с ним ни происходило.

— Я могу что-нибудь сделать?

Нелепый вопрос. Я даже представила, что бы Дерек ответил при других обстоятельствах — с презрительной усмешкой и закатыванием глаз.

Но сейчас он выдавил только полупридушенное «Уходи» и скорчился на земле, отвернув от меня голову. Все его тело дрожало, а каждый вдох давался с трудом и заканчивался стоном.

— Нет. — Он врылся пальцами в землю, руки напряглись, потом расслабились. — Уходи.

— Я не могу оставить тебя здесь. Если я что-то могу сделать...

— Не... — Дерек судорожно вдохнул, потом все же смог отчетливо произнести: — Не уходи.

Он приподнял голову, и я разглядела зеленый глаз, в котором плескался ужас.

Руки и ноги у него окаменели, спина выгнулась, и новый фонтан рвоты оросил траву. Воздух наполнился болезненным запахом.

Я села неподалеку. Ничего другого я все равно не могла сейчас для него сделать. В голове я судорожно перебирала различные версии, отмечая их одну за другой. Я придвинулась поближе и положила руку на его руку. Ладонью я чувствовала жесткую шерсть, пробивавшуюся сквозь покрасневшую, разгоряченную кожу, которая морщилась и пульсировала. Это единственное, что я могла для него сделать, — сидеть рядом и говорить, что я с ним.

Наконец, после последнего приступа рвоты, которым он забрызгал забор в метре от нас, все прекратилось. Просто закончилось, и все.

Мышцы под моей ладонью успокоились, шерсть ушла. Постепенно Дерек расслабился, опустил спину, перестал зарываться руками в землю. Он скорчился на земле, тяжело дыша. Мокрые от пота волосы облепили лицо.

Потом он перекатился на бок и закрыл руками лицо. Пальцы все еще были длинными, искореженными, ногти — толстые и скрюченные, как когти. Он подтянул к себе колени и застонал.

— Может, мне... Симон. Позвать Симона? Он знает, что делать?

— Нет. — Он говорил хрипло, резко, гортанно, так как его голосовые связки еще не вернулись в нормальное человеческое состояние. — Все закончилось, — сказал он через минуту. — Думаю.

Даже уверен.

Он потер ладонью лицо.

— Этого не должно было случиться. Не сейчас. Еще несколько лет не должно было быть.

Другими словами, он прекрасно знал, кто он такой, просто не ожидал... Трансформации должны были начаться гораздо позже, когда он повзрослеет. Я почувствовала укол злости от того, что он ввел меня в заблуждение и заставил Симона солгать мне. Но я не могла на него злиться после того, что увидела. Не могла, видя его промокшую от пота майку, дрожащее от истощения и боли тело, слыша тяжелое дыхание.

— Иди, — прошептал он. — Со мной теперь все будет хорошо.

— Я не...

— Хло! — взорвался он, и я наконец узнала прежнего Дерека. — Иди. Помогни Симону. Скажи ему, что со мной все в порядке.

— Нет.

— Хло... — Он буквально прорычал мое имя.

— Пять минут. Я должна убедиться, что с тобой все в порядке.

Он ругнулся, но остался лежать на траве, стараясь немного расслабиться.

— Вижу, ты все же смог раздеться. — Я старалась говорить как можно непринужденнее. — Надеюсь, эта футболка тебе не нравилась, потому что ей кранты.

Шутка была слабая, но он отозвался.

— По крайней мере, я не позеленел.

— Нет, только... — Я собиралась сказать «оброс шерстью», но не смогла выдать это из себя. У меня до сих пор это в голове не укладывалось.

Хлопнула задняя дверь. Дерек подскочил. Сейчас я отчетливо видела его лицо. Нос казался широким и сплюснутым, скулы выступали вперед, словно стремились слиться с носом, брови густые и насуспенные. Совсем не монстр, скорее актер, загримированный под неандертальца.

Я наконец оторвала от него взгляд и поползла к углу сарая. Он ухватил меня за ногу.

— Да я осторожно, — прошептала я. — Только взгляну.

Я легла на живот, осторожно подползла к углу сарая и выглянула. По саду метался лучик фонарика.

— Женщина, — тихо прошептала я. — Думаю, это Рэ. Нет, слишком худая. Может, мисс Абдо?

Дерек схватил меня за щиколотку. Джинсы у меня немного задрались, так что его рука коснулась голой кожи. Я чувствовала его ладонь, огрубевшую, как подушечки на лапах собаки.

— Иди, — прошептал он. — Я перекину тебя через забор. Там перелезешь еще через один и...

Луч фонарика пробежал по заднему двору.

— Кто там? — Голос был тонкий, резкий, с легким акцентом.

— Доктор Джил, — прошептала я. — Что она тут?..

— Неважно. Беги!

— Я знаю, что там кто-то есть, — крикнула она. — Я вас слышала.

Я взглянула на Дерека. Лицо у него все еще было перекошено. Нельзя, чтобы доктор Джил застала его в таком виде.

Я схватила его кед, который нашла ранее, потом скинула свой кроссовок, и это сбило Дерека с толку настолько, что мне удалось вырваться от него и метнуться к забору. Я протиснулась в узкую щель между забором и сараем. В последнюю секунду Дерек бросился за мной, но не успел — я пролезла уже слишком далеко, и он не мог ни достать меня, ни пролезть вслед за мной.

— Хло! Вернись! Не вздумай...

Но я продолжала продираться вперед.

Глава 41

Я пробиравась между забором и сараем, держа кед Дерека в одной руке. Другой рукой я растрепала волосы и на ходу вытащила из джинсов рубашку. Добравшись до угла сарая, я осторожно выглянула. Доктор Джил стояла спиной ко мне и фонариком обшаривала другую часть сада.

Я метнулась за кусты и все так же вдоль изгороди стала продвигаться к крыльцу. Затем я присела, намазала на щеки грязь и вышла наружу, специально треща ветками.

— Д-доктор Джил. — Я судорожно заправляла рубашку в джинсы. — Я-я-я выходила п-п-погулять.

Я подпрыгивала на одной ноге, пытаюсь натянуть кед Дерека.

— Кажется, это не твое, Хло, — сказала доктор Джил, подходя ближе и светя фонариком мне в глаза.

Я прикрыла глаза рукой и подняла кед, щурясь и разглядывая его. После чего нервно рассмеялась.

— Оп-па, похоже, я прихватила чужой, когда выходила из дома.

— Где он?

— Кто? — пискнула я.

Доктор Джил ткнула в кед.

— Дерек.

— Дерек? А это его? — Я украдкой покосилась на кусты, тем самым привлекая к ним ее внимание. — Я-я Дерек с обеда не видела. А он т-т-тоже здесь?

— Уверена, что нет. Полагаю, он давно сбежал вместе с Симоном и Рэ. Они сбежали, а тебя оставили здесь на страже, чтобы ты нас отвлекала.

— Ч-что? — На этот раз заикание было непритворным. — С-с-сбежали? Н-н-нет. Мы с Дерекком... — Я махнула в сторону кустов. — Он знал код сигнализации, вот мы и вышли, чтобы побыть наедине и... ну, понимаете?

Она шагнула поближе, светя мне прямо в глаза.

— Решили продолжить с того места, где закончили в пятницу?

— Верно. — Я наконец заправила рубашку в штаны и постаралась придать себе смущенный вид.

— Думаешь, я куплюсь на это, Хло? Такие девушки, как ты, и не посмотрят в сторону таких, как Дерек. И уж тем более не будут валяться с ними в кустах или в подполе.

Я уже ничего не понимала.

— Но вы же поймали нас в пятницу. Вы сами говорили...

— Я знаю, что я говорила, Хло. И знаю, что вы на самом деле делали в том погребе. Я нашла ваших новых друзей.

Я буквально приросла к месту. Я просто ушам своим не верила.

— Что они тебе сказали? — Доктор Джил крепко ухватила меня за руку. — Это ведь были они? Подопытные Самюэля Лайла? — Она наклонилась ко мне. Глаза ее блестели так же лихорадочно, как недавно у Дерекка, только в них был еще огонек безумия. — Они раскрыли тебе свои секреты? Рассказали о его открытиях? Обещаю, никто не узнает, что ты пыталась сбежать. Я скажу, что ты просто заснула в медиакомнате. Только скажи мне, что тебе рассказали те призраки?

— Я-я не умею разговаривать с призраками.

Я попыталась вырваться, но она только крепче сжала мою руку. Я расслабилась, словно бы сдалась, а потом резко дернулась в другую сторону. Руку она разжала, но я рванулась слишком резко и, потеряв равновесие, споткнулась. Доктор Джил прыгнула на меня. Я уклонилась, упав на землю. Потом тут же откатилась. И в следующее мгновение огромная тень перемахнула через перила веранды.

Доктор Джил только и успела заметить, как над ней промелькнула тень. Дерекк приземлился прямо перед ней. Доктор Джил вскинула руки и взвизгнула, отшатнувшись. Но поскольку корпус ее еще разворачивался, она упала. При этом ее рука нырнула в карман. Дерекк прыгнул и пригвоздил ее руку к полу. В руке была рация. Она полетела в траву. Череп доктора Джил хрустнул о цементный пол.

Я подбежала к ним. Дерекк уже склонился над ней и проверял пульс.

— Она в порядке, — выдохнул он с облегчением. — Просто сознание потеряла. Пойдем, пока она не очухалась.

Его пальцы сомкнулись на моей руке. Грязные, но совершенно человеческие пальцы. Лицо и руки тоже вернулись в нормальное состояние, и только грязная, изорванная рубашка свидетельствовала о пережитом им испытании. Я стряхнула его руку и на одной ноге допрыгала до того места, где бросила его кед. Подобрала, обернулась и увидела, что Дерек держит в руке мою кроссовку, которую я скинула за сараем.

— Махнемся?

Мы надели свою обувь.

— Симон ждет на фабрике, — сказала я. — Надо его предупредить. Им известно о побеге.

Дерек подтолкнул меня к забору.

— Через улицу будет небезопасно. Пойдем дворами.

Я оглянулась.

— Я за тобой, — заверил он. — Давай уже, иди.

Мы добрались до первого забора, и я полезла наверх. Но слишком медленно — и Дерек подхватил меня сзади и перекинул через него, потом сам перемахнул, словно это был небольшой барьерчик. Мы пересекли еще два двора, и тут где-то неподалеку взвыла сирена, мы нырнули за детский домик на площадке.

— Полиция? — шепотом спросила я.

— Трудно сказать.

Немного помолчав, я сказала:

— Доктор Джил знает о мертвецах. Когда я поднимала их, она, должно быть, вовсе не сидела в своем кабинете. Она знает, что я могу контактировать с умершими, и про Самюэля Лайла знает, и...

— Потом.

Он прав. Я постаралась отогнать от себя эти мысли и сосредоточиться пока на сирене. Она промчалась мимо, двигаясь как раз в ту сторону, откуда пришли мы, потом затихла.

— Остановилась возле нашего пансионата? — спросила я.

Дерек покачал головой.

— Нет, я ее еще слышу. Двигай давай.

Дерек уверял, что пансион Лайл от конца квартала отделяют еще семь дворов. Мы перебежали пятый, и тут его рука, как шлагбаум, взмыла вверх, я врезалась в нее и обернулась. Дерек замер, подняв голову, и к чему-то прислушивался. Прошло десять секунд. Я дернула его за рубашку, но он не обратил на меня внимания и слушал еще секунд десять. Потом опустил

голову и прошептал:

— Я слышу, как притормозила машина. Кто-то тут есть.

— Где?

Он нетерпеливо отмахнулся.

— На улице, которую нам как раз надо пересечь. — Он поднял палец. — Шаги. Кто-то идет. Это женщина. Она что-то шепчет, но я не могу разобрать.

— Ты узнаешь голос?

Он покачал головой.

— Стой здесь. Я подберусь поближе, может, узнаю.

Он пробрался к самому дому и спрятался за кустами.

Я огляделась. Я стояла посреди двора, и меня мог заметить любой, кто услышал бы шум и выглянул из окна. Укрытие Дерека казалось куда надежнее. Когда я стала подбираться к нему, он развернулся и пригвоздил меня взглядом к месту.

— Извини, — прошептала я и стала двигаться медленнее и тише.

Он махнул мне рукой, чтобы я вернулась на место. Я не послушалась, и он снова сердито глянул на меня, но тут же отвернулся. Я встала у него за спиной и затихла. Он вертел головой из стороны в сторону, ловя голоса. Во всяком случае, я так подумала. Но когда он повернулся ко мне, я заметила, как приподнял его подбородок, как раздуваются ноздри, и поняла, что он нюхает воздух.

Он заметил, что я смотрю на него, и смачно выругался.

— Ты можешь чують... э...

— Запахи. — Он буквально выплюнул это слово. — Да. Я могу следовать по запаху. Как собака.

— Я не это имела...

— Неважно.

Он снова отвернулся, ощупывая взглядом забор.

— Полагаю, ты уже поняла, кто я такой.

— Оборотень.

Я постаралась сказать это небрежно, но не уверена, что у меня получилось. Мне не хотелось, чтобы это вышло испуганно, ведь именно такой реакции он и ждал от меня и поэтому не признался сразу. Я уверяла себя, что оборотень ничем не отличается от некроманта, волшебника или полудемона. Но это было не так.

Молчание затянулось, и я подумала, что надо что-то сказать. Если бы он сказал мне, что он полудемон, я бы засыпала его вопросами. А теперь мое молчание вроде как клеймило его. Как

кого-то менее естественного... хуже нас.

— Так что... что там произошло? Тебя... ты?..

— Менялся. — Он шагнул вправо, прислушался. Потом вернулся на место. — Это должно было начаться после восемнадцати. Так считал отец. Прошлой ночью все эти почесывания, лихорадка, дрожащие мышцы — это были предвестники. Я должен был догадаться.

Он вздернул нос, ловя порыв ветра. Глубоко вдохнул, потом покачал головой.

— Нет, не узнаю. — Он махнул в сторону заднего двора. — Перелезем через забор там, пройдем через другой двор и обойдем это место. Надеюсь, они к тому времени уже уедут.

Мы перебрались через забор и прошли через следующий двор к улице. Дерек внимательно осмотрелся, вглядываясь и прислушиваясь. И, наверное, пригнувшись. Потом поманил меня рукой. Мы пересекли улицу, пробрались в следующий двор и двинулись дальше, на восток, через дворы.

Вскоре мы добрались до основной дороги, и я увидела автомобиль, о котором говорил Дерек. Это был серебристый SUV, он стоял в паре кварталов от нас. Фары были погашены, но возле окна водителя кто-то стоял, облокотившись о дверцу, и вроде бы разговаривал.

— Попробуем перебежать, — сказал Дерек. — Надеюсь, они нас не заметят.

— Думаешь, они ищут нас?

— Нет, но...

— Тогда если мы побежим, это будет подозрительно.

— Сейчас полчетвертого утра. Мы в любом случае выгладим подозрительно. — Он еще какое-то время смотрел на машину. — Ладно. Но в случае малейшей опасности слушайся и следуй за мной.

— Есть, сэр.

Глава 42

Мы перелезли через забор под плакучей ивой, чтобы ее ветви заслоняли нас. Потом Дерек поместил меня слева от себя, чтобы заслонить от машины. С такого расстояния они вполне могут принять его за взрослого мужчину, возможно, в сопровождении женщины.

— Мы будем идти и разговаривать, поняла? Обычная парочка на ночной прогулке. Мы ни от кого не скрываемся.

Я кивнула, и он взял меня под руку. Мы быстро пересекли тротуар и замедлили шаг, дойдя до бордюра.

— Так, начинай говорить, — пробормотал Дерек.

— Когда ты... менялся...

Он рассмеялся, очевидно, не предположив, что я заговорю именно об этом. Но я говорила тихо, и если нам отсюда было не слышно, о чем говорят люди у машины, то и они различат лишь смутные голоса.

— Ты превращался в... — Я пыталась подыскать подходящее слово для образа, пришедшего в голову, — в голливудского вервольфа? Получеловека? Полузверя?

— В волка. — Дерек направился влево, подальше от машины.

— В волка?

— Ну да, знаешь таких? Крупные дикие собаки. Их можно встретить в зоопарке.

— Ты превращаешься в?.. Но это не... — Я оборвала себя.

— Физически невозможно? — Он снова коротко рассмеялся. — Да, мое тело кричало о том же. Я не знаю, как это работает. Надеюсь, попозже разберусь. Мы идем не налево. Фабрика прямо...

Он резко остановился, одновременно с этим мелькнули фары автомобиля. Дерек крепче сжал мою руку и побежал, потянув меня за собой.

— Они нас заметили, — сказал он.

— Но они же не ищут нас?

— Ищут.

Он дернул меня за руку, подтаскивая к следующему двору. Как только мы добежали до забора, он обхватил меня за пояс и перекинул. Я приземлилась на четвереньки, тут же вскочила и бросилась к ближайшему укрытию — железному сараю.

Дерек приземлился рядом со мной. Несколько секунд я просто стояла, прижимаясь горячей щекой к холодному металлу, глотая ледяной ночной воздух. Потом выпрямилась.

— Как?..

— Я слышал, как они сказали: «Это они» и «Звони Марселю».

— Марсель? По-моему, так зовут доктора Давыдова?

— Да, и что-то мне подсказывает, что это не настолько распространенное имя, чтобы быть простым совпадением.

— Но как...

Дерек зажал мне рот рукой, и я почувствовала на губах привкус земли. Дерек наклонился к моему уху.

— Тсс. Они объезжают квартал. Я слышу голоса. Наверное, они опустили окна в машине, чтобы услышать нас.

Но кто они такие? Откуда взялись? Симон и Рэ ушли не больше чем минут сорок назад. Как эти люди добрались сюда так быстро?

— Тори, — прошептала я.

— Что?

— Тори прознала про наш побег. Вот почему у нее было так тихо. Она вовсе не опустила руки, она...

— Не имеет значения. Они едут по той дороге, — сказал Дерек, махнув рукой в сторону. — Пойдем.

Он подтолкнул меня в противоположном направлении.

— Фабрика в самом конце. Нам бы только туда добраться. Беги по траве — так тише.

Мы побежали по газону, разделявшему тротуар и дорогу. От фабрики нас отделяло всего три дома, и тут Дерек выругался.

Через три шага я поняла почему: стоянку вокруг фабрики окружал двухметровый забор, а ворота были заперты на всячий замок.

— Наверх! — скомандовал он.

Я ухватилась за перекладины и стала взбираться наверх. Дерек попытался подсадить меня, но я лишь отмахнулась. Я почти добралась до верха забора, и тут на стене фабрики высветились два пятна. Я оглянулась. Двигатель машины взревел, когда преследователи прибавили скорость.

— Давай, давай, давай, — шептал Дерек.

Автомобиль затормозил так резко, что заскрипели тормоза. Я перевалила через край и начала спускаться. Дерек оседлал забор и прыгнул вниз. Он приземлился на ноги и развернулся ко мне. В этот момент хлопнули дверцы автомобиля.

— Прыгай! Я тебя ловлю.

Я уже наполовину спустилась, но все же отпустила руки. Дерек поймал меня, поставил на ноги и развернул в сторону фабрики.

— Дерек! Хло!

Голос был женский. Я продолжала бежать, но, услышав свое имя, невольно оглянулась. Невысокая седая женщина ухватилась за прутья забора. Незнакомка.

Какой-то мужчина оббегал автомобиль. В руках он держал длинный темный предмет. Когда незнакомец поднял его, сердце у меня замерло.

— Ружье! — крикнула я, не останавливаясь. — У них с собой...

Он толкнул меня в сторону как раз в тот миг, когда что-то просвистело мимо нас. Мы врезались в кучу деревянных ящиков. Они посыпались, больно ударив меня по плечам и спине. Я поднялась на ноги, нырнула за следующий штабель и побежала, пригибаясь, пока не добежала до стены фабрики.

Потом мы с Дерексом пробежали вдоль северной стены и укрылись в погрузочном терминале.

Дерек затащил меня за какую-то ржавую бочку.

— Они с-с-стреляли в нас, — прошептала я, с трудом выдавливая из себя слова. — Нет. Наверное, я... Может, это радио? Или сотовый телефон? Я ошиблась.

— Не ошиблась. — Дерек потянулся рукой за спину.

— Н-но они с-с-стреляли в н-нас. Пытались нас убить. Это б-б-бесмыслица какая-то.

Дерек выдернул что-то из складки своей футболки. Узкая металлическая трубка с заостренным концом.

— Застряло у меня в рубашке. Немного кольнуло, но это, должно быть, не страшно. Чтобы отключить меня, надо гораздо больше.

— Отключить? — я уставилась на него. — Это что, дротик с транквилизатором?

— Наверное. Я их только в шоу про животных видел.

Но мы-то не животные. Люди не охотятся на детей с ружьями, заряженными транквилизатором.

— Н-н-не п-п-понимаю.

— Я тоже. Но суть в том, что они хотят нас вернуть. Очень хотят. Тем больше оснований бежать. — Он бросил дротик на землю, подошел к краю бочки и втянул ноздрями воздух. — Симон здесь. Не рядом, но он тут недавно проходил.

— Ты можешь его найти?

— Да. Но сейчас у нас есть заботы поважнее — мы сами. Симон заляжет на дно, пока не увидит тебя. Нам бы надо сделать то же самое, пока они не уедут.

Он подошел к воротам терминала и подергал их. Они были надежно заперты. Ручки внутри. Я проползла вдоль бочек и осмотрела фабричный двор.

— Вон там вроде какой-то склад. Ты что-то говорил в пятницу про склад. Что там можно спрятаться.

Дерек обернулся.

— Этот слишком близко к фабрике. Вряд ли он заброшен. — Он внимательно оглядел строение. — Но на время сойдет. Думаю, я смогу взломать замок.

Он тоже осмотрел двор, потом пригнул меня к земле, и мы побежали к складу. Один резкий удар в дверь, и мы внутри.

Дерек оказался прав: склад не был заброшен. Он был забит рулонами стали, что давало нам кучу возможностей спрятаться. Двигаться приходилось осторожно. Я шла строго след в след за Дерекком, стараясь ступать как можно тише.

Шагов через двадцать Дерек нашел какую-то щель и затащил нас туда. Едва мы успели скрыться, как снаружи прогремел голос.

— Дерек? Я знаю, что ты здесь. Это доктор Давыдов.

Я глянула на Дерек. Он развернулся на голос.

— Дерек? Я знаю, ты не хотел этого делать. Ты ведь хочешь поправиться. Ты не поправишься, если сбежишь.

Голос перемещался, поскольку доктор, видимо, шел по двору. Дерек вскинул голову, прислушался и прошептал:

— Четыре, нет, пять человек. Все врозь. Ищут.

Они надеялись, что мы выдадим себя.

— Дерек? Ты же знаешь, тебе нельзя здесь находиться. Это небезопасно. Мы с тобой обсуждали это, помнишь? Ты ведь больше не хочешь никого покалечить. Я это знаю. И тебе нужна наша помощь.

Я посмотрела на Дерек. Желваки у него ходили ходуном, взгляд стал каким-то отстраненным.

— Я могу вернуться, — шепнул он. — Отвлеку их, а ты убежишь. Симон где-то рядом. Тебе надо только найти его и...

— Ты вернешься? После того, как они стреляли в тебя?

— Всего лишь транквилизатором.

— Всего лишь? Всего лишь? — Я невольно повысила голос. — Они охотятся на нас, Дерек. Доктор Джил знает, кто я такая.

— Она знает. Но это еще не значит, что они тоже в курсе.

— Ты уверен?

Он поколебался. Потом снова повернул голову на голос.

— Дерек? — продолжал доктор Давыдов. — Пожалуйста. Я хочу тебе помочь. Но и ты должен помочь нам. Выходи, поговорим. Вот так. Просто поговорим. Не будет никаких дисциплинарных мер, мы тебя никуда не переведем.

Дерек придвинулся ко мне. Видно было, что он обдумывает это предложение.

— Ты не можешь... — начала я.

— Если ты не выйдешь, Дерек, мы тебя все равно найдем, и тебя переведут... в колонию для несовершеннолетних. За похищение Хло.

— Похищение... — пискнула я.

Дерек зажал мне рот.

Доктор Давыдов продолжил:

— У тебя в личном деле уже есть запись о том, что ты позволил себе неподобающее обращение

с ней. Когда полиция узнает об этом, да еще услышит наши показания, у тебя будут большие неприятности, Дерек. А я знаю, ты этого не хочешь. Даже если Хло будет тебя защищать, тебя отправят в колонию. Ты — шестнадцатилетний парень, сбежавший с четырнадцатилетней девочкой. — Он помолчал. — Ты ведь отдаешь себе отчет в том, что ей всего четырнадцать, Дерек?

Я выразительно потрясла головой и шепнула:

— Он врет. Мне в прошлом месяце исполнилось пятнадцать.

Доктор Давыдов продолжил:

— Для полиции это будет однозначным случаем похищения и сексуальных домогательств. Возможно, даже изнасилования.

— Сексуальных!.. — пискнула я.

Взгляд Дереката заткнул меня не хуже, чем его ладонь.

— Выбор за тобой, Дерек. Не пойдешь на сотрудничество, только себе хуже сделаешь.

Дерек фыркнул. Доктор Давыдов проиграл. Если бы он продолжал давить на страх Дереката покалечить кого-нибудь, он мог бы сдаться. Но угрожать? Как сказал Симон — это совсем другое дело.

— Оставайся здесь, — шепнул он. — Я пойду поищу выход отсюда.

Я хотела возразить, предложить пойти вместе. Но я ведь не обладала его ночным зрением. И если я начну бродить в темноте, натываясь на что ни попадя, то только привлеку внимание доктора Давыдова и остальных.

Поэтому я осталась на месте.

Глава 43

Через несколько минут Дерек вернулся и, ни слова не говоря, повел меня к дальней стене склада, где было выбито окно. Похоже, раньше оно было заколочено, но теперь щит валялся на полу.

— Подожди.

Дерек смахнул с подоконника осколки стекла, потом помог мне взобраться на окно. Протискиваясь через раму, я зацепилась рукавом за торчащий осколок.

Где-то рядом хлопнула дверь.

— Хло? Дерек? Я знаю, что вы здесь. Дверь взломана.

Я дернула рукав, почувствовав резкую, обжигающую боль. Осколок со звоном упал на асфальт.

Я спрыгнула на землю и побежала к ближайшему укрытию — брезенту, которым был накрыт штабель досок. Я упала на колени и поползла под брезент. Я доползла до того места, где

брезент доходил до самой земли, и легла на живот. И в ту же секунду почувствовала пульсирующую боль в руке. Видимо, осколок не просто оцарапал меня.

— Ты ранена, — прошептал Дерек, словно прочитав мои мысли.

— Просто царапина.

— Да нет, не царапина.

Он взял мою руку и выпрямил ее. В меня вонзились иголки боли. Я с трудом подавила стон. Здесь было темно, так что почти ничего не было видно, но рукав показался мне мокрым. Кровь. И Дерек учуял ее.

Он осторожно закатал мой рукав и чертыхнулся.

— Плохо? — шепотом спросила я.

— Глубокий порез. Надо остановить кровь. Нужна повязка.

Он отпустил мою руку. Потом мелькнуло что-то белое, и я поняла, что он стаскивает с себя футболку.

— Подожди, — сказала я. — На тебе же больше ничего нет. А на мне куча одежды.

Он отвернулся, а я, стиснув зубы, сняла с себя все три рубашки, морщась каждый раз, когда ткань задевала рану.

Верхние две рубашки я надела обратно, а Дереку протянула свою футболку. Он порвал ее на полоски, и этот звук эхом отдавался вокруг. Наверное, вид у меня был напуганный, потому что Дерек тут же успокоил меня:

— Рядом никого нет. Я слышу, как они обыскивают склад.

Он обмотал тканью мою руку. Потом снова приподнял голову, прислушиваясь. На этот раз и я уловила голоса — один позвал, другой ответил.

— Теперь они все на складе, — прошептал Дерек. — Пора двигаться отсюда. Постараюсь по запаху найти Симона. Иди за мной.

Дерек зигзагами пробирался между разбросанными по двору кучами мусора. К счастью, я бежала за ним, и он не видел, сколько раз я стукалась локтем или коленкой об эти самые кучи и штабеля.

Наконец он остановился.

— Засек его, — сказал он и ткнул пальцем в южную часть фабрики. Мы двинулись в том направлении. Едва мы подошли к углу, из дверного проема кто-то выглянул и тут же скрылся обратно. Симон. В следующее мгновение оттуда же выскочила Рэ и стала энергично махать нам. Потом ее кто-то втащил внутрь, наверное, Симон.

Мы оказались в каком-то узком углублении, пропахшем сигаретным дымом.

— Что ты здесь делаешь? — шепотом спросила Рэ, с тревогой глядя на Дерек. — Ты же должен...

— Планы изменились.

— Рад тебя видеть, братишка. — Симон хлопнул его по спине. — Я боялся, что Хло не сможет нас отыскать. Тут целая куча людей ищет нас.

— Знаю.

Симон снова выглянул из-за угла, всмотрелся в темноту, потом подошел ко мне и отдал мой рюкзак.

— Ты в порядке?

Я кивнула, пряча за спину раненую руку.

— У них с собой ружья.

— Что? — У Рэ глаза полезли на лоб. — Не может быть. Они бы никогда...

— С транквилизатором, — поправил меня Дерек.

— А. — Она кивнула, словно ружья со снотворным — это обычная вещь в поисках сбежавших подростков.

— Кого ты видел? — спросил Дерек у Симона.

— Ван Доп, Давыдова и, думаю, Талбот. Но не уверен. Джил с ними нет.

— Она осталась в пансионате, — сказала я, не вдаваясь в подробности. — Но с ними еще двое — мы их не знаем. Мужчина и женщина. — Я глянула на Дерека. — Может, переодетые полицейские? Как думаешь?

— Понятия не имею. Об этом будем беспокоиться потом. А пока что мы тут, как обложенная добыча. Надо выбираться отсюда.

Когда Дерек отошел, чтобы выглянуть наружу, Симон наклонился ко мне и шепнул на ухо:

— Спасибо, что нашла его. Все было в порядке?

— Потом, — оборвал его Дерек. — Там, подальше, есть еще один склад с выбитыми стеклами. Наверное, заброшенный. Если бы нам удалось добраться туда...

— Хло? — Рэ смотрела на мою руку. — В чем это у тебя весь рукав? Похоже на... — Она коснулась ткани. — Господи. Да ты же вся в крови.

Симон тут же подскочил ко мне с другой стороны.

— Весь рукав промок. Что...

— Просто порез, — сказала я.

— Глубокий, — добавил Дерек. — Надо наложить швы.

— Я не...

— Нужно зашить, — повторил он. — Я что-нибудь придумаю. А пока... — Он ругнулся и

заскочил обратно. — Они идут. — Он мрачно огляделся. — Это самое дурацкое убежище...

— Знаю, — сказал Симон. — Я хотел найти получше, но... — Его выразительный взгляд в сторону Рэ подсказал, что это она отказалась уходить отсюда.

— А чем тебе это место не нравится? — спросила она, прислонившись к стене. — Здесь совершенно темно. Они нас не увидят.

— Пока не посветят фонариком.

Дерек подошел к двери в другом конце углубления, ухватился за ручку и тихонько подергал ее. Потом покрепче уперся ногами, взялся за ручку обеими руками и потянул. От усердия у него на шее выступили сухожилия. Дверь задрожала и открылась со скрипом, который прозвучал как выстрел.

Дерек поманил нас внутрь.

— Ищи укрытие! — шепнул он, когда я проходила мимо него.

Мы вбежали в просторный вестибюль со множеством дверей. Одни были открыты, другие закрыты. Рэ направилась к первой же, но Дерек толкнул ее дальше.

— Иди дальше! — шепнул он.

Он нагнал Рэ и провел нас в холл, примыкающий к первому. Потом махнул, чтобы мы застыли, и прислушался. Но даже я, не обладая сверхслухом, услышала, как хлопнула дверь и раздались шаги.

— Здесь открыто! — крикнул мужчина. — Они вошли сюда.

— Надо выбираться, — прошептал Дерек. — Разделимся. Ищите выход. Потом свистите, но тихонько. Я вас услышу.

Глава 44

За следующим углом мы разделились и направились искать выход.

Первая дверь, которую я открыла, вела в длинное помещение, заставленное рабочими столами. Выхода там не было.

Я слышала, как в холле хлопают двери — наши преследователи заглядывали в комнаты у самого входа, предположив, что мы укрылись за первой же дверью.

Я поспешила к следующей двери и тут заметила фигуру в комнате напротив. Я остановилась как вкопанная, но было поздно. Я уже оказалась у них на виду.

Немного очухавшись от ужаса, я сообразила, что мужчина стоит ко мне спиной. Он был в джинсах и клетчатой рубашке, того же роста, что и мужчина с ружьем, и с такими же темными волосами. Клетчатой рубашки я на том мужчине не помню, но, по-моему, он был в куртке.

Клетчатый стоял на высоком мостке, держась за перила, и смотрел на огромную промышленную лесопилку. И что-то там, внизу, привлекло его внимание, он следил не

отрываясь.

Я осторожно шагнула вперед. Он пошевелился, и я тут же застыла на месте. Но он всего лишь поудобнее взялся за поручень. Я подняла ногу. Он сделал то же самое — шагнул на рейку барьера.

Он влез на перила и сел верхом, держась руками за поручень. Снизу что-то двигалось. Я посмотрела на лесопилку. Она работала — лезвия вращались так быстро, что аварийная лампочка, горевшая где-то вдали, часто мерцала. Кругом ни звука, даже гула машин не было слышно.

Мужчина проверил, крепки ли перила, и вдруг прыгнул вниз. Я видела, как он упал прямо на лезвия, увидела первый фонтан крови и тут же привалилась к стене. Я зажала рукой рот, но крик все же успел вырваться.

Что-то — какая-то часть его тела — отлетела к двери и плюхнулась на пол. Я с трудом оторвала взгляд, чтобы не видеть, что это такое, и, шатаясь, пошла назад. Позади меня раздались шаги.

Кто-то схватил меня за руку. Голос Симона раздался прямо над ухом.

— Хло?

— Т-там был человек. Он... — Я сжала руки в кулаки, отгоняя от себя это видение. — Призрак. Мужчина. Он прыгнул прямо на лезвия.

Симон притянул меня к себе, обняв и давая мне уткнуться лицом ему в грудь. От него пахло ванильной отдушкой для белья с легкой примесью пота. Как ни странно, но это успокаивало. Я застыла, стараясь отдышаться.

Из-за угла вывернул Дерек.

— Что случилось?

— Призрак, — ответила я, оторвавшись от Симона. — Простите.

— Кто-то услышал. Надо бежать.

Обернувшись, я снова увидела призрака — он опять стоял на мостках. Дерек проследил за моим взглядом. Призрак стоял на том же месте, держась за перила. Потом он шагнул на рейку.

— В-все п-повторяется. Как заевшая кассета. — Я встряхнулась. — Не обращайтесь внимания. Нам...

— Надо бежать, — повторил Дерек и подтолкнул меня вперед. — Двигай!

Только мы двинулись по коридору, как Рэ оглушительно свистнула.

— Я же сказал — тихонечко! — прошипел Дерек.

Мы свернули в коридор, в который ушла Рэ, и увидели ее у двери с надписью ВЫХОД. Она искала ручку.

— Не ищи! — Дерек прошел мимо нее и выбил дверь ногой. Прислушался, принялся и только потом распахнул дверь пошире. — Видите вон тот склад?

— Это тот, что в миле отсюда? — спросила Рэ.

— Четверть мили максимум. Теперь бегите. Мы сразу за вами... — Он вскинул голову и насторожился — засек какой-то звук. — Они идут сюда. Видимо, услышали свист. Так, вы бегите. А я их отвлеку. Присоединюсь к вам попозже.

— Да, — сказал Симон. — А я тебя прикрою. Хло, бери Рэ и бегите.

Дерек открыл рот, чтобы возразить, но Симон перебил его.

— Тебе нужно что-то, чтобы их отвлечь? — Он прошептал заклинание и махнул рукой. Тут же за клубился туман. — Я тебе очень даже пригожусь. — Симон обернулся ко мне. — Бегите. Мы нагоним.

Я тоже хотела возразить, но не нашла что предложить со своей стороны. От моих способностей до сих пор было больше помех, чем пользы.

Рэ уже выскочила во двор и, поджидая меня метрах в пяти от входа, приплясывала на месте, как боксер.

Я повернулась к ней, и тут Дерек протолкнулся мимо Симона и вплотную подошел ко мне.

— Добирайтесь до склада и сидите там. Как минимум час не высовывайтесь. Если мы не появимся, найдите место, где можно укрыться. Мы все равно вернемся.

Симон кивнул.

— Можешь не сомневаться.

— Не оставайтесь на складе, если почувствуете опасность. Но место встречи все равно будет там. Проверяйте его время от времени. Если не сможете остаться, найди, где оставить нам записку. Мы с вами обязательно встретимся. Поняла?

Я кивнула.

— Они, похоже, там, — крикнул кто-то. — Обыщите каждую комнату.

Дерек вытолкнул меня в дверь.

Симон одними губами прошептал:

— До скорого, — и поднял вверх большой палец. Потом повернулся к Дереку. — А теперь покажем им шоу.

Я побежала.

Глава 45

Мы час сорок прождали мальчишек на складе.

— Их поймали, — прошептала я в отчаянии.

Рэ пожала плечами.

— Может, и нет. Может, им представилась возможность смотаться отсюда, и они ею воспользовались.

Во мне поднялась волна протеста, но я пока подавила ее. Рэ права. Если им представился шанс ускользнуть, то пусть они им воспользуются.

Я встала.

— Ладно, подождем еще немного, потом пойдем. Если парни ускользнули, то они найдут способ встретиться с нами позже.

Рэ покачала головой.

— Я бы не рассчитывала на это, Хло. Я же говорила, они всегда ведут себя по принципу «мы против всех». И «мы» — это только они вдвоем и никто другой. Ну, разве что еще их пропавший отец. — Она присела на корточки. — Они хоть намекнули тебе, где он может быть? И почему он не вернулся за ними?

— Нет, но...

— Я не спору, я просто говорю... — Она подползла к двери и выглянула наружу. — У меня так было в прошлом году, когда я встречалась с одним парнем. Он входил в круг «избранных». — Она показала пальцами кавычки. — И мне, конечно, было лестно возвращаться в их круг. Я думала, это делает меня одной из них. Да только оказалось совсем не так. Они мило вели себя со мной. Но сами-то они дружили класса с третьего, и то, что мне было позволено войти в их круг, не означало, что меня приняли как равную. У тебя есть сверхъестественная способность. Это добавляет тебе очков в глазах Симона и Дерека. Но... — Она повернулась ко мне. — Ты знаешь их всего неделю. И когда наступит критический момент...

— Они друг для друга — главное. Я знаю. И не говорю, что ты ошибаешься, просто...

— Да, Симон очень мил с тобой. Я вижу. Но... — Она прикусила губу, потом подняла на меня глаза. — Но когда ты осталась искать Дерека, Симон волновался вовсе не о тебе. Он о тебе даже не заикался. Все только о Дерекке.

Ну конечно, он волновался о Дерекке. Дерек был его братом, а я — всего лишь девчонкой, с которой он познакомился неделю назад. Но все равно было досадно, что он ни разу обо мне не вспомнил.

Я собиралась рассказать Рэ о той части плана, которую она упустила, — что этот склад станет нашим постоянным местом встречи, которое мы будем время от времени проверять. Но сейчас это прозвучало бы как попытка доказать, что парни не отвернулись от нас окончательно. Это выглядело бы жалко.

Я все еще считала, что они обязательно объявятся, как только все немного уляжется. И это никак не связано с тем, нравлюсь я Симону или нет. Они вернуться, потому что это правильно. Потому что они обещали. Может, я просто маленькая наивная девочка, насмотревшаяся фильмов, где хороший парень всегда возвращается и всех спасает? Но я в это верила.

Это не означало, однако, что я буду сидеть здесь, как девчонка из боевиков, заламывая руки и ожидая, когда ее спасут. Я, может, и наивная, но не глупая. Место встречи мы назначили, так что нет нужды торчать тут все время.

Я выползла из нашей норки, огляделась и прислушалась. Потом поманила к себе Рэ.

— Для начала надо раздобыть денег, — сказала я. — У меня есть папины деньги, но нам может понадобиться больше. Существует лимит на снятие денег в сутки, и, скорее всего, больше нам потом раздобыть не удастся. Так что придется действовать быстро, пока они не отследили мою карту и не заморозили счет. Дерек сказал, что ближайший банкомат...

— Что ты делаешь? — спросила Рэ.

— В каком смысле?

Она взяла мою руку и показала на кровь.

— Тебе не деньги нужны, а доктор.

Я покачала головой.

— Мне нельзя идти в больницу. Даже если они еще не подали в розыск, я несовершеннолетняя. Они обязательно позвонят тете Лорен...

— Я ее и имела в виду. Она ведь у тебя доктор?

— Н-нет. Я не могу. Она отправит нас обратно.

— После того, как они в нас стреляли? Я знаю, ты сейчас злишься на нее, но ты же сама говорила, что она всегда беспокоится о тебе, всегда тебя защищает. Если ты появишься у нее на пороге и скажешь, что доктор Давыдов и его клика стреляли в тебя, пусть даже снотворным, неужели она тут же отправит тебя обратно в Лайл?

— Это будет зависеть от того, поверит ли она мне. Неделю назад поверила бы, безусловно. Но теперь? — Я покачала головой. — Я — шизофреник. У меня паранойя и бред. Она мне не поверит.

— Тогда опиши мне, как выглядели ружье и дротик, и я скажу, что сама видела их. Нет, погоди! Дротик. Дерек же вынул его из рубашки? Не знаешь, где он?

— Кажется, знаю. — Я постаралась восстановить всю картину и вспомнила, как он выбросил его в погрузочном терминале. — Есть. Я точно помню, где он.

— Тогда пойдём, возьмем его.

Это оказалось не так просто. Мы ожидали, что вся фабрика должна кишеть полицейскими, разыскивающими двух сбежавших подростков. Но когда мы выглянули на улицу, то увидели только с полдюжины рабочих, вышедших в воскресенье на сверхурочные. Они переговаривались и смеялись, несли в сумочках свой обед и в стаканчиках — дымящийся кофе.

Я сняла с себя пропитанный кровью свитер и надела вместо него Лизин свитер с капюшоном. Потом мы потихоньку выбрались из склада, перебегая от одного укрытия к другому. Никаких признаков преследования. И это вполне понятно. Ну, сколько подростков ежедневно убегают из дома в Буффало? Даже если это пансионат для подростков с проблемами, это еще не повод устраивать крупномасштабную охоту на них.

Ночью нас, скорее всего, преследовали только сотрудники Лайла. Может, еще члены

попечительского совета, вроде мамы Тори, которых больше волновала репутация пансиона, нежели наша безопасность. И если они хотели оставить наш побег в тайне, то им следовало убраться отсюда до начала рабочего дня, чтобы никто из рабочих их не заметил. Сейчас они наверняка проводят совещание, решая, что делать дальше и когда следует известить наших родных и полицию.

Я легко нашла дротик со снотворным и положила в свой рюкзак. Потом мы направились в деловой райончик, который был в трех кварталах от Лайла. Мы держались настороже, но все прошло гладко. Мы нашли таксофон, я вызвала такси и дала адрес тети Лорен.

Тетя Лорен жила в доме на двух хозяев неподалеку от университетского городка. Когда мы приехали, утренняя газета все еще лежала на ступеньках. Я подобрала ее и позвонила в дверь.

Через минуту за занавеской мелькнула тень. Потом брякнул замок, и дверь открылась. Тетя Лорен стояла перед нами в банном халате, с влажными волосами.

— Хло? Боже мой! Где... — Она раскрыла дверь пошире. — Что ты здесь делаешь? Ты в порядке? Что случилось?

Она потянула меня за раненую руку, и я с трудом удержалась, чтобы не застонать. Тетя Лорен глянула на Рэ.

— Тетя Лорен, это Рэ. Из Лайла. Нам надо поговорить с тобой.

Войдя в дом, я уже как следует представила их друг другу. Потом я все рассказала. Представила отредактированную версию. Очень сильно отредактированную — без зомби, магии и оборотней. Просто парни решили устроить побег и позвали нас с собой. Мы пошли с ними из любопытства — чтобы развеяться, погулять, а позже вернуться. Зная тетину антипатию к доктору Джил, я включила в рассказ эпизод про то, как она набросилась на меня во дворе со своими дикими обвинениями. Потом я рассказала про ружье.

Тетя Лорен смотрела на дротик, лежавший на ее кофейном столике поверх стопки журналов. Потом она взяла его в руки так осторожно, словно он мог взорваться.

— Это дротик со снотворным, — сказала она чуть слышно.

— Мы так и подумали.

— Но... они этим стреляли в вас? В вас?

— Да. В нас.

— Я была там, доктор Феллоу, — сказала Рэ. — Хло говорит чистую правду.

— Нет, я... — Тетя подняла на меня глаза. — Я тебе верю, милая. Я просто не могу понять — это совершенно... — Она потрясла головой.

— Где ты нашла пансион Лайл? — спросила я.

Тетя моргнула.

— Нашла?

— Как ты нашла его для меня? В «Желтых страницах»? По рекомендации?

— У него очень хорошие рекомендации, Хло. Очень хорошие. Кто-то в больнице сказал мне о нем, и я навела справки. Процент выздоровления у них потрясающий, и отзывы пациентов и их близких очень восторженные. Поверить не могу, что такое случилось.

Так, значит, в Лайл я попала не случайно. Его рекомендовали. Значит ли это что-нибудь? Я щупала свитер Лизы и думала о нас — обо всех нас. Ни один обычный пансион не станет ловить сбежавшего пациента с ружьями, пусть даже заряженными снотворным. Призрак был прав. Мы все оказались в Лайле неспроста. И, скрывая правду от тети Лорен, я подвергаю ее опасности.

— Насчет призраков... — начала я.

— Ты имеешь в виду слова этой вашей доктор Джил? — Тетя Лорен швырнула дротик на стол с такой силой, что стопка журналов развалилась. — Даме самой, очевидно, требуется помощь психиатра. Подумать, что ты можешь общаться с призраками? Стоит только намекнуть об этом наблюдательному совету, и у нее тут же отберут лицензию. И еще повезет, если не отдадут под суд. Ни один здоровый человек не поверит в то, что можно общаться с мертвыми.

Так, забудем про признание...

Тетя Лорен поднялась.

— Для начала я позвоню твоему отцу, потом своему адвокату, а уже он свяжется с пансионом.

— Доктор Феллоу?

Тетя Лорен повернулась к Рэ.

— Прежде чем вы все это сделаете, может, взглянете на руку Хло?

Глава 46

Тетя Лорен взглянула и ужаснулась. Руку нужно зашивать, причем немедленно. Дома у тети не было необходимого оборудования, мне требовалось полное врачебное обследование. Никто ж не знает, что я там себе разрежала и какие микробы и грязь были на том стекле. Тетя Лорен заставила меня выпить целую бутылку энергетического напитка, чтобы восстановить силы после такой потери крови. Через десять минут мы с Рэ уже сидели на заднем сиденье ее «мерседеса» и выезжали из гаража.

Я заснула, не успели мы доехать до первого светофора. Наверное, наконец сказались последние бессонные ночи. Автомобиль тети Лорен помог мне расслабиться, ведь здесь все было так знакомо: ягодный освежитель воздуха, мягкие кожаные сиденья и голубое пятно на том месте, где я три года назад пролила газировку. Я была дома. В своей нормальной жизни.

Хотя, конечно, я понимала, что все не так просто. Что я еще не вернулась к своей нормальной жизни. И Дерек с Симоном где-то на улицах. Но даже это беспокойство потихоньку улетучивалось. Я словно оставляла его в другой жизни. Которая мне приснилась. Отчасти это был кошмар, отчасти... нет.

Я подняла из могил мертвых, вырвалась от безумной докторши, промчалась сквозь

заброшенный склад, в меня стреляли. Все это казалось таким нереальным в этой знакомой машине. Радио настроено на музыкальную волну, тетя Лорен посмеивается над комментариями, которые Рэ отпускает по поводу выбора композиций. Все такое знакомое. Такое нормальное. Такое успокаивающее.

И все же, даже отключаясь, я хваталась за воспоминания о той, другой жизни, где оживали мертвецы, пропадали отцы, и волшебники ставили какие-то жуткие эксперименты, а тела подопытных хоронили в подполе под домом. Где мальчики могли голыми руками напустить туман или превратиться в волка. Теперь все это кончилось, и это было все равно что проснуться и обнаружить, что больше не можешь общаться с призраками. Такое чувство, что это может серьезно осложнить мне жизнь и сделать ее совсем иной. Полной приключений. Особенной.

Я проснулась от того, что тетя Лорен трясла меня за плечо.

— Я знаю, что ты устала, милая. Давай только зайдём внутрь, и можешь снова засыпать.

Я, спотыкаясь, вылезла из машины. Тетя Лорен тут же подхватила меня, да и Рэ кинулась на помощь.

— С ней все нормально? — спросила Рэ у тети Лорен. — Она потеряла много крови.

— Она устала. Да вы обе, наверное, устали.

В лицо мне дунул холодный ветер, я зевнула и резко трянула головой. Прямо перед собой я различила какой-то дом. Я поморгала, и взгляд сфокусировался. Это было желтое кирпичное здание с единственной дверью без вывески.

— Это больница?

— Нет, это клиника. Я звонила в приемное отделение Общей больницы Буффало — у них все занято. Типичное воскресное утро. С вечера субботы к ним поступают с огнестрельными ранениями, покалеченные в авариях, пьяные — в общем, зоопарк. А здесь у меня знакомый врач, и тебя примут сразу.

Тут из-за угла вывернула невысокая седая женщина.

— А, вот и Сью. Она здесь работает сиделкой. Рэ, Сью отведет тебя в комнату ожидания, покормит и осмотрит.

Я вглядывалась в эту женщину, отчаянно пытаюсь сфокусировать взгляд. Она почему-то казалась мне знакомой. Даже когда она ушла, что-то в моем затуманенном мозгу не давало мне покоя. Была какая-то связь, но я никак не могла ее уловить.

И только когда мы оказались внутри, я вспомнила, где видела эту женщину. Буквально вчера ночью — она держалась за прутья забора и звала меня по имени.

Я резко повернулась к тете Лорен.

— Та женщина...

— Да, Сью. Она здесь работает. Она о тебе прекрасно позаботится...

— Нет! Я видела ее вчера ночью вместе с тем мужчиной, что стрелял в нас.

Тетя Лорен поморщилась и обняла меня за плечи.

— Нет, милая, это другая женщина. Ты столько всего пережила и, наверное, немного запуталась...

Я оттолкнула ее.

— Нет. Я ее видела. Это она порекомендовала тебе Лайл? Мы должны немедленно уйти отсюда.

Я увернулась от нее и кинулась к двери. Схватила за ручку, но тетя Лорен догнала меня и закрыла дверь.

— Хло, послушай меня. Тебе надо...

— Мне надо выйти отсюда. — Я потянула за ручку обеими руками, но тетя крепко держала дверь. — Тетя Лорен, пожалуйста. Вы не понимаете. Надо немедленно уходить отсюда.

— Кто-нибудь, помогите доктору Феллоу, — раздался голос где-то в коридоре. Я обернулась и увидела, что к нам идет доктор Давыдов. Его обогнал какой-то мужчина со шприцем в руках.

— Это излишне, Марсель, — рявкнула тетя Лорен. — Я уже дала ей кое-что.

— И я вижу, как это прекрасно работает. Брюс, успокой Хло, пожалуйста.

Я взглянула на тетю Лорен.

— Ты меня чем-то накачала?

Она обняла меня.

— С тобой все будет хорошо, милая. Обещаю.

Я вырвалась, больно лягнув ее. От неожиданности она даже отпрянула. Потом тетя Лорен повернулась к доктору Давыдову.

— Я же говорила тебе, нельзя решать это таким образом. Говорила, предоставь все это мне.

— Предоставить это тебе? — повторила я, медленно отступая назад.

Она потянулась ко мне, но я вскинула руки, заслоняясь от нее.

Человек со шприцем поймал мою руку. Я попыталась вырваться, но игла уже вошла под кожу. Тетя Лорен шагнула ко мне, открыв рот. В этот момент в коридоре появилась какая-то женщина.

— Доктор Давыдов! Поступило сообщение от поисковой команды. Мальчишек нигде нет.

— Сюрприз, сюрприз, — сказала тетя Лорен, поворачиваясь к доктору Давыдову. — Кит отлично обучил их. Стоит им сбежать, и их уже не поймаешь. Я тебя предупредила.

— Мы их найдем.

— Да уж постарайтесь. И когда вы их поймаете, я надеюсь, этот зверюга получит по заслугам. Пусть его пристрелят, как бешеного пса. Посмотри, что он сделал с рукой Хло.

— Д-дерек? — Я отчаянно боролась с действием снотворного. — Дерек этого не делал. Я сама порезалась...

Я начала сползать по стенке, и тетя Лорен подхватила меня. Я попыталась оттолкнуть ее, но руки не слушались. Она крикнула, чтобы принесли носилки, и склонилась надо мной.

— Тебе не надо покрывать его, Хло, — прошептала она. — Мы прекрасно знаем, кто он такой. — Она зыркнула в сторону доктора Давыдова. — Зверь. Ему не место среди...

Следующие ее слова я уже не разобрала. Все как-то помутнело и расплылось.

Я постаралась сконцентрироваться и увидела ее лицо прямо над собой.

— Но мы не позволим ему причинить вред Симону, Хло. Это я тебе обещаю. Когда ты очнешься, ты поможешь нам отыскать Симона и вернуть его домой. Я знаю, что он для тебя значит. Он и нам очень дорог. Вы все дороги. Ты, и Рэчел, и Симон, и Виктория. Вы все — особенные. Ты...

Все померкло у меня в глазах.

Глава 47

Я лежала, глядя в стену. Не могла заставить себя перевернуться и осмотреться. Не хотелось даже голову с подушки приподнимать. Я все еще чувствовала действие снотворного, затягивающего меня в объятия сна, но старательно держала глаза открытыми и смотрела в крашеную зеленую стену.

Тетя Лорен предала меня.

Все было ложью.

Она лгала мне во всем. И наши отношения от начала до конца были ложью.

Когда я в детстве рассказывала, что видела монстров в подвале, она прекрасно понимала, что я вижу призраков. И моя мама знала это — поэтому и настояла на том, чтобы мы переехали.

Я пощупала подвеску. Может, это и правда нечто большее, чем просто глупый талисман, который должен был внушить мне, что с ним я в безопасности? Не потому ли тетя Лорен настояла, чтобы я носила его в Лайле? Симон говорил, что некромантия — способность наследственная. Если и мама, и тетя знали о призраках, значит, в их жилах текла та же кровь.

А знал ли об этом мой папа? Не поэтому ли он старался держаться подальше от меня? Потому что я была белой вороной?

Я подумала о маме. О той аварии. Врезавшегося в них водителя так ведь и не нашли. А точно ли это был несчастный случай? Или кто-то убил ее?..

Нет. Я постаралась выгнать эту мысль из головы, вжавшись в подушку. Нельзя позволять своему воображению разгуливаться, иначе можно с ума сойти.

Сойти с ума.

Тетя Лорен точно знала, что я не сумасшедшая, но, тем не менее, позволила мне самой поверить в это. И спланировала в пансион на терапию.

В пансион, где было полно других подростков со сверхъестественными способностями.

Говоря, что мы все особенные, тетя Лорен включила сюда и Рэ. Наверное, она и впрямь полудемон. А как насчет Тори? Кто она такая? Ее мама об этом знает? Если она работает на Лайл, то должна бы знать. А если знает, то какой смысл упрекать Тори в том, что ей не становится лучше?

Кто ж так делает? Какой родитель?

Но разве моя тетя не сделала то же самое? Только она подсластила все это поцелуями и объятиями. Сейчас, во всяком случае, мне казалось, что это даже хуже.

Может, в Лайл нас отправляли, если что-то шло не так? Помещали туда и начинали пичкать лекарствами, заставляя поверить, что мы душевнобольные? Но зачем? Разве не проще было сказать нам правду? Почему не рассказать об этом в самом детстве, почему не подготовить нас, не научить контролировать свою силу?

Судя по тому, что объяснял Симон, именно так и должно было все происходить. Тебе все рассказывают, а потом учат применять и прятать свою силу, до того как она вырвется из-под контроля.

Так что же такое этот пансион Лайл?

Мне вспомнилось, что Симон говорил про своего отца.

Он работал на исследовательский центр, где доктора и ученые со сверхъестественными способностями пытались облегчить жизнь остальным сверхъестественным.

Потом я услышала слова женщины-призрака, похороненной в подполе Лайла:

«Самюэль Лайл обещал нам легкую жизнь. Мы все к этому стремимся, не так ли? Сила без цены... Видишь ли, девочка, любые научные изыскания требуют экспериментов, а для экспериментов нужны подопытные. Именно ими мы с Майком и были. Лабораторными крысами, принесенными в жертву ради иллюзий сумасшедшего».

Я подскочила. Сердце колотилось так, что я едва могла дышать. Тетя Лорен сказала, что все мы особенные. Рэ, Симон, Тори и я.

Но не Дерек.

«Я надеюсь, этот зверюга получит по заслугам. Пусть его пристрелят, как бешеного пса».

Надо найти Дерек раньше них.

Я развернулась и осмотрелась. Двухспальная кровать с огромными подушками и толстым одеялом. На полу ковер. Письменный стол. Кресло. В полуоткрытую дверь видна отдельная ванная. И толстая стальная дверь без окошка. Даже глазка в ней не было.

И дверной ручки тоже.

Где бы я ни оказалась, но это не обманчивый пансион, в котором у меня была свобода перемещений по дому и двору, были домашние обязанности, уроки и редкие выходы в город. Здесь я была ограничена этой комнатой, и выйти отсюда мне не светило.

Я откинулась на подушки.

Это ловушка. Мне отсюда не убежать. Никогда не убежать...

Просто отлично. Ты пять минут как проснулась, быстренько осмотрелась и уже сдаешься. Ну, тогда лежи и жди, пока они придут и привяжут тебя к операционному столу. Что там сказала эта ведьма? Что-то насчет электрических проводов, которые к ним прикладывали, пока они не откусывали себе язык.

Я застонала.

А как же Дерек? Он помог тебе выбраться из Лайла, а теперь ты даже не попытаешься его предупредить? Просто дашь им его поймать? Убить его?

Дерека не поймают. Он слишком умен для этого. Он же выбрался из Лайла...

Нет, это тебя он вывел из Лайла. Сам он не планировал оттуда уходить. Это была просто счастливая случайность. Помнишь, как доктор Давыдов пытался выманить его обратно? И ведь Дерек чуть не пошел. А что, если они снова попробуют эту тактику? И тогда у него появятся сомнения, и он решит, что ему и впрямь лучше жить в Лайле?

Нет, он этого не сделает до тех пор, пока будет защищать Симона.

Ах, да, Симон. Дерек Симона никогда не сдаст. Но что, если он решит отвлечь их и дать Симону шанс уйти? Как поступил со мной и Рэ. Если Дерек сочтет, что, сдавшись, поможет Симону сбежать от них, он так и сделает.

Я должна его предупредить. Но для этого надо выбраться отсюда. На этот раз нельзя сидеть и ждать, пока кто-нибудь другой придумает за меня план. Я должна все сделать сама.

Может, сейчас я и заперта, но рано или поздно они выпустят меня отсюда. Я все же не особо опасный преступник. Они выведут меня — на прогулку, в столовую, в операционную, наконец...

О последнем я старалась не думать.

Главное, что я отсюда выйду, а к тому времени я должна быть готова. Для начала надо как следует оглядеться. Но как это сделать, сидя в запертой комнате?

Тут я посмотрела на свитер, надетый на мне. Зеленый свитер Лизы.

Если она мертва, то, может, я смогу ее призвать и попросить разведать...

Если она мертва? То есть теперь ты даже надеешься, что она умерла?

Я вцепилась в одеяло и поглубже вздохнула. Я уже много дней гнала от себя мысль, что Лизы больше нет. Сколько бы доказательств я ни получала, я не могла в это поверить — слишком уж все это казалось нереальным.

Но сейчас, сидя в этой запертой комнате, пережив предательство тети, ожидая, что они вот-вот выследят Дерека и убьют его, как какого-нибудь зверя...

Лиза мертва.

Они ее убили.

Она была сверхъестественной, ее сила вышла из-под контроля, и они избавились от нее. Наверняка так и было, иначе они упомянули бы в том списке и ее. А как же Питер? Его выпустили, потому что ему действительно стало лучше? Лизе лучше не стало... и ее не отпустили.

Где-то в глубине души я еще цеплялась за надежду, что неправа насчет Лизы. Но умом понимала, что не ошибаюсь.

Я стянула с себя свитер. Рука у меня была забинтована. Пока я лежала без сознания, мне наложили швы. Если они занялись моим лечением, значит, пока не планируют убивать меня.

Я смотрела на свитер и думала о Лизе и о смерти. Каково это — умереть в шестнадцать?..

Я зажмурилась. Нет времени на подобные мысли.

Я поискала в комнате камеры видеонаблюдения. Ни одной не увидела, хотя это не значило, что их не было вовсе. Если они увидят, как я беседую сама с собой, то сразу же догадаются, чем я занимаюсь. Может, даже решат, что моя сила вышла из-под контроля, как у Лизы.

Надо выбирать.

Я уселась по-турецки, взяла в руки свитер Лизы и стала звать ее, как раньше призывала других призраков. Тут можно было не беспокоиться о том, что я переборщу, ведь здесь не было поблизости ее тела. Во всяком случае, я на это надеялась. Но я понятия не имела, что за этой дверью. Может, лаборатория, может, тела других неудачников, таких, как Лиза...

На это нет времени.

Призрак-некромант говорил, что Лайл защищен специальным заклинанием, блокирующим призраков. Наверняка здесь то же самое, а значит, мне понадобятся все мои силы.

Я сосредоточилась так сильно, что аж виски заломило, но ничего не произошло.

Я закрыла глаза, чтобы лучше представлять себе Лизу, но невольно время от времени подглядывала, и это нарушало концентрацию. Наконец я все же зажмурилась и все, что было во мне, вложила в то, чтобы представить, как я вытягиваю Лизу из эфира и...

— Ух ты! Где это я?

Я открыла глаза и увидела ее. Она снова была в своей пижаме с Минни-Маус и носках с жирафами.

Лиза.

Точнее, призрак Лизы.

— Привет! — Она помахала рукой у меня перед глазами. — Что случилось, Хло? Тебе нечего бояться. Знаю, пансион Лайл — далеко не Диснейленд, но... — Она огляделась и нахмурилась. — Но это не Лайл, да? Где... О боже! Мы в больнице. Они тебя тоже сюда поместили? Когда?

Она поморгала и покачала головой.

— У них тут такие противные лекарства. Я все время сплю и вижу странные сны, а когда просыпаюсь, ничего не соображаю. Тебе они их тоже давали?

Так где же Лиза была все это время? Застряла в лимбо? Но одно понятно точно: она не в курсе, что уже умерла. И мне придется сказать ей об этом.

Сказать? Ни за что. Если она не знает, то и к лучшему.

И как много времени пройдет, пока она вычислит это сама, как думаешь? Разве не ты должна открыть ей глаза?

Мне не хотелось это делать. Совсем, совсем не хотелось. Но мне нужна была ее помощь, чтобы сбежать отсюда, спасти Рэ и предупредить Симона и Дерекка. Сейчас все зависело от меня. И для этого мне придется сделать ужасное.

Дрожащими пальцами я сжала ее свитер и глубоко вздохнула.

— Лиза, мне надо кое-что сказать тебе.